

НАТАЛЬЯ

ИЛИШКИНА

УЛАН

ДАЛАЙ

СТЕПНАЯ САГА

РЕДАКЦИЯ
ЕПЕНЫ ШУБИНОЙ

Наталья Илишкина

Улан Далай

«Издательство АСТ»

2023

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Илишкина Н. Ю.

Улан Далай / Н. Ю. Илишкина — «Издательство АСТ», 2023

ISBN 978-5-17-154027-2

Наталья Илишкина родилась и выросла в Поволжье. Окончила Самарский государственный университет, филолог-германист. «Улан Далай» – дебютный роман, основанный на архивных материалах, рассказах свидетелей времени и их потомков. «Перед нами история калмыков, долгих четыре века верой и правдой служивших “Белому царю”, – история сбывшихся и не сбывшихся надежд, военных подвигов и тяжких мытарств в годы депортации. Глазами трех поколений одной семьи – деда, сына и внука – автор видит советское прошлое. Но лишь один из них, прозрев к концу жизни, приходит к исчерпывающему осознанию его сути» (Елена Чижова).

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-17-154027-2

© Илишкина Н. Ю., 2023
© Издательство АСТ, 2023

Содержание

Пролог	6
Часть первая	11
Глава 1	11
Глава 2	18
Глава 3	25
Глава 4	33
Глава 5	40
Глава 6	46
Глава 7	51
Часть вторая	58
Глава 8	58
Глава 9	69
Глава 10	77
Конец ознакомительного фрагмента.	82

Наталья Илишкина

Улан Далай: степная сага

© Илишкина Н. Ю., 2023

© ООО «Издательство АСТ», 2023

* * *

«Улан Далай» – захватывающая семейная сага о бузавах, донских калмыках-казаках. Увлекательная энциклопедия жизни народа на сломе эпох, мостик от Михаила Шолохова к Гузель Яхиной.

Анна Матвеева

* * *

*Калмыцким предкам моих детей —
Владимира, Анны и Ланы —
посвящаю этот роман.*

Пролог

Улан-далай, улан-далай, улан-далай... Состав пересчитывал стыки, скрежетал на поворотах – шар-шар, вздрагивал всем своим длинным телом на остановках – таш-баш.

За свои шестьдесят с лишним зим Баатр лишь однажды ездил на поезде. В 1918-м. От станции Куберле до Царицына. И на машине однажды. Перед последней войной. Чагдар тогда на хутор прикатил, чтобы показать, каким он важным человеком стал. Еле проехал по бездорожью. Машина была вся словно мукой обсыпана внутри и снаружи: ну пыль – такое дело, как летом в степи без нее? Баатр надел бешмет и шапку, зажмурил глаза и полез внутрь. Водитель Сумьян повернул рукой какую-то штучку, машина заурчала, задрожала, затряслась. Баатр хотел тут же выпрыгнуть, но довольное лицо сына, усевшегося рядом в торжественной позе, остановило от позорного бегства. Тряско, шумно, вонько. Зачем людям эти уродливые тесные железные кибитки, что пахнут как, должно быть, пахнет из нижнего мира? Машина рванула и подпрыгнула на кочке – Баатр головой ударился о боковое стекло, шапка слетела прямо в ноги, да еще и красной кисточкой вниз – дурной знак.

Улан-далай, улан-далай, улан-далай... Вот уже две недели в кромешной тьме и могильном холоде слушает Баатр перестук колес: хард-ярд, хард-ярд. Над верхними нарами – пара зарешеченных мутных оконеч: оттуда виден мир. На верхних нарах – дети, больше двух десятков. Еле уместили. Наверху не так стыло. Взрослые – внизу, кроме соседки Алты: она накануне высылки родила, ее с младенцем наверх определили. Мужчины в их вагоне – только из его, Чолункина Баатра, семьи. Все трое сыновей тут – везение редкое. Старший Очир еще в первую войну охромел, а на второй контузило. У среднего Чагдара – чахотка, комиссовали как раз перед выселением. А младший Дордже – он только телом на земле. Куда бы ни шел, что бы ни делал, всё молитвы бормочет. Хорошо, что неразборчиво, а то давно бы загремел в Сибирь, хоть и психическую справку имеет. Сейчас спит, воткнувшись лицом в широкий воротник овчинного тулупа. У остальных женщин мужья или на фронте, или погибли, или с немцами бежали. В их вагоне семей предателей не оказалось. А все равно всех без разбора в Сибирь повезли, такое вышло указание от товарища Сталина.

В темноте кто-то тронул Баатра за рукав. Невестка, Булгун.

– Отец, Роза... всё... – прошептала Булгун и всхлипнула.

Для бездетной Булгун младшая дочь Чагдара, луноликая девочка, так похожая на свою покойную мать, была большим утешением. Булгун надеялась, что Чагдар отдаст малышку им с Очиром на воспитание. Но девочка простыла еще до выселения, а неделя в холодной теплушке ее добила. Кашляла, кашляла... Как она кашляла!

– Пришло ее время. Пусть она переродится в прекрасной стране, – пробормотал Баатр.

– Деверю вы сами скажите, – попросила невестка.

– Не буду будить. Пусть пока думает, что девочка еще с нами.

– Я ее в угол положу, туда, где остальные.

– Нет, в руках пока поддержи. Вдруг ты ошиблась? Поддержи...

В темноте послышались шуршание, всхлипы, вздохи.

Баатр сжал в зубах старую трубку. Закурить бы, да табак на исходе, и Чагдара пошадить надо. Проснется и засвистит-закашляется. Пусть спит. Пусть пока не знает, что меньшая дочка ушла. Может, еще и не ушла. Будет остановка, если засветло, когда дверь откроют, зеркальце к губам надо поднести, тогда понятно станет. Зеркальце у невестки есть. Но даже если Роза умерла, тело солдатам не отдавать. Пусть Дордже ритуалы сначала исполнит. А то выкинут девочку в снег без обрядов, серым на поживу.

Пока ехали вдоль Волги – умерших складывали в первом вагоне. После Сызрани Баатр отошел подальше от всех на санитарной остановке – срамота же рядом с женщинами в снег

садиться «след смотреть». Конвойные дверь в первом вагоне распахнули, а оттуда полуголые окоченевшие тела выпадать стали, прямо им на голову. Мат-перемат – солдаты совсем не боятся, что накличут беду на себя и своих близких. Запихнули умерших кое-как обратно, а сверху еще положили.

А когда проехали Златоуст, в сумерках выгрузили трупы из вагона под насыпь. Не успели отъехать, а рядом уже вой раздался – вожак скликал стаю. Впервые за неделю Баатру захотелось, чтобы дверь вагона скорее заперли. Гора тел огромным муравейником высилась среди сугробов. А кругом огромные мохнатые деревья – тайга называется. Баатр столько деревьев никогда не видел. Хорошо, что стемнело быстро. Страшно в открытые глаза покойникам смотреть. А закрыть им глаза не всегда успевали. В вагоне Баатра старик Чованов вечером жив еще был, сидел у печки-буржуйки, грелся. Только руки протянул – вагон дернулся, он печку так и обнял, да еще и лицом к железу прилип. Намазали курдючным салом, всю ночь стонал, к утру затих. Двери в Златоусте распахнули, а у Чованова на ожогах и на бровях иней, а глаза такие круглые, каких у калмыков при жизни сроду не бывает.

Много страшного пережил Баатр в своей жизни, но такое... Весь народ от мала до велика от родной земли оторвали и на погибель в холодную Сибирь отправили. Это не власть сделала, нет. Товарищ Сталин мог бы его старшего сына Очира в Сибирь отправить – он в белой армии воевал, да. Мог бы младшего Дордже выслать – на ламу учился, да. И среднего сына товарищ Сталин мог наказать – сбился красноконник с пути, женился на девушке белой кости. Но зачем товарищу Сталину высылать верных ему людей – ведь вся хуторская головка в соседнем вагоне едет. И главный энкавэдэшник из района с русской женой там же. А у него два ордена Красного Знамени, а нога всего одна – вторую за Сталинград отдал. Нет, товарищ Сталин такого не мог сделать. Это воля рассерженных богов.

Задумался Баатр. Запрыгали мысли. Чем народ прогневал бурханов? Дордже, его последний, говорит, что великий Будда не велел убивать живых тварей и есть наказывал только траву. А как калмыку без мяса? Калмык траву не ест. Еще говорил Дордже, что Будда военных не одобряет. А донские калмыки сколько веков воевали за русских царей!

Баатр протянул руку за спину, пощупал домбру. Когда выселяли, он закутал ее в белую кошму – шырдык, как новорожденного младенца заворачивают перед зимней дорогой. Больше ничего не взял с собой в Сибирь. Домбру распеленали, чтобы закутать в кошму Розу. Но не спасла девочку намоленная кошма. Вышла малышка из берегов жизни. Да переродится она в чистой земле!

С последней выгрузки трупов еще двоим ребятишкам глаза закрыли. Сложили их в углу, где щель в полу большая и лед иголками вырос на досках – живым там не высидеть. Заслонили мертвые дети колючий холод от живых. Прочитал Дордже над ними молитву. Нет у него сана, но где теперь найдешь ученого монаха? Всех монахов и настоятелей давно отправили куда-то на Урал.

Наверху места освободились – располневшую Сокки туда подняли. Рожать ей скоро. Чье дитя – непонятно. Говорит: «Бурханы послали». Куда стыд девала! Яхэ-яхэ-яхэ! Лишь бы не от родственника по кости – навлечет беду на весь род. Пусть лучше от проходящего солдата беленький балдыр родится. Дотянула бы только Сокки до высадки. Не следует мужчинам и детям при родах быть. Конвойный вчера сказал: скоро выгрузка. Солдаты тоже измотались: две недели не мылись, завшивели, чешутся. Бьют шапки о сугробы, вгоняя в снег свою злость, и яростно скребут отросшие бороды.

Проклятые паразиты, никакой мороз их не берет. Чувствует Баатр, как привольно бегают насекомые по телу. Пусть вознесшиеся дети переродятся в прекрасной теплой Бумбе, где ни вшей нет, ни блох, ни клопов, ни комаров, ни мух. Лишь бы души их уже накопили достаточно заслуг, чтобы бурханы позволили им блаженствовать в Бумбе.

Хард-ярд – заскрежетали тормоза, таш-баш – загремели вагоны. Остановка. В темноте заворочались люди. Дети наверху завозились. Уже не гомонят, как раньше, силы кончились. Старший внук Вова оказался у окошка, рассказывал вслух всему вагону про поле подбитых самолетов в Сталинграде, про горящие на высоких трубах большие огни в Саратове, про огромный мост через замерзшую Волгу в Сызрани... Но чем дальше ехали, тем меньше открывал Вова рот. Все больше писал что-то в тетрадку. Он к словам способный. По-русски шпарит – от зубов отлетает.

– Володя, как станция называется? – услышал Баатр голос сына. Проснулся Чагдар. Надо про Розу шепнуть.

– Барнаул, – отозвался сверху ломающийся голос подростка.

– Выходит, нас на Алтай привезли, – заключил Чагдар.

Поезд пополз совсем медленно. Тащат их на запасные пути. Всегда так. Или ночью остановка, или на запасные отправляют. До Алтая добрались, значит. В сказании есть про Алтай. У подножия тысячезубого Алтая на востоке Бумбы лежат земли богатыря Джангра.

– Горы видно? – спросил Баатр внука.

– Не видно, дедушка.

Значит – не Алтай. Ошибся Чагдар. Надо про Розу сказать.

– Сынок, твоя младшая...

Чагдар подскочил, ударился головой о нары. Заскрипел зубами. Сполз по стенке.

– Невестка наша пока держит ее на руках. Не будем отдавать. Может, скоро доедем.

Заскрежетал засов. Шыр-р-р – отъехала в сторону дверь. Внутри хлынул свет зимнего восхода. Баатр зажмурился. Но и при закрытых глазах слепило.

– Двое с ведрами – на выход! – с петушиным задором выкрикнул молодой голос.

Обычно за горячей водой и баландой на станциях ходили Очир и Чагдар. Но Чагдара надо сейчас побережь – не в себе он, нельзя посылать. Проморгался Баатр, отер глаза, приказал меньшому:

– Дордже, ты сегодня пойдешь с Очиром.

Только что очнувшийся от сна Дордже посмотрел на отца – что случилось? Понял, кивнул. Из-под нар выполз Очир. Взглянул на отца, на Чагдара, на распухшее от слез лицо жены. На куль из белой кошмы в ее руках. Молча взял составленные одно в другое ведра.

– Пошли! – сказал брату, спрыгнул вниз и не оглядываясь похромал за конвойным.

Дордже неловко полез из вагона спиной вперед, зацепился полой тулупа, заболтал ногами, ища опору. Развязался сыромятный шнурок – кусок кошмы, что был намотан на сапог, поволокся вслед.

– Дордже, на ноги посмотри! – крикнул Баатр.

Тот взглянул вниз, подхватил шнурок и обмотку, стал не глядя запихивать в карман. Защемило сердце у Баатра: почти сорок зим его последышу, а словно дите несмышленное.

– Умершие есть? Умершие есть, спрашиваю? – повторил хорошо знакомый низкий бас конвойного, которого окрестили Старшим Могильщиком.

– Нет, – Баатр не узнал свой голос.

– Что, съели с голодухи, людоеды? – захохотал Могильщик. – Это хорошо. Надорвались уже трупы врагов народа на себе таскать.

Чагдар, сидевший до того с опущенной головой, взвился, как пружина. Опять ударился головой о нары, громко, сильно. Рванулся к двери. Баатр ухватил его за полу шинели, дернул вниз. Чагдар приземлился с размаху на пол, застонал, закашлялся. Его била крупная дрожь – от ярости ли, от горя ли, от болезни ли...

– Не надо ничего доказывать, – прошептал сыну Баатр.

Женщины поняли, что мертвых пока не заберут, раз Старший Могильщик в вагон не полез. Казалось, весь нижний ярус одновременно выдохнул.

Мальчишки потихоньку сползали с нар – раньше ссыпались вниз, словно косточки-альчики, как только дверь открывалась, а теперь слезают медленно, силы берегут. Столпились в дверях, шуряются, надеются согреться. Только не греет зимнее солнце.

– Вон, вон кусочки угля валяются, – услышал Баатр взволнованный голос внука Йоськи. Остроглазый! Видно, с проезжавших платформ напало.

– Где? Где? – загомонили дети.

– Да вон же, вон! Дедушка, можно мы уголь соберем? – спросил разрешения Йоська.

– Идите, – вытащил Баатр из-под себя кожаный мешок. – Только быстро.

– Я тоже с ними, можно, дедушка? – попросила шестилетняя Надя.

Суконный клетчатый платок с бахромой, намотанный поверх шубейки на вате, сковывал движения – куда ей уголь собирать, наступит на край платка, упадет носом вниз.

– Нет, девочка моя. Тебе еще подрасти надо.

Надя вздохнула, опустила голову.

– Как я теперь подрасту? Мяса-то нету.

– Не вздыхай, не гневи бурханов. Стой на карауле – следи сверху, вдруг поезд по рельсам пойдет, тогда им крикнешь, – предложил дед.

Надя приосанилась, встала посреди дверного проема.

Баатр оглянулся и встретился взглядом с невесткой. Та молча вынула из кармана зеркальце, покачала головой. Кивнул Баатр невестке – Булгун встала, пошла со своей ношей в темный угол, где лежали мертвые дети. Женщины проводили ее взглядом, забормотали молитвы.

– Дяди, дяди с едой возвращаются! – раздался радостный возглас Нади.

Женщины оживились, полезли в поклажу за деревянными чашками. Алта и Сокки, не слезая с нар, протянули свои посудины. Булгун поставила их на пол перед свекром. Протянула черпак.

– Так, сначала кипяток, а потом баланда. Баланда дольше не остывает, – напомнил Баатр.

– Хорошо, хорошо, – слышались голоса.

– Внука, зови мальчишек.

– Кушать! – приставив ладошки в рукавичках ко рту, крикнула Надя.

Мальчишки потянулись к вагону, отирая о штаны измазанные углем руки. Йоська на правах старшего волок за собой мешок с добычей.

– Теперь согреемся! – галдели мальчишки наперебой. – Согреемся!

– Посторонись, сестренка! – попросил Йоська, силясь закинуть мешок с углем наверх.

Но девочка не могла оторвать глаз от несущих еду дядей.

Со смертью Розы еще на одного едока стало меньше, подумал Баатр. Когда их грузили – было сорок человек. Теперь осталось тридцать четыре. Старик Чованов от ожогов умер, его старуха на три дня позже, потом стали уходить дети. Первым – младенец Алты, молоко у нее пропало. Потом двое годовалых мальчишек – от холода. Пусть Роза будет последней ушедшей. Пусть оставшиеся доедут живыми.

– Дядя, дядя, поезд! – вдруг пронзительно закричала Надя.

Баатр, помогавший внуку затаскивать мешок с углем, резко поднял голову. Припадая на правую ногу, Очир уже подходил к вагону с двумя ведрами кипятка. А Дордже, поставив свою ношу на шпалы соседнего пути, поправлял размотавшийся кусок кошмы на втором сапоге. На него почти бесшумно надвигалась черная, залитая мазутом бочка-цистерна. Слышался свисток маневренного паровоза, удар – и согнутая фигурка бочком рухнула между путями, опрокинув ведра.

«Тридцать три осталось, – подумал Баатр, – только нечем кормить их сегодня».

Все онемело в Баатре. Он словно вышел из тела. Дыхание остановилось. Мир вдруг стал беззвучным. Он видел метнувшихся к Дордже конвойных, высунувшегося из окошка паровоза тонкошеего, щуплого машиниста, ужас на его безусом лице, обернувшегося, обмершего, но так

и не отпустившего ведер с кипятком Очира – пар окутывал его плечи, – видел, как спрыгнул вниз Чагдар и побежал, путаясь в длиннополой шинели. А сам Баатр словно вырос до неба и взирал сверху на лежащего маленькой точкой своего последыша, на блестящие проволоки рельсов, бусины вагонов, коробочку вокзала и колбаски депо, на спичечки деревьев, замерзшие вены реки, черные щетки мохнатого леса и на тысячезубые жемчужные горы, где-то в сияющей под величественным солнцем дали. Он их узнал. Чагдар не ошибся. Это были те самые горы, за которыми находится божественная Бумба...

Под восходящей зарею лежит она.
И величавой белой горой издавна
Эта земля с небесами соединена.
Тело земли отразил океан голубой.
Каждое утро выбрасывает прибой
На бесконечно темнеющие берега
Золота слитки, куски серебра, жемчуга.
Если глотнет океанской воды человек,
Станет бессмертным и юным пребудет вовек.

Да переродится его последыш Дордже в прекрасной, соседней с этим краем стране...

Часть первая Баатр

Глава 1 Май 1884 года

Тер-тер – поскрипывала телега. Два мерина – Хар и Халюн – трусили по степной нака-танной дороге. Куда ни кинь взгляд – ничего, кроме жестких кочек рыжеватого типчака да сизых кустов неопрятной черной полыни, недовольно шевелившейся под астраханским суховеем. Разморенный Баатр сидел на сенной постилке между наряженными в праздничные платья мать и старшей сестрой и дремал, время от времени утыкаясь лицом в потную спину правившего повозкой отца. Выехала семья из хотона¹ еще до рассвета, чтобы к полудню прибыть в Потаповскую станицу. Но на полпути отвалилось колесо, пришлось чинить, а потом отец взял пук сена, поджег и тщательно окурив телегу, бормоча заклинание: «Пусть дурные знаки уйдут с дымом...» Эх, ускакать бы поутру вместе со старшим братом – да Баатр годами не вышел.

Новый бешмет, пошитый на вырост, собирался складками на спине, но Баатр терпел и лишь время от времени привставал, высматривая железную крышу Балдыр-хурула². Пары, исходившие от земли, играли с Баатром в обманки, ему уже раза три казалось, что белая трехъярусная каменная кибитка маячит на горизонте. Но нет.

Заскучавший Баатр обхватил колени и тут же получил замечание от матери: нельзя так сидеть, сиротой останешься. Баатр снова сел прямо, заткнув большие пальцы за поясной ремешок и растопырив локти. Это не понравилось старшей сестре: его локоть упирался ей прямо в ребро.

Отец обернулся, улыбаясь:

– Что, сынок, тяжело на женской половине? Садись рядом со мной, – и подвинулся вбок.

Баатр тут же перескочил вперед, угнездился на камышовой рогожке, облокотился о край телеги и, обернувшись, с торжеством посмотрел на старшую сестру. Да только попусту: та достала из кармана зеркальце и стала разглядывать свое лицо. Мать принялась воспитывать сестру: нельзя при таком солнце доставать зеркало – пустишь ненароком солнечного зайчика, ослепишь души ушедших, собьешь их с пути в страну блаженства.

– Вот женщины, – посмеивался в усы отец, – если их посадить неподвижно, обязательно начнут языком чесать.

– Увидят сегодня наших детей мои братья и будут говорить: ах, какие у нас невежественные племянники, вести себя не умеют, – объяснила свою тревогу мать.

– За один раз всем правилам не научить, – заметил отец.

– Вы же говорили, что у этого мальчика отличная память, – возразила мать. – Запомнил же семь поколений ваших предков, а запреты никак не может запомнить? Вот его старший брат Бембе уже в семь зим соблюдал все запреты.

– Если что с этим мальчиком не так, – прервал ее отец, – это потому, что с верблюда младенцем упал. При перекочевке, помнишь?

Баатр слышал, как мать сзади кекнула, будто подавилась. И замолчала. Баатру стало жалко ее. Знал Баатр: не со зла она его тогда уронила, а от слабости.

¹ Хотон – стоянка юрт семей из одного рода. – *Здесь и далее примеч. авт.*

² Хурул – буддийский храм.

Скрипела телега, отфыркивались кони, верещали в траве насекомые, посвистывали замеченные опасности суслики, да тонко, по-щеньячи, тьявкали беркуты...

– Отец, хотите, я повторю про мои семь колен? – предложил Баатр.

Отец молча кивнул. Баатр растопырил пальцы и, глядя на них, начал.

– Я – Чолункин Баатр, из касты ханских служивых-эркетеней из рода Зюнгар, второй сын табунщика Агли, внук кузнеца Бааву, что на морозе ломал подковы, правнук Гончика, что сражался в Крымской войне с турками, праправнук героя Элу, что погиб под Москвой в войне с французами, прапраправнук Менке, что ходил на поляков под генералом Суворовым, – пальцы на одной руке закончились. – Прапрапраправнук Церена, что дрался с персиянами султана Махмуда, прапрапрапраправнук Замбо, что Аюка-хан отправил на Дон по просьбе царя Петра для сражений с татарским мурзой Чар-Асланом! – победоносно закончил перечисление Баатр.

Отец одобрительно похлопал его по плечу. Баатр мельком взглянул назад. Мать смотрела в сторону, но вокруг глаз собрались довольные морщинки.

– Отец, а почему ни вы, ни дед Бааву ни с кем не воевали? – поинтересовался Баатр.

Отец досадливо прокашлялся:

– Так войны кончились. Победил всех Белый царь.

– А тогда зачем наш Бембе каждый день лозу рубит? Жиг-жиг, жиг-жиг...

– А вдруг новая война? Соберутся старики – кого выставят, чтобы хотон не посрамил? А скажут, вот Чолункин Бембе из достойного рода – и конник хоть куда, и рубака что надо. Дадут ему коня наилучшего, пику и ружье, возьмет он дедову шапку – и на войну. И приумножит славу нашего рода.

Баатр услышал, как мать забубнила молитву.

– Не хочет мать, чтобы война, – объяснил Баатру отец. – А того не понимает: если не для войны – для чего царю казаки? И зачем тогда наши кони? На них землю не вспашешь. А эту землю, – указал отец на твердь под конскими копытами, – и дракон Лу не расковыряет...

– Эй, зачем вы небесного духа по имени называете? Грозу накличете! – расстроилась мать.

– Джахо-джахо, подальше от нас! – на всякий случай пробормотал отец, хотя на белесом полуденном небе не виднелось и крохотного облачка.

А Баатр стал думать про дракона Лу. Если убьет дракон Лу молнией человека, этот человек – божий избранник. Только зачем убивать человека, чтобы его избрать? Если выберут старики брата Бембе, пойдет он на войну. Если пойдет брат на войну, он будет убивать людей. Если убьют брата – он станет героем и его будут славить потомки. Только не будет у брата потомков, потому что нет у него жены. А без жены детей не бывает...

Проснулся Баатр, когда солнце уже садилось за горизонт. Привстал в телеге, огляделся. Коней в упряжке не было – видно, отвели пастись. Поставлены малые кибитки, все входом на восток, тлели в кострах кизяки, и женщины, весело перекликаясь, варили джомбу – чай. Кругом телеги, люди, лошади, коровы, овцы. Первый раз видел Баатр столько живых существ в одном месте. Как найти своих в такой кутерьме? Обернулся Баатр в поисках знакомых лиц и замер.

Перед ним высился Балдыр-хурул. Баатр его сразу узнал – по отцовскому описанию. Три яруса, каждый в две высоты большой кибитки – только не круглый он, как кибитка, а угловатый, как сундук. Один сундук, поставленный стоймя внизу, средний – поменьше – на нем, а третий – еще меньше – на втором. И сверху пика сверкает. Цветом хурул как топленое масло. А какие у него окна! Нижние – размером с телегу, повыше – размером с одеяло, и стекла все отливают золотом...

– Эй, Батырка, что стоишь, как байбак после спячки? Дядья тебя увидеть хотят, – услышал Баатр за спиной веселый голос Бембе.

Баатр медленно отвел глаза от хурула.

– Поторопись, они арьки³ уже выпили, подарки раздают, – понизив голос, сообщил Бембе. – Вот, смотри! – вытащил из поясного мешочка большую серебряную монету.

Баатр спрыгнул с телеги, отряхнул налипшее сено, поправил на голове шапку и поспешил за братом.

Их кибитка была самая ближняя, с поднятым пологом. Масляный светильник бросал красноватые блики на лица захмелевших мужчин, расположившихся на белой кошме. Мать сидела тут же, как и положено – слева, и лицо ее сияло – так довольна была она долгожданной встречей. За спиной матери пристроилась старшая сестра, и, когда Баатр вошел в кибитку, она украдкой показала ему серебряные колечки на обоих мизинцах – дядья подарили, понял Баатр.

Баатр в первый раз видел своих дядьев: хотон, из которого засватали его мать, был далеко, и пути перекочевков не пересекались. Только на праздниках да на ярмарках, куда съезжался народ со всех окрестностей, порой – за сотни верст, могла мать увидеться со своей родней.

Лица у материных братьев похожи: вытянутые, нижняя челюсть продвинута вперед, носы длинные, к концу закругленные. Сильно отличались они от круглого, как полная луна, отцовского лица и смахивали чем-то на морды лошадей.

Баатр встал слева от входа, как и положено младшему мальчику. Отец с половником-цацуром в руках, разливавший по парадным кленовым чашкам только что сваренную арьку, поднял глаза.

– А, Батырка! Подойди к своим дядьям! – велел он.

Баатр обошел отца сзади и сел на оба колена, как подобает ребенку перед взрослыми. Дядья стали разглядывать Баатра, словно он жеребец.

– Это тот Батырка, которому я первую прядь отстригал? – спросил дядя, что постарше.

– Он самый! – подтвердил отец.

– Наша порода взяла! – гордо сказал старший дядя, похлопав Баатра по плечу.

– Точно! – подтвердил младший дядя, протянул руку и тоже постучал Баатра по плечу.

Баатр ужаснулся – неужели и у него вместо лица конская морда?! Нужно будет попросить у старшей сестры зеркальце и посмотреть.

– Нет никого ближе, чем дядя со стороны матери! – радостно засмеялся старший дядя. – Вырастешь – кто женить тебя будет? Я! Запомни! А пока вот тебе!

Старший дядя протянул монетку. Монета была меньше, чем у Бембе. Младший дядя тоже протянул монетку. Две! Две маленькие лучше, чем одна большая! Баатр зажал кругляшки в ладони.

– Я не забуду вашей доброты, – пробормотал Баатр слова, которым научила его мать.

Отец протянул чашки с арькой дядьям. Мужчины взяли чашки и принялись благожелать.

Начал старший:

– Пусть и впредь идет Баатр белой дорогой, не встречая на своем пути ни болей, ни обид, пусть не последним он будет в роду, пусть всегда окружает его большая и дружная семья.

Выпил и поставил чашку перед собой.

Баатр думал о том, хватит ли двух монет на большой пряник. Он бы всех угостил.

– Ну, что ж, Баатр, – продолжил младший из дядьев, – слушайся свою мать, следуй за старшим братом, прославляй род предков, пусть тебя уважают; пусть мысль твоя будет быстра, пусть будешь ты к искусству способен, к учебе прилежен, к работе исполнительен, строен, как сандаловое дерево, спокоен нравом, на все руки мастер; следуй за отцом, будь ровней с друзьями, чтобы ноги до стремян доставали, чтобы руки до поводьев доставали, чтобы всегда с добычей приезжал. Пусть прославится твое имя в аймаке и в краю.

И тоже выпил и поставил чашку перед собой.

³ Арька – калмыцкая водка крепостью 9–10 градусов.

– Пусть ваш рот будет в масле! – сказал отец в ответ на благопожелания.

– Иди сюда, сынок! – позвала мать Баатра.

Баатр поднялся с колен и, обойдя дядей сзади, подошел к матери.

– Сейчас монеты в край его бешмета зашьем на счастье, – объяснила мать и протянула руку за деньгами. – Доставай, дочка, иголку с ниткой, – обернулась она к сестре.

Не выйдет купить пряник, понял Баатр, но счастье, наверное, лучше. А старшая сестра уже доставала из поясного мешочка маленький ножичек и катушку черных ниток с заткнутой в них иголкой. Баатр подавил вздох, отдал матери деньги, снял бешмет и протянул сестре.

– Стемнело уже, пора идти, – сказал старший из дядьев.

– Побудьте с нами еще, – попросил отец.

Отец всегда уговаривает гостей побыть еще, сколь бы долго они ни засиделись. А ведь и подарки уже подарили, и арька кончилась.

– Тут один знаменитый джангарчи с Волги приехал, – сказал младший из дядьев. – Послушать хотим.

– А ведь летом «Джангр» не исполняют, – возразил отец.

– Может, и споет, если люди очень попросят. Праздник – мы под защитой Будды-бакши.

– Тогда и я с вами, – сказал отец. – Бембе, ты пойдешь?

– Да вот... – замялся Бембе. – Ведь неизвестно, будет ли исполнять. А у наряженного тополя танцы.

– Отец, а можно мне с вами? – обмирая от собственной дерзости, попросил Баатр.

– Идем, – разрешил отец. – Чувствуешь, что про Баатров-богатырей сказывать будут?

Баатр ничего такого не чувствовал, просто не хотел оставаться с женщинами. Мужчины поднялись и, пошатываясь, вышли из кибитки. Бембе почтительно стоял у двери, пропуская старших.

– Батырка, – позвала мать. – Подожди! Бешмет обратно надень!

Баатр торопливо стал натягивать одежду.

– Если мужчины пойдут в карты играть, прибеги, скажи мне, – понизив голос, попросила мать. – А то в прошлом году твой старший дядя все, что от продажи шкур выручил, проиграл на ярмарке. А там был и твой куш! Будут пьяные играть-проигрывать, на что тогда свадьбу делать тебе? Прибеги, скажи мне, ладно?

– Ладно, – согласился Баатр, чтобы мать не расстраивать. Последнее это дело – женщинам на мужчин доносить. Не будет денег на свадьбу – украдет невесту, и всё! Да и нескоро ему жениться. Сначала будет жениться Бембе – вот пусть он и следит, если хочет. А Бембе не хочет, он на танцы собрался.

Еще раз кивнув матери, Баатр бросился вслед за взрослыми.

Джангарчи поставил кибитку у подножия кургана. Вокруг большого костра уже собрались мужчины. Издалека видны были высокие квадраты шапок, какие носили старики.

– Стариков много! – обрадовался старший дядя. – Не может джангарчи их не уважить! Вдруг им уже умирать скоро, и это последний раз, когда они сказание послушать могут?

Тут дядья увидели знакомых из своего хотона. Те сидели в первом к костру круге – похоже, давно караулили. Подвинулись, пригласили сесть рядом.

– Что, будет исполнение? – почти шепотом спросил старший из дядьев у своего соседа.

– Ждем. Молится джангарчи, просит у неба знака, – так же тихо ответил сосед.

– Идет, идет! – пронесся по рядам шепот.

Полог кибитки откинулся и оттуда вышел великан с широченными плечами, у которого грудь и живот составляли одно целое. Домбра в его руках казалась детской игрушкой. Кто-то постелил у костра белую кошму и поставил чашку с дымящейся джомбой. Великан сел на

кошму, подобрал под себя ноги, неспешно выхлебал чай, поднял обе руки к небу. Слушатели сложили ладони бутонем. Баатр повторил жест за взрослыми и закрыл глаза...

И вдруг он услышал звук.

Казалось, землю разорвало и это из ее нутра доносится гул.

«Это было в начале времен, в стародавний век золотой...» У Баатра задрожали кишки и позвоночник, по спине забегали мурашки. Как человек извлекает из себя такой зык? Баатр приподнялся, встал на колени и смотрел сказителю прямо в рот. Так и стоял столбиком, как суслик в дозоре, не помня ни себя, ни времени. А джангарчи бил без усталости по струнам, и этот бесконечный звук, похожий на топот коня, бегущего рысью по окаменевшей августовской степи, обессиливал и обездвизивал.

Пел джангарчи про мальчика-сироту, который в три года разрушил ворота трех крепостей, в шесть – покорила владельца золотой башни, а потом женился на красавице, дочери владыки бескрайней степи, – и слезы катились из глаз Баатра от ощущения собственной ничтожности. Вот, ему уже скоро десять зим будет, а он никого не завоевал и ни на ком не женился, и денег у него – всего две маленькие монеты на счастье... Баатр украдкой посмотрел на отца. Отец тоже плакал. И дядья плакали. Может, оттого, что дожили до взрослого возраста и всё еще не разрушили ни одних ворот?

Пел джангарчи про заповедную страну, где посчастливилось родиться мальчику Джангру, где не было ни холода, ни зноя, но вдоволь прохладной воды, где люди были вечно молоды, а кони скакали быстрее ветра. Повезло мальчику Джангру родиться в такой стране, хоть и стал он там сиротой, бедняга, съел его родителей злой мангус. Злобные чудовища-мангусы могут принести горе в любую страну, даже в страну вечного блаженства. Не зря мать их так боится, понял Баатр.

Пел джангарчи про дворец из кораллов и яхонтов, который мастера построили для Джангра. Получалось, что девятиярусный дворец богатыря в три раза выше Балдыр-хурула – вот какой огромный дворец!

Пел джангарчи про красавицу-жену, белозубую ханшу с алыми, как кровь, губами, прекрасную певунью, украшенную серебряными серьгами размером с шарики помета двухлетнего верблюжонка – вот какие тяжелые серьги!

Пел джангарчи про двенадцать могучих богатырей, что окружали Джангра, и был среди них и музыкант, и предсказатель, и силач, и храбрец... Шесть тысяч шестьдесят богатырей сидели кругами вокруг Джангра, пировали, пили арьку. (Баатр не знал, сколько это – шесть тысяч шестьдесят, но понимал, что очень много.) И пировали богатыри так долго, что не только лица, но и глотки у них покраснели... А у отца и дядей тоже глотки от арьки краснеют или нет, сгорал от любопытства Баатр. Теперь они сидели протрезвевшие, неподвижные, с открытыми ртами, и только на их лбах, несмотря на ночную прохладу, выступали капли пота.

Желтые полчища силачей
Стали кичиться силой своей,
Озираться стали вокруг,
Вопрошая соседний круг:
«Ужели сражений для славы нет?
Сайгаков – и тех для облавы нет?
Ужели для боя державы нет?
Врага для расправы нет?» —

так закончил песнь джангарчи, опустил домбру и замер, закрыв глаза.

«Всех победил Белый царь», – вспомнил Баатр слова отца. Но Бембе вот упражняется, надеется, что на его веку найдется держава для боя и враги для расправы.

– Это всё? – спросил Баатр у отца.

– Нет, это только вступление.

– А почему он замолчал?

– Молится.

– Отец, а страна Бумба в верхней стороне или в нижней?

– В нижней, там, где солнце встает.

– А кто-нибудь из нашего хотона бывал в Бумбе?

– Нет, сынок. Далеко от нас Бумба. Просто так в нее не попасть. Но туда можно переродиться – если накопить в этой жизни отваги и доблести, прослыть бесстрашным героем...

Джангарчи зашевелился, двинул по струнам рукой. Вновь пропел про пир шести тысяч богатырей, вновь богатыри стали озираться в поисках врагов, и великий Джангр вспомнил про мощного Бадмина-Улана, который пощадил его в давние годы, а теперь грозился согнать народ Бумбы с родной земли... И хоть озирались все шесть тысяч богатырей, но не нашлось во всей стране смельчаков кроме трех трехгодовалых мальчиков, которые вызвались доставить врага живым во дворец...

Замолк джангарчи, когда заалела заря, а юные храбрецы доставили великому властителю его давнего соперника.

Чувствовал Баатр, как громко стучит его сердце, как бьется кровь в кончиках пальцев, как искры пронзают занемевшие ноги. Баатр взглянул на отца, на дядьев – и не узнал их. Они вдруг распрямились, помолодели, морщины вокруг глаз и ртов разгладились. Казалось, они прямо сейчас готовы отправиться совершать подвиги, если б только великий Джангр или Белый царь указал им землю, где обитают враги.

Джангарчи сидел теперь неподвижно, словно прирос к кошме, которую заря окрасила в нежно-розовый цвет. Слушатели подходили к нему, желали долгих лет, сильного голоса, богатства и счастья, вручали подарки: табак, арьку, деньги. Джангарчи принимал подношения с легким наклоном головы. Отец и дядья тоже вручили джангарчи по монете, подвели Баатра. Лицо у Баатра пылало, язык горел, он так много хотел бы пожелать джангарчи, но не знал должных слов и молчал.

– А я для тебя пел, мальчик, ты понял? – вдруг сказал джангарчи.

Для него?! Баатр совсем смешался.

– Не забуду вашей милости! – пробормотал Баатр.

– Это честь для всей семьи! – восхитился отец. – Быть тебе, сынок, героем! – И рассыпался в благопожеланиях джангарчи.

А между тем край солнца показался из-за кургана, осветил пятицветные флажки с текстами молитв, ленточки и тряпицы, завязанные на шестах. И вдруг за спиной грянула музыка. Баатр слышал такую на праздник Зул, когда в хотон приезжали монахи-гелюнги, дудели в трубу, били в медные тарелки, звенели колокольчиками. Но сейчас звук был мощнее, значительнее, торжественнее. Баатр оглянулся. В лучах рассвета, теперь весь розовый, сиял Балдыр-хурул, и толпа народа, пешего и конного, собралась перед ним.

– Поспешим, служба начинается! – заторопил всех старший дядя.

У закутанного в белую овчину, украшенного лентами тополя их окликнул сидевший верхом на жеребце Бембе:

– Айда, Батырка, ко мне, лучше видно будет.

Отец помог Баатру взобраться на круп коня. Сквозь проем открытых дверей Баатр увидел золотое убранство храма. С двух сторон от фигуры Бурхана-бакши сидели монахи в бордовых одеждах и хором читали молитву. Баатру не терпелось рассказать старшему брату про джангарчи, но тут грянули медные тарелки, загудели трубы, затренькали колокольчики, и монахи стали выходить наружу, неся в руках чашки с кислым молоком-чигяном и пучки голубоцветной вербены.

– Кропить, кропить сейчас будут, – заволновался Бембе. – Хочу, чтобы на моего Лыска попало. Тогда победа в скачках точно будет за мной! С фланга зайдем! – И он решительно направил коня, огибая человеческий муравейник справа, покрикивая время от времени «Поберегись! Поберегись!».

Лыско они окропили. Монах так рьяно махнул в их сторону, что не только морда коня, но и новый бешмет Баатра оказался заляпан жирными пятнами. Баатр забоялся гнева матери, но Бембе его успокоил. И вправду, мать нисколько не рассердилась, а когда отец рассказал ей про джангарчи, даже прослезилась от радости.

Выпив на завтрак джомбы, семейство отправилось на ярмарку, оставив Бембе сторожить имущество – мать строго наказала ему не спать, народу пришло много, могут стащить котел или еще чего.

Отец был в хорошем расположении духа, купил матери и сестре по отрезу материи, себе – фунт хорошего табака, Бембе – фуражку с красным околышем, а Баатру – ножик в чехле из телячьей кожи. Потом зашли в деревянный ряд, и тут Баатр увидел домбру. Она лежала на телеге среди дудок и свистулек, пахла свежей стружкой и лаком и еще чем-то непонятным.

– Отец, а тех денег, что мне дядя вчера подарили, на домбру хватит? – спросил Баатр.

Отец рассмеялся.

– Нет, сынок, тех денег хватит только на счастье. – И добавил утешительно: – А домбру можно и самому сделать из липовой доски и конских жил. На доску тех денег хватит.

Домой Баатр ехал, крепко сжимая в руках будущую домбру, время от времени прикладываясь носом к спилу и вдыхая сладкий аромат дерева. Положить деревяшку в телегу вместе со свернутой кибиткой Баатр отказался – мало ли что...

Глава 2

Июль 1892 года

Хард-хард, хард-хард – в ночной тишине было слышно, как разбредшиеся по балке лошади пережевывают одеревеневшие кусты полыни. Серединный месяц лета, всегда тяжелый от зноя, иссушал репейник до черноты, отросший пырей ломал и валил набок – а в этот раз спалил все до самых корней.

Второй год подряд что-то недоброе творилось в природе. Ранняя зима, суровая и мало-снежная, покрыла всю степь льдом, лошади выбивались из сил, пытаясь добраться до травы. Хорошо, генерал, хозяин умный и рачительный, приказал сделать запас сена в зимовниках, и хотя лошади на одном пареном сене опузатились, но падежа не было, не то что у соседей – у тех весь приплод пал. А генеральский табун вышел из зимы без потерь. Когда же из столицы приехал иншпектор и Бембе с Баатром прогнали перед ним лошадей, тот хлопал себя по бокам в удивлении: все жеребчики обмускуленные, в теле. Подозвал Бембе и кинул ему монету – на табак! А после иншпекции генерал каждому табунщику по 5 рублей выдал и похвалил:

– Не подвели, ребята! Дело государственное – кони наши для армейских надобностей предназначены, кабы не доглядели, на чем бы наши гвардейцы царя-батюшку охраняли?

Баатр тогда за 2 рубля купил себе на ярмарке настоящую домбру, а 3 отдал матери на сбережение. Весь хотон их с Бембе хвалил, но мать только отмахивалась: «У хваленого сына лоб нечист».

А после жара как ударила – все степные колодцы пересохли. Дошло до того – матки сосунков от себя отгоняли. Шкуры жеребчьи обычно дорогие, но в прошлом году сильно упали в цене. Одна радость – мяса наелись до отвала и в зиму навялили. Русские табунщики конского мяса не едят, так Бембе с Баатром трескали за четверых. И в этот год – красного водяного дракона – опять жара несносная. Вода в ручьях посолонела до горечи, джомбу варишь – и солить не надо. Когда кипятить, вода мутнеет хлопьями, а на дне котла такой осадок приваривается – колотушкой отбивать приходится.

Нынче его, Баатра, очередь в ночное. И свой табун пасти, и Мишки с Гришкой. Мишка наострился в станицу на гульки, там его зазноба ждет. А Гришка и так целый день с лошадьми пластался – сбиваются они от жары кучно и пастись отказываются. А Баатр сегодня будет «Джангр» петь. Когда Гришка рядом – он возражает. Ты, говорит, воешь, как волк на луну, аж мурашки по коже. Не боится Гришка волка волком называть. Не «воюющий», «клыкастый», «серый», «одинокый герой с горящими красными глазами» – как принято у калмыков, а просто – волк. Может, потому, что так близко, как Баатр, волка не видел.

Клыкастый оставил на груди Баатра свои отметины. В первый же год, когда Бембе взял Баатра к себе в помощники. Как только побрил дядя Баатру виски после его пятнадцатого праздника Зул и подарил казачью фуражку, старший брат упрямил хозяина-генерала нанять Баатра в подпаски. До этого генеральских коней пасли втроем: Мишка с Гришкой и Бембе, – а после прихода Баатра разделили лошадей на два табуна: так и драк между животными меньше, и догляд лучше. Ну и состязание – у кого табун справнее. Сначала Бембе поручал брату только дневную тебеневку, а в ночь сам выходил. Но после праздника Цаган Сар, как морозы ослабли, Бембе стал отправлять в ночное и брата.

Луна тогда в небе стояла почти полная, ярко освещая пятна нерастаявшего снега в низине. Для пастьбы был выбран участок на возвышенности, где уже начинала пробиваться из-под земли несмелая трава. Табун, предчувствуя весну, самостийно сбивался в косяки вокруг матерых жеребцов. Да так и за лошадьми легче уследить, чем когда они в линию растягиваются. Пастушья кобыла Аюта свое дело хорошо знала: если кто-нибудь из молодняка отбивался,

сама поворачивала и трусила к отстающим. Жеребчик или кобылка, почувствовав приближение «надзирательницы», бросались догонять табун, не желая быть прикушенными под коленку.

Мишкин табун в ту ночь передвигался по тому же кругу, что и табун Баатра, только более широким захватом, справа. Аюта шла мерно, привязанная на казачье седло подушка, набитая конским волосом, пружинила, и Баатр чувствовал себя младенцем в люльке, благо спать на ходу научился еще в детстве. Аюта – кобыла чуткая и, когда Баатр в глубоком сне отпускал поводья, слегка взбрыкивала и будила своего седока.

В очередной раз Баатр проснулся от злобного лошадиного фырканыя. Аюта била передними копытами и мотала головой. Лошади сбились в кучу и беспрестанно кружили, как юла на базаре. По краю табуна бегали матерые жеребцы.

И тут Баатр разглядел серого: молодой переярок застыл между Аютой и табуном.

– Эй, тут бирюк! – заорал изо всех сил Баатр по-русски, надеясь, что Мишка его услышит, а волк испугается крика.

А зверь вдруг прыгнул и ухватился за хвост пробежавшего мимо жеребца. Конь рванул вперед, протащил волка несколько сажень – и серый внезапно отпустил добычу. Жеребец, потеряв равновесие, грянулся оземь. Дорогой жеребец, карабахский...

Вот и пришло его, Баатра, время испытать отцовскую плетку со свинцовой пулей на конце. Знал Баатр, что если попадет в нос волку этим концом, то сломает верхнюю челюсть, влетит пуля в мозг серому, и тогда – мгновенная смерть. А не попадет...

Баатр не помнит, как спрыгнул на землю, как лупанул плеткой изготовившегося к прыжку зверя. Это ему Мишка потом рассказал. Волк взвыл, развернулся и кинулся на Баатра. Что помнит Баатр – удар затылком о землю, красные волчьи глаза, смрадный запах из пасти и жгучую боль от когтей. А потом волк вдруг рухнул на него всем телом, и на лицо Баатра хлынуло что-то густое, теплое, соленое. Это Мишка полоснул зверя ножом.

А на следующий день отлеживавшийся в кибитке Баатр понял, что может петь горлом, как тот богатырь-джангарчи из его детства...

Баатр слез с лошади, отпустив ее к остальным, нарезал чакана, запалил костерок. Собрал вокруг несколько ссохшихся кизяков, подложил в огонь, чтобы дым отгонял назойливую мошкарку, так и норовившую залезть в рот. Сел на колени, подстелив остатки чакана, закрыл глаза, прочел молитву и начал негромко:

Шумные полчища силачей,
Шесть тысяч двенадцать богатырей,
Семь во дворце занимали кругов.
Кроме того, седых стариков
Был, рассказывают, круг...

Зачин давался легко, он был одним и тем же во всех песнях, подвиг всегда замышлялся в конце пира.

И когда пировали так
В ожидании бранной грозы,
В изобилии черной арзы⁴
Эти семь богатырских кругов,
К башне, к правому столбу,
На вороном, на заметном коне,

⁴ Арза – молочная водка крепостью 20 градусов.

На длиннохребетном коне
С лысинкой на прекрасном лбу
Знатный всадник прискакал...

Вот он прибыл, Бадмин-Улан, незаметный для пирующих, но несущий угрозу. Горло Баатра завибрировало на низких нотах – так слушатели сразу поймут: грядет неладное...

Топот несущегося галопом жеребца внезапно прервал его песню. Горло разом упало в желудок, позвоночник врос копчиком в землю... Неужели он вызвал на землю дух богатыря? Ведь предупреждали же старшие – нельзя петь «Джангр» среди лета.

Баатр рухнул на колени, сложил молитвенно руки и стал громко просить прощения за то, что потревожил грозного духа. Конь замедлил бег. Баатр услышал знакомое ржание – это был Дымок, на котором уехал Мишка. Баатр мигом вскочил – не хватало еще встретить Мишку как бога, засмеет потом... Видно, не сложилось сегодня свидание, вот и вернулся, наверняка пьяный и злой.

Мишка и впрямь едва держался в седле, а подъехав к костру, сполз с лошади боком.

– Ты тут все воешь, Батырка? Таперича все завоем. Так завоем, что хошь святых выноси.

Шатаясь, Мишка добрал до костра, постоял, раскачиваясь, сжимая голову руками, и вдруг со всего маху пнул тлеющие кизяки. А потом завыл:

– Ы-ы-ы-ы-ы! Сожгли-и-и! Как поганце-е-ев! Без отпеванья-а-а-а!

Баатр испугался, что Мишка рухнет головой в костер, схватил сзади за ремень и дернул на себя. Нестойкий Мишка хлопнулся на седалище, но даже не ойкнул.

– Эй, кого сожгли? – потряс Баатр Мишку за плечо.

– Все-е-ех! И батю, и маманю, и сестру-у-ушек!

– Кто?! За что?!

– Ха-ле-е-е-ера!

– Халера? Он из каких будет? Хохол новгородный?

– Долбан ты темны-ы-ый! Болезнь это страшная... Дрисня пробивает... Весь говном исходишься... В утренницу занеможил – в сумерок помрë-о-ошь.

Баатр про такую болезнь не слышал. Бывало, зачерпнешь сырой воды из худука⁵ – ну и забегаешься в отхожую яму, живот сильно крутит, но чтобы помереть... Джомбы посоленей наварить, попьешь, и отпустит. Но станичники джомбу не жалуют.

– С хатой сожгли-и... А болезнь все одно – кругом перешла-а-а-а...

Смертельная зараза накрыла степь, понял Баатр.

– Пусть переродятся они в чистой земле, – пробормотал он погребальное благопожелание и постучал по спине скрючившегося Мишку: – Эй, ты так не ори. Привяжешь души горем к земле, не дашь уйти, они на тебя злиться будут.

– Сожгли-и-и...

– Великая честь! У нас только святых огнем хоронят.

– Как же они воскреснуть для Страшного суда без тела-та-а-а...

– Новое тело им дадут.

– Так я же умру и не узнаю и-их... Сирота я, сиротинушка... Не будет у меня таперича отца-матери ни на земле, ни на небеса-а-ах...

К костру стали стекаться лошади. Перебирали копытами в почтительном отдалении, прижимали уши, пофыркивали, вздыхали, будто сочувствуя человеческому горю.

Мишка вдруг встрепенулся, полез за пазуху, достал оттуда початую бутылку, вынул зубами из горлышка деревянный сучок, протянул Баатру:

– Глотни!

⁵ Худук – степной колодец.

Баатр замотал головой.

– Не можно. Свалюсь. Кто пасть будет?

– Глотни. От заразы. Баклановка.

– Не водка?

– Гремучая смесь. Атаман замутил. В турецку канпанию ею от холеры спасались. Как в станице люди мереть зачали, он вспоашился и замутил. Всех пить понудил, даже малых.

Баатр опасливо взял бутылку. На это надо разрешение у старшего брата спрашивать. Но лицо у Мишки было такое, что Баатр противиться не решился. Понюхал горлышко. В нос ровно острой иглой ударили и прямо в правый глаз попали. Глаз задергался, заслезился. А потом в темечко стрельнуло и как будто в черепе дыра образовалась, и через дыру внутрь Баатра потекли звезды. Понял Баатр – волшебное это снадобье, надо пить. Зажмурился и глотнул...

Словно огненный кулак разодрал горло, поворошил в животе и достал до самого копчика. Голова Баатра пошла кругом, небо опрокинулось. И с опрокинутого, провисшего неба стали пригоршнями падать звездочки – это отягощенные плохими делами души умерших ссыпались в нижнее царство для испытаний...

Утром их растормошил Бембе. Гришка собирал по округе разбредшихся лошадей. Баатр рассказал брату про Мишкину беду. Бембе приготовил круто посоленную джомбу, положив в котелок двойную меру кирпичного чая, напоил младшего, собрал ему припасы и велел ехать на летнее стойбище к родителям – узнать про их здоровье.

Баатр и версты не проехал, как начала каркать ворона. «Говори о хорошем, говори о хорошем», – забубнил заклинание Баатр. Потом затыкал хорек. Когда же слева вдруг появилась лиса и перебежала дорогу, сомнений у Баатра не оставалось: у родителей беда. Он плюнул три раза через левое плечо и произнес: «Пусть беда обойдет стороной», – но надежды оставалось мало.

Подле балки у ергеней⁶, где хотон каждый год стоял в месяц курицы, на шее завибрировала жила. Баатр еще не видел кибиток, но по стоявшему вокруг безмолвию – ни лая собак, ни блеяния овец, ни мычания коров – понял, что люди покинули балку. В небе парили стервятники. Он подстегнул уставшую Аюту и, подъехав к краю оврага, увидел внизу три кибитки с наглухо затворенными и прикрученными веревками дверьми. Перед входом в каждую был вбит кол с привязанной черной тряпицей. Холера здесь уже побывала.

Баатр спешился, ведя лошадь в поводу, медленно двинулся к кибиткам, до рези в глазах вглядываясь в узоры на закрытых дверях. «Только не тюльпаны», – уговаривал Баатр судьбу. Но если дух-творец Заян-сякюсн уготовил кому участь стать сиротою, то этот человек, пусть даже он никогда не обнимал своих колен и вовремя произносил все заклинания, все равно осиротеет...

На дверях кибитки, которую Баатр и так сразу узнал, как узнают родного человека еще издаലെка, по фигуре и походке, были вырезаны тюльпаны – вырезаны отцом по желанию матери, чтобы в кибитку всегда приходила весна. Теперь стебли цветов напоминали змей. Там внутри смерть. Но кого она забрала? Отца? Мать? Обоих? Еще кого-то из родственников? Баатр хотел бы предать их всех огненному уходу, да только не сгорят войлоки на кибитке, и нет вокруг ни дров, ни камыша, чтобы сделать большой огонь. И будут теперь обходить при кочевке эту балку не один год, пока не останется и следа от этих скорбных кибиток, не сломают их ветры и снег, не растащат тела по кусочкам волки и стервятники...

Баатр трижды обошел кибитку, бормоча «Омань ведняхн» – мантру чистоты тела, речи и ума, собрал кизяки, выковырял ножом из земли корни полыни, сложил два дымных костра и прошел между ними, заклиная: «Сгинь, пропади, нечистая сила!» Потом провел между

⁶ Ергени (местн. ергеня) – холмы.

кострами лошадь, окурил руки и подошвы сапог. Вдруг показалось, что в родной кибитке кто-то стонет. Баатр замер. Тишина... Только потрескивают в костре догорающие корни, стряхивая с себя комочки налипшей земли. Вскочил в седло. Вроде бы опять стон... «Омань ведняхн!» – почти прокричал Баатр и хлестнул Аюту. Та недовольно заржала – отдохнуть бы, хозяин, – но послушно ускорила шаг.

«Пусть тот, кто умер, переродится в чистой земле!» – пожелал Баатр, гоня кобылу навстречу закату солнцу – торопился доехать до ближайшего колодца прежде, чем крошечная темнота накроет степь. У колодца спешился, напоил Аюту, сам пить не стал, отпустил лошадь пастись, соорудил дымный костерок из перекасти-поля и кизяков, завернулся в кошму и тут же провалился в сон. Снились Баатру отец и мать. Молодые, шли они по зеленой весенней степи навстречу ему, шли, но не могли приблизиться. Он бросился к ним, но они вдруг стали прозрачными и исчезли...

На пастбище Баатр вернулся к полудню. Гришки и Бембе видно не было. В кибитке громко храпел Мишка. Стараясь не шуметь, Баатр напился холодной джомбы, поел кислого молока. Накатила сонливость: тело приспособлялось к новой жизни – без родителей. Он снял сапоги, оставив их снаружи, на солнце – пусть прожарятся, – бережно положил в изголовье фуражку, свернул пояс, снял бешмет и растянулся на кошме. Голова гудела, как труба. Бембе должен будет поехать в хурул, заказать поминальную молитву. Слова молитв знают только монахи. Но в станице – холера. Плохо.

Мишка перестал храпеть, зашевелился, сел. Луч солнца через дымовое отверстие упал ему прямо в лицо. Он сощурился, всматриваясь в полумрак кибитки.

– А, Батырка! Воротился? Ну, что твои? Живые?

Баатр, как мог, рассказал про покинутое кочевье и затворенные кибитки.

– И что же ты, куренок, – заволновался Мишка. – Догнал бы хотонских, поспрошал. Как же так жить в незнакомых? Может, родителя живы, может, кто из малых помер?

– Померли батя с матушкой. Во сне видал. А догонять не можно. Болезнь может перейти. Мы с Бембе помрем, кому малых поднимать, ежели уцелели? Да и всё одно: на нас долг – род продлять. Женят нас, значить, вскорости.

– Кто ж женить, ежели родителя померли?

– Кто из старших живой, тот и женит.

– Да ты ж совсем желторот, не гулял даж... Не знашь, поди, как к девке подойти...

– Женилка отросла – жениться можно. У нас к девкам не ходят, зараз к жёнке.

– Чудные вы... По родителям не убиваетесь, по девкам не ходите... А у меня теперь одно утешенье – жениться могу на ком хошь...

– Мишка, я посплю малька, лады?

– Ды кто ж тебе не даёт! Спи себе.

Баатра била мелкая дрожь – как будто вышел на мороз не одетым, хотя серединный месяц лета года красного водяного дракона палил степь знойным суховеем.

Холера прекратилась в серединном месяце осени так же внезапно, как началась. Как будто русский бог и Бурхан-бакши договорились и поставили небесную защиту от невидимого врага, убивавшего всех без разбору, даже татар-иноверцев.

В станице у Мишки и Гришки потери были невелики, и всё благодаря атаману, который еще с турецкой войны знал, как противостоять холере. А вот родной хотон Бембе и Баатра почти весь вымер. Кто выжил, прибил к другим или осел на хуторах в землянках, какими раньше пользовались только для зимовки. А бесхозный скот, оставшийся в степи, увели, по слухам, ногайцы.

Баатр тем летом больше не пел «Джангр», страшно было. Порой закрадывалась мысль: может, это богатыри наказали его сиротством за то, что потревожил их в неурочное время?

Но за что тогда русский бог наказал Мишку? За гульки? Так не он же один, Гришка тоже на гульки отлучался, но его-то бог миловал...

Наступила осень, приближался священный праздник Зул, праздник продления жизни. На эту пору конезаводчики отпускали всех калмыков-табунщиков к семьям. В каждой кибитке хозяйка лепила из теста лодку жизни. Тщательно пересчитав соломинки по числу зим, прожитых каждым домочадцем, обмотав ниткой и пропитав маслом, втыкала в тесто пучки: сколько людей – столько пучков. Вечером 25-го дня месяца коровы вся семья собиралась вместе. Кла-нялись зажженной лампадке, смотрели на огоньки фитильков, боясь пошевелиться, чтобы не погасить ненароком огонь чьей-то жизни. И в прошлый раз все фитильки догорели до конца – Баатр это помнит. Но бурханы все равно решили забрать на небо и родителей, и младших детей, и двух братьев отца с семьями. И кто же теперь будет делать для них лодку жизни, когда они с Бембе оба неженатые? Ехать теперь им на праздник в материнский хотон в надежде, что дядья выжили...

До зимовки материнского хотона добирались целый день. Вдохнувшая осенней прохлады степь снова воспряла и в тот год была зеленее, чем обычно. Но поредели табуны, на водопоях не гуртовался скот, да и кибиток стало заметно меньше – выкосила холера Задонскую степь.

Дядья остались живы, высохли только оба, как старые карагачи, а семейства их в цело-сти, благодарение бурханам и санитарной команде из Новочеркасска, которая посыпала отхо-жие ямы зловонным порошком, велела всем мыть руки со щелоком, долго кипятить воду на очаге и каждый день кибитку изнутри этим паром парить. Хотон сначала возроптал – нельзя пустую воду кипятить, нищета наступит. Потом догадались каплю молока и щепотку соли в воду добавлять – так вроде бы и запрет не нарушался, и предписания начальства соблюдены. Тем и спаслись.

Дядья встретили племянников сердечно. Рады были, что в семье Чолункиных мужчины остались. Жена старшего дяди воткнула в лодку жизни и их фитильки: двадцать три соломинки для Бембе и девятнадцать для Баатра. Баатру на деле в месяц после Зула исполнялось восем-надцать, но число должно быть всегда нечетным, и Баатр почувствовал себя совсем взрослым.

Принимали их не в кибитке, а в мазанке старшего дяди. Поначалу низкая камышовая крыша давила, да и несуразной казалась мазанка изнутри: узкая и длинная, поделенная на две части. Получалось, чтоходишь через женскую половину – кухню – и только потом, отодвинув занавеску, оказываешься на мужской, где постелены шкуры и кошмы. Стены все беленные известью – боязно прикоснуться, замарать, а дыма-копоты от очага нет – из печки весь дым в трубу уходил. Непривычно. Но после выпитой джомбы и съеденного мяса пространство как будто расширилось, мазаная стена, у которой сидел Баатр, уже не холодила спину, и жесткие углы комнаты как будто округлились. Уставший с дальней дороги, он заснул прямо на кошме рядом с угощением.

А утром, еще до того, как разлепил глаза, услышал свое имя и имя брата – дядя с теткой обсуждали, на ком их женить, чтобы было посылно для семьи и не пришлось бы, да помило-сердствуют бурханы, воровать невест. Сон как рукой сняло. Вроде бы получалось, что Баатр подслушивает, но ведь он делал это невольно, да и разговор для его судьбы важный.

– А вот что ты думаешь о наших правых соседях? – спросил дядя.

– Ну, у старшей дочери лицо хорошее, а у другой совсем носа нет, одна пипка.

– Зато бойкая. Пойдет довеском к старшей, – засмеялся дядя. – А Баатру надо побойчее, сама видишь, какой он медлительный.

У Баатра все внутри сжалось. Его хотят женить на страхолюдине! Конечно, глава рода теперь Бембе. Он и ростом выше, и в плечах шире, и во всяком деле упорный. Завидный жених. Яхэ-яхэ-яхэ! Пусть соседи откажут дяде. Пусть найдется родство в каком-нибудь девя-том колене, про которое дядя забыл, а соседи помнят!

Весь день Баатр не находил себе места. Выждав момент, он потихоньку подошел к домашнему алтарю, висевшему на стене между двумя окошками. Знатный у дяди алтарь, старинный, родовой. Будда – Бурхан-бакши серебряный в золоченых одеждах – по центру. Слева Ноган Дярк – Зеленая Тара, богиня сострадания. Лицо и фигура, как у цыганки, которую Баатр видел на ярмарке. Справа – Черный защитник, гневное божество Махгал-Махакала, глаза навывкате, зубы оскалены – Баатр всегда боялся смотреть на него. Перед божествами – семь чашечек с подношениями и зажженный светильник зул. Баатр вытащил из мешочка на поясе медную и серебряную монетки, положил перед светильником, чтобы бурханы их лучше видели, поклонился каждому по очереди и попросил о жене с носом. Потом оделся, вышел на баз, отвел старшего брата в сторонку:

– Скажите дяде, что я умею петь «Джангр» и могу вечером исполнить, если он позволит.

Дядя был очень удивлен, тут же пустился в расспросы – у кого Баатр научился, какие из сказаний знает, получил ли благословение в хуруле. Потом вспомнил, как слушали они «Джангр» вместе на празднике, и про слова старика-джангарчи тоже вспомнил. Даже слезу пустил.

К вечеру собрали на базу кибитку, разожгли очаг. Вся семья была взбудоражена, особенно младшие дети, которые носились по соседям с новостью.

Едва стемнело, в кибитку набилось столько слушателей, что стало жарко, как летом. Баатр никогда раньше не пел «Джангр» при таком скоплении народа. Но сегодня пришел его час показать людям, на что способен. Доказать дядьям, что он, Чолункин Баатр, достоин большего, чем девушка без носа. Что хотя и не сравнится он со старшим братом в ратной подготовке, но голос его может заставить людей смеяться и плакать, переживать и радоваться и несет в себе такую мощь, что под стать пушке.

Баатр распеленал свою домбру, погладил, выпил поднесенную теткой чашку джомбы, закрыл глаза и вознес молитву. Говор стариков, покашливание, звяканье посуды, гавканье собак на базу стали едва слышны.

Баатр тронул струны и из самой глубины своей печени выпустил звук.

– Это бы-ы-ыло в начале времен...

Сегодня Баатр решил исполнить песнь о поединке Джангра с ясновидцем Алтаном Цеджи. Он пел о богатырях, так удачно женившихся в конце концов на прекрасных девах, и мысленно просил их направить старшего дядю в хорошую семью и найти для него, Баатра, красивую девушку с носом.

Глава 3

Апрель 1893 года

– Кось-коось! – подозвал своего Дымка Мишка.

– Гуру-гуру! – подманил свою Аюту Баатр.

Все участники свадебного поезда оседлали коней. Младший дядя, на которого была возложена роль ахлачи-предводителя, задобрив духов: побрызгал во все стороны молоком, проверил, хорошо ли уставлены в телеге жбаны с арькой и чигяном, убедился, что все части вареного барана уложены в кожаный мешок, а у двух живых валухов⁷, лежавших тут же в телеге, крепко связаны ноги, и дал отмашку – трогай! Бараны заблеяли, кони заржали, поезжане с гиканьем и свистом рванули в ворота база навстречу встающему солнцу. Сначала вестовые, за ними – телега с подарками, следом два жениха – Бембе и Баатр. Мишка и Гришка скакали среди прочих конников, то обгоняя вереницу всадников, то возвращаясь к медленно катившейся телеге. Братья в одинаковых картузах и новых шерстяных бешметах ехали степенно, как и следовало в их положении, телегу не обгоняли, наперегонки не бросались.

Закончился страшный год красного водяного дракона, осиротивший братьев Чолункиных. Наступил год черной водяной змеи. На праздник прихода весны Цаган Сар братья навестили материнский хотон, и старший дядя объявил, что подобрал им невест. Баатр тут же бросил взгляд на домашний алтарь – помнят ли бурханы о его молитве? Веки Будды-бакши были прикрыты, грозный Махакала устрашающе пучил глаза, но Зеленая Тара смотрела на Баатра благосклонно, и Баатр решил: помнит богиня, поможет ему. У самой-то Тары вон какой нос! Грудь у нее, конечно, слишком велика – некрасиво, но можно всегда камзолom придавить, не будет так торчать. Помнил он, как покойная мать заставляла старшую сестру носить камзол днем и ночью, та жаловалась, что дышать тяжело, но мать была неумолима. Приличная девушка не может иметь большую грудь, говорила мать. Мучилась-мучилась сестра ради хорошего жениха, а ее все равно выкрали без выкупа, без свадьбы, без подарков. Яхэ-яхэ-яхэ, где она теперь?

Когда дядя упомянул, что до невестиного хотона 15 верст пути, Баатр обрадовался. Значит, слышали бурханы его молитвы, и дядя передумал свататься к соседям. Жить братьям теперь рядом с дядьями: старший договорился с атаманом, что Бембе будет пасти станичный плодовый табун, а Баатр пойдет к нему помощником. Большое доверие им оказано. Надеется атаман на новых табунщиков, потому как при прежних много лошадей угоняли.

Генерал, когда узнал, что Бембе и Баатр уходят, очень сокрушался, уговаривал остаться, привезти жен на его землю. Но не братьям решать такой вопрос. Старший дядя сказал – значит так тому и быть. Генерал им тогда по лошади пожаловал: на которых они коней пасли, тех и подарил.

Миновав крайний баз хутора, где от них отстали и брехливые собаки, и орущие мальчишки, свадебный поезд устремился по просыпавшейся весенней степи.

Нет прекраснее поры, когда степь пестреет, как ярмарочный ситец: на сочном зеленом поле белые, красные и желтые тюльпаны мешаются с синими ирисами-касатиками на зависть любой станичной щеголихе. От силы неделю буйствует задонская природа, и, по счастью, астролог-зурхачи определил подходящим для свадьбы один из этих дней.

Зависшие высоко в воздухе жаворонки пускали такие оглушительные трели, будто хотели завоевать сердца сразу всех самочек. Стрепеты в весеннем оперении токовали, подскакивая над землей, – црр-црр-р, тут я, тут я, давай сюда! Поглощенные брачным танцем журавли-кра-

⁷ Валух – кастрированный баран.

савки подпускали всадников совсем близко, взлетали из-под самых копыт. Поранить журавля – страшный грех, и уж тем более, если едешь за невестой. Баатр боялся, что увлеченные состязанием в скорости дружки ненароком заденут танцоров. К тому же Мишка с Гришкой, которых братья пригласили на свадьбу, могли и не знать, что журавли для калмыков священны – у станичников красавки живут на базу вместе с курами и утками.

Для Мишки с Гришкой всё в диковинку. Они никак не могли поверить, что Бембе с Баатром невест своих ни разу не видели и ничего о них не знают.

– Брешете! Быть того не может – шток без смотрин, – недоумевал Гришка. – Ни разочку глазами не кинули? А ежели невеста страшнее верблюда? Колгоногая али еще чего? Али заместо глаз одни щелки, как пчелы нажалили? У вас такие бывают, я видал.

– Этого нет, – уверенно отвечал Бембе, – дядья не допустят.

– Ды как вы так этим дядьям судьбину свою доверяете? Вы ж их видали за всю жисть разов дай бог пяток, – наседал Мишка.

– А хучь бы и ни разу, – пытался втолковать им Бембе. – На них долг перед покойной сеструшкой, маманей нашей.

– А поспрошать, что да как – отчего не можно? Язык, поди, не откусил бы за то дядька.

– Я скорей себе язык откушу, чем спрашать. Они нам самое лучшее, что нашли, сосватали.

– Ну-ну, – недоверчиво качал головой Мишка. – От ведь как бывает...

А когда белый флаг в телегу складывали – Мишка с Гришкой рты так и пораззявили.

– Почто ж невест так позоритя? Вы ж их ешо и не пробовали, чтобы знать, что не целки.

В их обычае, значит, если невеста оказалась дырявая, белым флагом про то оповещают станицу. А у калмыков белый флаг – пожелание белой дороги. И опять Мишка с Гришкой недоумевали: белая дорога – зимняя, не лучше ли пожелать зеленой.

– Сурьезная разница в значеньях, – заключил Гришка, – как бы нам не опростоволось. Вы нас упреждайте, ежели чего.

Когда вдали показались кибитки и мазанки хотона, вперед отправили вестовых – уведомить о приезде женихов. Остальные спешили – ноги размять и духов местности задобрить, и дядя опять стал кропить по всем сторонам арькой и чигяном.

– Батырка, а кормить-то нас у сватов будут? – поинтересовался Мишка, слизнув попавшую ему на руку каплю кислого молока. – А то у меня уже кишки пересудомились, один другому шиш сворачивает.

– Так мы ж везем угощение. Потом сваты добавят горячего.

– Каравай-то подадут? Али сызнава вареное мясо без луку и перцу?

– Пирожки пустые, на бараньем сале жаренные будут. Борцоги зовутся.

– Нет, тада уж лучше мясо трескаться, – приуныл Мишка.

Выждали время, чтобы сваты успели чай сварить и шапки надеть, подкатили к базу. Началась суэта: набежали родственники, соседи и просто прохожие – приветствовать. Каждому следовало поднести чашу, и пока дядя, как самый старший, и его сын, как самый младший среди прибывших, вносили в кибитку подарки, женихи наливали направо и налево.

– Кильдим⁸ похлеще, чем у нас, – отметил Гришка, – каждый норовит на дармовщинку угоститься. Плесни и мне чуток! Глотка ссохлася.

Наконец из кибитки показался раскрасневшийся от волнения дядя – подарки пересчитаны, всё согласно договору. Гостям дозволялось входить. Дядю-ахлаци посадили по правую сторону от хозяина. Ниже по старшинству разместились остальные гости. Мишке с Гришкой место определили ближе к женихам. А женихи уселись у самого входа последними.

Баатр стал исподтишка разглядывать родителей невесты. Отец был тонкий в кости, кучерявый, круглоглазый, со светлой кожей, а мать – ширококостная, большескулая, темнокожая,

⁸ Кильдим – беспорядок.

а глаза... «Как пчелы нажалили», – вспомнились Баатру опасения Гришки. Но носы у обоих родителей были прямые и аккуратные, не расплющенные, будто детьми они лицом вниз из зыбки падали.

А за спиной у Баатра переговаривались дружки.

– А жаних у их, видать, – распоследний человек.

– На то похоже. Ежели даже согласия не спрашают...

– А и где ж невесты-то?

– Да бес их разбереть. Вон скока девок шастаеть.

Наряженные женщины разносили гостям джомбу и борцоги.

– Эти все ужо бабы, – решил объяснить Баатр. – Вишь, у каждой две косы в мешочках спереди. А у девок – одна без укрыва и сзади.

– Ужо бабы, а грудей неросло, – удивился Мишка, – и задами тож не вышли...

А женщины проворно расставляли деревянные блюда, ловко поворачиваясь между тесно сидящими на кошмах и шкурах гостями и умудряясь никого не задеть ни рукой, ни подолом. Отец семейства встал, подошел к алтарному ящику и с молитвой поднес бурханам баранью голову. Дружки женихов разлили арьку. Первую чашу поднесли старику, брату отца невесты. Тот обмакнул в нее безымянный палец, троекратно брызнул вверх и начал говорить благопожелание – йорял. Баатр волновался, что ему тоже арьку пить придется. Арька, конечно, не в пример слабее водки, но и выпить нужно будет полную чашу. А ведь после этого еще петь и плясать. Не опозориться бы перед будущими родственниками. Стыд страшнее смерти, говорил отец. Очень Баатру отца недостает. Веселый, легкий был человек, да переродится он в чистой земле.

Старик говорил долго, собравшиеся сидели тихо, боясь шелохнуться в такую торжественную минуту, и только растроганная мать невесты иногда подносила к глазам висящий на поясе платок, вытирала слезинки. И тут Баатр с ужасом заметил, что Мишку клонит в сон, голова то и дело падает набок. Потом Мишка подпер голову рукой, а это уж совсем не годилось – так хоронят покойников!

Наконец старик закончил, поднял чашу обеими руками и выпил. Все тут же оживились и тоже выпили. Баатр по совету брата запихнул перед выездом в рукава по платку и теперь, поднимая чашу ко рту, пытался слить арьку в один из рукавов, косясь на отца невесты – не видит ли? Бембе подвинулся немного вперед и заслонил брата от взглядов невестиной родни.

Женщины внесли в кибитку два блюда – на каждом по вареной бараньей ноге – и выставили перед женихами.

– Ну, покажите сноровку!

Бембе и Баатр достали из чехлов свои ножи и принялись счищать с кости мясо. Баатр старался не обгонять старшего брата: сноровки у Баатра было больше, но здесь этого не следовало показывать.

Счистили, крошили в пух. Будущий тесть попробовал мясо, одобрил:

– Хорошо порубили. И младенцу, и старику по зубам! Быть вашим семьям многодетными!

Все шло благополучно. И баранью лопатку дядя-ахлаци разбил с одного щелчка – зубами грызть не пришлось. Выпили за богатырскую силу женихов.

– А теперь бы трубочку! – пожелал глава семейства.

Оба брата поднялись, подошли к хозяину кибитки и почтенному старику, взяли их трубки, набили своим табаком из висевших у пояса кисетов, раскурили и подали с поклоном. Тут и остальные: и мужчины, и старшие женщины – потянулись за трубками. Кибитка наполнилась дымом.

– Люто, ой люто! – закашлялся Мишка. – Стока дыму, что и черти поразбегуцца!

– Так мы их зараз и выкуриваем, – объяснил Бембе. – Всех шулмусов – вон!

- Да табак у вас больно злой!
- Шас все на баз выйдуть. Плясать будем!

А на базу уже заиграла домбра, приглашая поразмять затекшие ноги. Гости потянулись из кибитки на свежий воздух. Уже слышалась и заличка-шаваш, приглашающая женихов выйти в круг.

- А ну, давай танцуй! Живей! Быстрей! Хядрис! Хядрис!

Пока все собирались вокруг домбристки и зазывающей на танец молодой плясуньи, Баатр потихоньку достал из рукава мокрый платок, выжал из него арьку, прицепил на пояс – пусть сохнет. Сейчас его вызовут в круг – показать, на что в танце способен. Тут Баатр был спокоен. Бембе, конечно, чичирдык пляшет – что жаворонок крыльями машет, в глазах рябит от мелкой тряски, но и он, Баатр, от тех же родителей произошел, не посрамит род Чолункиных.

Плясунья сделала круг слева направо, остановилась перед Бембе и коснулась рукой его плеча. Бембе выскочил вперед, как пружина, широко развел руки в стороны и пошел переступать, притаптывая правой ногой, а левой лишь касаясь носком земли, четко щелкая каблук о каблук. Каждый мускул его тела сотрясался, как в судороге, но проходка была такой плавной, словно танцор ступал по воздуху. Баатр вспомнил, как в детстве, спрятавшись за кибиткой, босой Бембе оттачивал танец, разбивая в кровь левый носок, но это не останавливало упряма – он продолжал, даже когда ноготь слез и палец распух. Во всем он, Бембе, такой настойчивый: лозу будет рубить до последнего прутика и чичирдык танцевать до последнего вздоха.

Мелко-мелко содрогааясь всем телом, Бембе опустил на скрещенные ноги. Зрители от мала до велика восторженно подбадривали: «Хядрис! Хядрис!» А Бембе, сидя на скрещенных ногах, выдвигал вперед поочередно плечи, колыхавшиеся будто флаги на легком ветру. Тут он кивнул брату, Баатр сделал два шага вперед и упал на колени как подрубленный, изогнулся спиной, придерживая правой рукой шапку, коснулся головой земли, напряжился всем телом и выпрыгнул вверх. «Хядрис!» Проверка на ловкость, на владение телом была закончена. По кругу пошла арька.

- А суженых когда ж вам покажут? – поинтересовался Мишка.

- Когда все задания сполним.

– Ага, когда глазыньки зальют, да еще и в ночи – любя девка кралей видеца! – засмеялся Гришка. – И мочи удрать уже не будеть.

- «Дело Гришка говорит», – подумал Баатр.

Снова зашли в кибитку, подали горячее мясо. Баатр едва притронулся – ему предстояло поразить родителей невест пением, а с полным желудком хорошо не споешь. Исполнять он будет за двоих: что не давалось Бембе – так это речи говорить и песни петь.

Поели – запели. Про войну, про походы, про геройство. У мужчин загорелись глаза, у женщин выступили слезы. Подвыпивший отец невест усердствовал громче всех, у него пот градом катился со лба.

Опять разлили арьку.

- Ну, зятя, кто из вас поднесет мне с песней?

Баатр молча поднялся, обеими руками взял наполненную до краев чашу, осторожно двинулся к тестю, следя, чтоб не расплескалось ни капли. Все затихли. Баатр встал перед тестем на одно колено и запел. Песня была хвалебная, собственного сочинения. Пел Баатр про то, как скакали они с братом по степи среди пестрых тюльпанов и танцующих журавлей, как радовались их сердца в ожидании встречи с достойной семьей из славного рода, как увидели своих будущих родственников: любящих родителей, их сильных сыновей и скромных дочерей – и как хотят они, братья Чолункины из рода зюнгар клана эркетен, породниться с ними. Пожелал, чтобы тесть прожил до седых усов, чтоб увидел внуков и правнуков, чтобы чашка его была полна молока, а скот хорошо плодился, чтобы всегда к нему были благосклонны бурханы и чтоб умер он как настоящий казак не в своей постели, а в ратной битве.

Умолкнув, Баатр протянул чашу тестю. Тот выпил, оставив один глоток, и протянул чашу обратно исполнителю. Баатр допил арьку. Так было положено по ритуалу. Гости одобрительно зашумели:

- Да твой зять не то что за двоих, он за весь хотон исполнит!
- А голос какой!
- Уважил так уважил!

Баатр скромно сел на место и потупил глаза. Теперь осталось преподнести будущим родственникам подарки, и их отведут, наконец, знакомиться с невестами.

Внесли узел с подарками. Отцу невесты и старшему дяде – по бешмету, матери – халат, остальным родственникам на правое плечо накинули по отрезу ситца, пестрого – мужчинам, белого – женщинам. Стали нахваливать и обмывать обновки. Шутки, смех, дым коромыслом... Ахлачи усердствовал вовсю, увеселяя и потешая гостей. Братья пытались объяснить Мишке с Гришкой смысл шуток, да разве шулки переведешь! Что может быть смешного в двадцать пятом позвонке овцы? Очень много для калмыков – и ничего для Мишки с Гришкой. Да и не шулки были сейчас важны. Главное, все в кибитке увлечены ахлачи и забыли про женихов. Или сделали вид, что забыли...

Будущая теща поднялась с места и направилась к выходу из кибитки. Вот зачем у входа сидят женихи: чтобы исчезнуть незаметно, когда наступает пора смотреть невест. Не говоря ни слова, Баатр и Бембе взяли лежавшие за спиной свертки и последовали за матерью невест. Солнце уже закатывалось за горизонт.

Недалеко от входа в мазанку стояла девочка лет десяти. Увидев женихов, она стремглав побежала к двери – предупреждать. Баатр почувствовал, как трясутся у него поджилки.

В мазанке пахло свежей побелкой, молодой полынью и новой одеждой. Проем между кухней и горницей закрывала красная занавеска. Мать невест отвела краешек, заглянула внутрь. Из-за ее спины Баатр увидел несколько девушек, сидевших полукругом на украшенной узором кошме. Лучи заходящего солнца, проникавшие через мутные оконца мазанки, окрашивали белые стены в розовый цвет. Отраженный от стен мягкий свет делал кожу на лицах девушек бархатной, а темные глаза – влажными и маслянистыми. У Баатра перехватило дыхание: все девушки показались сказочными принцессами, достойными легендарных батыров из сказания.

- Ну что ж, входите! – громко объявила мать невест и отдернула занавеску.
- Бембе решительно шагнул вперед. Баатр за ним.
- Мендвт⁹! – хором сказали женихи.
- Мендвт! – не поднимая взглядов от узоров на кошме, вразнойбой ответили девушки.

Мать положила одну подушку справа и указала на нее Бембе, левая подушка предназначалась для Баатра. Напротив какой девушки положена подушка – та и твоя невеста. Баатр присел на кошму, скрестив ноги, не поднимая головы. Из этого положения он видел только подол ярко-зеленого платья своей суженой и загнутый носок выглядывавшего из-под платья красного сапожка. Он скосил глаза на брата и поймал оценивающий взгляд сидевшей напротив брата статной девушки со светлой, как топленное в русской печи молоко, кожей. От смущения кровь прилила к лицу.

Бембе встал на левое колено, правой рукой протянул свой сверток над выставленным на кошме сладким угощением – леденцами, изюмом и пряниками. Баатр повторил, подражая во всем брату. Кисти рук, которые приняли подарок Баатра, были настолько маленькими, что он оторопел – сколько же лет его суженой? – и, забыв про приличия, посмотрел невесте прямо в лицо.

⁹ Мендвт – приветственное обращение к старшим и группе.

Девушка оказалась уменьшенной копией старшей сестры: такие же глаза, напоминавшие овальные листья раkitника, брови вразлет, слегка выступающие румяные скулы, аккуратный нос и небольшой пухлый, почти детский рот, только кожа потемнее, чем у сестры, цвета чая, когда в него еще не влили молоко. Слава бурханам, сестры лицом и статью похожи на своего отца! По грудным округлостям, обтянутым расшитым атласом, можно было понять, что невеста его уже не ребенок, только ростом мала. Девушка поймала его взгляд и смущенно улыбнулась, показав на мгновение белые как мел зубки, но не потупилась, а продолжала смотреть на него прямо и доверчиво, как смотрят на старшего брата.

– А ну-ка посмотрим подарки! – со смехом предложила одна из девушек. – Не покупилась ли семья, куда мы отдаем наших дорогих подружек?

– Ценят ли женихи сокровища, которые обретают? – ввернула другая.

Сноровистые руки развязали бечевки, крепившие свертки, развернули и заахали:

– Ах, какие красивые халаты!

– А какая искусная вышивка!

– И швы все ровные!

– А уголки закругленные!

– С изнанки, что с лица!

А невесты между тем молча передали женихам вышитые кисеты, Бембе и Баатр привязали кисеты к поясу, подружки поднесли женихам по маленькой чашечке арьки, Бембе, как старший, сказал благопожелание будущей теще.

Будущая теща, сидевшая меж дочерей, выпила свою чашку и поднялась с места. Посмотрели – и довольно. Пора и честь знать. Братья коротко поклонились и, не поворачиваясь к невестам спиной, попятнулись к выходу из комнаты. Бембе выглядел очень довольным: ему в жены досталась настоящая красавица. Баатр тоже был рад – ничего, что суженая маленькая, ей, наверное, нет и пятнадцати зим, подрастет еще. Главное, белки глаз видны и нос в порядке.

А в кибитке гулянье было в разгаре. Дядя сыпал шутками из последних сил, все про двадцать пятый позвонок овцы – ведь у него сотня крупных и мелких выступов и изгибов, а на этих изгибах уместилась вся история калмыков.

Мишка и Гришка скучали. Они не понимали, как можно битый час тыкать в маленький бараний позвонок и так увлеченно о нем говорить. К тому же арька их не брала – это вам не самогонка-косорыловка, слабый градус, дитячий.

– Что, видали невест-то? – перегнулся к Баатру за спиной Бембе Мишка. – И как с лица?

– У нас своих женок хвалить невозможно, сглазишь.

– Ладно. И так по твоей довольной роже видно. Будто блинцов наелся на масленицу, – хохотнул Мишка. – Зовуть-то хоть как?

– Не ведаю.

– Чего ж не спросил? Язык проглотил, что ль?

– А зачем? Завтра ей все равно имя поменяют. Старшая тетка имя подберет.

Мишка вытаращил глаза.

– И тебя не спросят?

– А зачем? Я ее по имени звать не буду. Это стыдно, когда муж жену по имени кличет.

– А тебя-то как звать, ей известно?

– Может, и известно. Только она имени вслух никогда не скажет.

– А как же она тебя выкликать-то будет?

– «Наш человек» али «хозяин дома». А если ей от меня чего надо, просто крикнет «Эй!».

– Чудно!

– У нас вовсе имена старших произносить нельзя. А муж – он над женой старший.

– Знамо дело, старший, – согласился Мишка. – Но все равно чудно.

А дядя-ахлачи тем временем в один вздох трижды выдал скороговорку, по обычаю заканчивающую обсуждение волшебного позвонка овцы и указывающую, что сколько бы ни выпил ахлачи, но язык у него не заплетается. Кибитка одобрительно загудела. Выпив очередную чашу – за мастерство исполнения, дядя поднялся с места и, извинившись, направился к выходу – вся арька через пот не выйдет, надо и облегчиться. Минуя женихов, похлопал Баатра по плечу и кивнул головой на широко распахнутую для проветривания дверь. Баатр последовал за дядей.

– Вижу, ты доволен, племянник!

– Да, дядя.

– Не хотел тебе говорить, но теперь, думаю, можно. Хромая твоя невеста. С лошади упала и охромела. А потому подарков за младшую мы не делали. Даром досталась. А приданого спросили сполна.

И дядя довольно захохотал. У Баатра все внутри оборвалось. Он вспомнил доверчивые глаза своей суженой, ее крошечные ручки. У младшей невестки и так незавидная доля: вставать раньше всех, ложиться позже всех, самая тяжелая работа ей достается. А тут еще хромота! Не сдержался Баатр, слезы выступили у него на глазах – так ему жаль стало будущую жену.

Дядя его скорбь растолковал по-своему:

– Ты на нее не смотри, когда ходит, смотри, когда сидит. Хромота рожать не мешает.

– Да, дядя.

Как прошла ночь, Баатр не помнил. Он не раз щипал себя, чтобы не заснуть. Мишка с Гришкой выбрались из кибитки и ушли спать под телегу, а Баатр все поглядывал на баз – не встает ли солнце.

Как только горизонт чуточку посветлел, ахлачи встрепенулся. Невест из дому нужно вывезти до того, как света станет достаточно, чтобы разглядеть линии на ладонях рук. Баатр побежал будить Мишку с Гришкой. У них было договорено, что невест выносить из дома они будут. Их-то, иноверцев, подружки невест бить по-настоящему постесняются. Или побоятся.

Когда Бембе растолковывал Мишке с Гришкой, как надо действовать, подружки опять изумлялись:

– Значить, вы нам доверяете невест ваших из дому вытащить? Девочку щупать мы всегда гораздые, лишь бы потом обиды от вас не вышло.

Растолкав парней, Баатр вручил им по большому пестрому платку – на невест набрасывать. Бембе пошел коней посмотреть, которые в приданое невестам дают, проверить, приторочены ли седла, чтобы промедления потом не было. Парни из числа поезжан сгрудились у входа в мазанку – им предстояло выносить приданое.

– Как мы невест опознаем? – забеспокоился Гришка. – А то вынесем – да не тех. Можя, наряд на них особенный: фата аль венки есть?

– Этого нет: ни фаты, ни венка. Двух из середины берите – эти и есть невесты.

Мишка толкнул входную дверь и, размахивая платком как нагайкой – в раскрутку, заорал:

– Поберегись!

Гришка вбежал следом. Не успел Баатр сквозь заслон невестинной родни внутрь пробиться, чтобы удостовериться, что взяли нужных, а подружки уже несли на выход накрытых платками брыкающихся невест. Обе по обычаю выли-плакали: горе расставания с родительской кибиткой надо показать сполна.

– Да хватит кобениться! – Гришка стукнул невесту по заду коленкой.

Мишка нес свою ношу легко, без напряжения, девушка болтала ногами как ребенок, радующийся, что его наконец взяли на руки. Подружки рыдали и били чем попало выносивших приданое поезжан. Те оборонялись тем, что держали в руках: кошмами, котлами, тюками с одеждой.

На дворе невест поставили на ноги. Те поклонились родной кибитке, куда им после свадьбы целый год нельзя будет и ногой ступить, зареванная мать поднесла им по чашке молока. Подвели коней, каких дали в приданое: старшей – кобылу серую в яблоках, младшей – мерина-трехлетку, уже выезженного.

Девушек посадили на коней и снова накрыли платками. Наступал самый ответственный момент отъезда. Сзади сёдел на хребтину коней взобралась дружка: Мишка и Гришка – удерживать невест, которые стали раскачиваться, привставать в стременах, стараясь спихнуть своих «похитителей». Тяжелое это дело – удержать девушку и самому не свалиться. А свалишься – родственники невесты с кнутами на невезучего накинутся. Мишку с Гришкой, ежели что, лупить по-настоящему поопасаются.

Гришка, уже распаленный сопротивлением старшей невесты, так стиснул ее руками, что та ойкнула.

– Сиди, девка, смирно, не ерпенься! А то косу твою на руку намотаю вместо вожжей!

Поняла невеста или нет, но только дергаться перестала, и сколько ни подзадоривали ее молодые родичи, так и сидела не шелохнувшись. А невеста Баатра ерзала так и сяк, да только опасности для Мишки слететь с коня не было никакой. Ему одной левой хватило, чтобы обхватить девушку за талию, а правой уцепиться за поводья и править меринком.

Когда Баатр поравнялся с невестиным конем, Мишка похвалил:

– Хорошая девка тебе, Батырка, попалась. Покладистая и веселая. Всю дорогу хихикает и ерзает. Может, борода моя ей колется?

Помолчал и добавил:

– А вот Бембе я не завидую. Девка норовистая, да и кобыла под ней с изьяном. Бабки мягкие, сам погляди: когда рысью идет, провисают. Рахитная, видать...

Глава 4

Август 1904 года

Ура-а-а!!!

От зычного тысячеголосого крика над пыльным плацем взметнулись воробьи. От царского поезда, украшенного петровским триколором и зелеными ветками, к выстроенной двумя фасадами 4-й Донской казачьей дивизии неспешным шагом двинулись конники в белых мундирах. Августовское пекло уже безнадежно высушило политый накануне плац, но ветер вдруг утих будто бы нарочно для такого важного случая.

Два трубача поднялись в стремях и сыграли «Слушайте все!». «Ура!» – не затихали казаки, потрясая пиками. Выстроившиеся в ряд между железнодорожной платформой и плацем станичные атаманы снимали фуражки и кланялись в пояс.

Баатр стоял в толпе народа за лагерным полем. На плечах у него сидел десятилетний Очир, который рассказывал ему о том, что видел.

– А конь у Цаган-хана¹⁰ – чистокровный дончак! Вот бы такого на развод! Но он холощеньй.

– Так нельзя ж Цаган-хану жеребца подавать. Вдруг понесет! – объяснил Баатр.

– Бородка у Цаган-хана маленькая, почти как у калмыков. Рядом еще русские зайсанги¹¹. Цаган-хану доску какую-то подали с золотой каемкой. Он ею машет.

– Это он иконой благословляет. На иконе – русский бурхан.

– А отцу русский бурхан поможет?

– Поможет. Он ведь за русского хана воевать идет.

Баатру тоже хотелось бы на государя императора взглянуть. Но вокруг тумен¹² народу, вперед не пробиться. А степь вокруг Персиянского лагеря плоская, как вода на озере Маныч. Ни холмика, ни камня, ни деревца. Баатр пошевелил затекшей шеей, похлопал мальчика по ноге.

– Ты давай, Очирка, не молчи.

Очир заерзал.

– Мне, дядя, нужно облегчиться.

Выбрались из толчеи, примочили вытопанную траву. Несмолкаемое «ура» оглашало степь. Станичный люд махал картузами. Атаманы потрясали хоругвями.

– Обратно не влезем, – оценил обстановку Баатр. – Давай телегу поближе подгоним.

Подогнали, развернули задом, встали во весь рост, открылся полный обзор. Самодержец восседал на лошади, перед ним, задрав голову и взяв под козырек, стоял невысокий пузатый человек в мундире. Он что-то говорил, время от времени пружиня коленями, словно пытался выпрыгнуть из сапог.

Вспомнил Баатр, как обрадовался Бембе, когда прискакал на хутор вестовой. Хуторяне не знали, какие такие японцы и что с русским царем не поделили, не казачьего ума дело. На то казак и родился, чтобы царю пригодиться. Бембе в момент оседлал коня – и к атаману. А там уже очередь выстроилась – молодые да резвые, все в бой рвутся; к тому же стало известно, что по 100 рублей дадут каждому на лошадь и обмундирование. А надо всего пять человек.

Кота Шульбинов привел своего старшего сына и сказал:

– Нам сто рублей не нужны, пусть пойдут в общую казну. Я на свои деньги сына соберу!

¹⁰ Белый царь (калм.).

¹¹ Зайсанг – здесь: князь.

¹² Тумен – в данном случае синоним слова «тьма (народу)». Исторически «тумен» – боевое соединение в 10 тысяч воинов в монгольской армии XIII–XV веков.

Атаман созвал старейшин. Устроили среди добровольцев состязание: джигитовка, рубка и рукопашная борьба. Бембе первым номером вышел, хоть ему уже за тридцать зим. Только он на всем хуторе с обеих рук шашкой рубить способен. А Шульбинова сына и с конем не взяли – старики сказали:

– Позора не хотим!

Бембе так обрадовался – будто уже войну выиграл. 100 рублей на хорошего строевого коня не хватило: барышники как узнали про мобилизацию, тут же подняли цены – так Бембе сдал в аренду на пять лет пай пахотной земли тому же Шульбинову. Но зато и конь, и седло, и шашка что надо!

– Дядя, а сколько дней надо кочевать, чтобы до японцев добраться?

– Год, наверное, – предположил Баатр. – Но твой отец вместе с конем на поезде поедет.

– Я когда вырасту, тоже пойду воевать с японцами, – решительно сказал Очир.

– Не успеешь, – засмеялся Баатр, – их раньше победят.

– А с японцами за что воюют?

– За землю.

– За русскую?

– Нет.

– За японскую?

– Нет.

– За чью?

– За маньчжурскую. Калмыцкие предки – ойраты – с маньчжурами много сражались.

– Победили?

– Проиграли, – нехотя признался Баатр.

– А теперь отец Маньчжурию завоеует! – уверенно заявил Очир.

– Завоеует! – подтвердил Баатр.

Солнце уже стояло в зените. Притомленные жарой всадники в белых мундирах и синих галифе с широкими красными лампасами неприметно сжимали пятками лошадиные бока, чтобы побыстрее оказаться в укрытии спальных вагонов. Песчаная пыль припудрила белые верхи фуражек, лица и бороды, сбилась в складках на рукавах мундиров. Выправка у государя императора хоть куда, и голову он держит высоко, отметил про себя Баатр. А в остальном – обыкновенный офицер, в Новочеркаске таких много.

Толпа станичников, увидев приближавшегося государя, загомонила. Кобыла от шума дернулась, попятилась, задок телеги ткнулся в спины людей – Баатр едва устоял.

– Эй, чертеньяка, почто людей давишь?! – послышался знакомый голос.

Мишка! Выгоревшая борода лопатой, вокруг глаз – розовые жилки морщин на почерневшем от солнца лице, а в целом – неизменный.

– Едрить твою! – ахнул Мишка. – Батырка, ты?

Баатр мигом соскочил с телеги, обнялся с Мишкой по русскому обычаю. Очир смотрел на них, открыв рот.

– Твой малец? – кивнув на Очира, спросил Мишка.

– Мой первенец, – подтвердил Баатр. – Но я его Бембе на воспитание отдал.

– Так первого вроде ж не отдают.

– Просил Бембе очень. Как я мог старшему брату отказать.

– А он-то сам где?

– Там! – махнул в сторону плаца Баатр. – На войну записался.

– А я так и мыслил! – закивал Мишка. – Дождался Бембя своей войны. А то все сокрушался, что уже третье поколение в роду не воюет. Несерьезный для нас, конечно, противник – япошки косорылые, но на любой войне есть где казаку развернуться.

– Залазь, Мишка, – предложил Баатр, – давай посмотрим, как царь в поезд садить будет. Такой случай раз в жизни выпадает.

Мишка вспрыгнул на телегу.

Государь император сошел с коня, взобрался на площадку вагона, поднял руку в прощальном жесте. Провожжающие начальники взяли под козырек. Протяжный свисток – и грянуло мощное «Боже, Царя храни!».

Поезд громыхнул, отпуская тормоза, и стал набирать скорость. И вдруг, ломая строй, с плаца сорвались всадники и, пришпорив коней, помчались, нагоняя уходящий состав. За первыми самовольцами потянулась целая лава. Казаки свистели, привставали на стремянах, размахивали кнутами; прижав к груди винтовки и шашки, а к ноге пики, откидывалась до земли то вправо, то влево, переворачивались задом наперед – словом, показали всю свою выучку в лучшем виде.

– Вот так, поди, во всей Расее-матушке тока нашенские казаки и могут, – протянул Мишка с гордостью. – Хана таперича япошкам. Айда, спрыснем это дело! У меня бутылка первача в соломе притырена.

На следующий день, с трудом продрав глаза после Мишкиного угощения, Баатр попрощался с Бембе, и отправились они с Очиром домой. По дороге заехали в станичный хурул, отдали гелюнгу рубль, заказали охранительную молитву.

Жена Баатра, получившая после свадьбы имя Альма, – счастливая, рожала за десять лет пять раз. Первенец Очир был после трех лет отдан на воспитание Бембе и его жене Байн, потом родились подряд две девочки, но ни одна не дожила до года, а после – Чагдар, ему теперь четыре. Берегла Альма второго мальчика, все ритуалы исполняла, все запреты соблюдала: пуповину хранила на алтаре, после заката малыша из дома не выносила, одевала в платье для девочек, талисман «бу» на шею повесила. А когда Чагдар ходить начал, привязала ему на пояс амулет из костей зайца и челюсти лисы – чтобы гремел при ходьбе, отпугивал злых духов. Очень пеклась Альма о сыне, а рожденную после него девочку не уберегла. Смерть девочки матери в вину никто не поставит. Но чтобы лучше выживали дети, надо одного мальчика из семьи в хурул на обучение пообещать. Вот если родится еще один сын, Баатр обещание исполнит.

Неспокойно на душе у Баатра. Двумя женщинами управлять – морока. Младший брат при уходе старшего на войну должен заботиться о его жене – так предки повелели, в «Степном уложении» записано. А Байн... Ведет себя, будто белой кости, а сестра у нее в услужении. Альма и коров доит, и скот на выпас выгоняет, и кизяки собирает, и еду готовит – все одна. Хромает туда-сюда, а старшая сестра ее погоняет. Сама же Байн только перед алтарем сидит и бурханам молитвы возносит – детей себе спрашивает. Баатр хотел было даже выделиться из семейного хозяйства, перебраться в станицу и наняться в батраки. Но Альма уехать от своего первенца не захотела.

Мог бы Бембе после семи лет бесплодного брака отвезти Байн обратно в родительскую семью, но не стал. Надо было бы тогда и кобылу, что получил в приданое, вернуть, а скотинка к тому времени уже издохла от сапа. Красивая, конечно, Байн, лицом светлая, румянец на скулах играет, тело родами не испорченное, работой не замученное. Глядя на нее, чувствовал Баатр, как встает у него плоть, и тогда старался быстрее уйти из семейной мазанки в кибитку, где ночевали они с Альмой, и ждал, когда жена закончит все вечерние хлопоты и придет к нему.

Очир очень привязан к приемному отцу. С трех лет Бембе обучал Очира казацкому делу, коня ему деревянного смастерил и шашку из карагача выстрогал. С пяти лет стал мальчика в табун брать, учил скакать без седла и уздечки. Другие мальчишки, одногодки Очира, еще и штанов не имели, а Бембе приемному сыну уже и сапожки пошил. Кормил из своей чашки –

старшему в семье лучшие куски кладут, так Бембе с Очиром делился. Обе матери – и кровная, и приемная – были только рады такому вниманию к сыну.

– Эй, Очирка, не унывай! – Баатр хлопнул мальчика по плечу. – Отец скоро вернется. Шашку настоящую у японца тебе добудет. У японцев шашки лучшие на свете.

Лицо мальчика озарилось довольной улыбкой:

– Стану первым рубакой на всем Дону.

– Обязательно, – подтвердил Баатр. – А пока отец шашку добывает, будешь железной лопатой землю рубить. Приедем домой – картошку копать пора.

Заставила жизнь донских калмыков в земле ковыряться, хоть и запрещали предки под страхом бесплодия и голода корни растений выдергивать. А уж вонзать в землю железо – грех смертный. Но пастбища урезали – 15 десятин на одного казака оставили, большую отару овец уже не прокормить, а на кибитку шерсти надо много, покупать если – 100 рублей кибитка стоит, да и служит года три, потом новая нужна. А мазанка или саманный дом рублей в 70 обходились, и пользоваться ими можно много лет без ремонта. И теплее в доме зимой, и дым лица не коптит. Кибитки на базу у калмыков стоят покуда, но зимой вся жизнь – в мазанке, у печки: хоть и душно, но тепло.

А пай пахотной земли, что выделили, его засеять надо. Дело непривычное. Соседский сын батрачил у хохлов – картошку выращивал, дал несколько штук попробовать. Запекли в золе, с солью поели – вкусно, сытно. Весной на ярмарке купили лопаты и пару мешков семенной картошки. Пока сажали – спины наломали, ладони в кровь стерли. Десятину засеяли и рукой махнули. Остальную землю оставили под парами. А картошку еще и пропалывать надо, чтобы другая трава у нее соки не тянула. Потом окучивать пришлось. Теперь вот выкопать осталось. Урожай собрать придется Баатру с Очиром – женщин к работе с землей допускать нельзя, всех подземных чертей себе на косы нацепляют, никакие амулеты-токуги не спасут...

А ведь правду сказал сосед про картошку. По десять штук из-под каждого куста накопили и мелочи без счета. Целый курган навалили. Но новая беда: клубни нужно хранить в яме, глубже, чем любая могила – погребом у русских называется. Иначе весь урожай испортится. Что же это за еда, которую так низко прятать нужно? Увидел в этом Баатр дурной знак. Старший брат на войне, жена скоро должна родить, а он яму своими руками будет рыть! Поехал в хурул, заказал охранную молитву на всю семью, вернулся и приступил. Копал-копал, землю прокопал, песок пошел. В песке – ракушки. Воспрял духом: ракушки – они от Бурхана-бакши, хороший знак.

А Байн работать по дому так и не стала. В начале осени объявила невестка, что носит в животе ребенка. Но тяжелое испытание назначили ей бурханы: лицом подурнела, кожей позеленела, есть совсем не могла. Для Альмы забот прибавилось, а и сама уже с большим животом была. Попросил Баатр у бурханов прощения за исполнение женской работы и стал жене по дому помогать, боялся только, чтобы соседи не прознали, не опозорили его на весь хутор. Ведь как только стала инеем покрываться по утрам трава, наступило холодное время – к вечеру стекались в их кибитку старики:

– Спойте нам, уважаемый Баатр, «Джангр». Пусть богатыри помогут нашим казакам победить японцев.

Отказать нельзя – раз уж ты слынешь джангарчи.

Разжигала Альма очаг в кибитке, готовила джомбу, разносила старикам. Брал Баатр в руки домбру, молился бурханам и начинал:

Прибыл Джангр, ведя за собой
Шесть тысяч двенадцать богатырей.
С буйным кличем Бумбы своей
Ринулись воины в бой...

Представлял при этом, как прибыли казаки в далекую Маньчжурию, как вывели из вагонов своих боевых коней, как хлынули лавой на врага.

С исполином исполин
Борются восемь полных дней, —
Не побеждает ни один!

Старики качали головами, переглядывались: как же так, когда же победа?

А в глубоком и круглом рву,
Придавив степную траву,
Словно мертвый, лежал Санал,
Савр плавал в крови, стонал.

Лица слушателей искажало страдание, дыхание учащалось, пот тек по морщинистым лбам: «Ой, какое мучение, какое мучение!»

Вызвали целительный дождь,
Вызвали живительный дождь,
Дали снадобья Бумбы-земли,
Савра и Санала спасли.

Старики шумно выдыхали, хлопали друг друга по плечу: «Живы! Живы!»

И во славу грядущих побед
Начался праздник арзы-араки...

Слушатели приходили в восторг: «Богатыри непобедимы!», «Страна Бумба бессмертна!» Разливали принесенную с собой арьку и пили за хуторян, что ушли на войну, за победу Цаган-хана над злобными японцами, за здоровье джангарчи.

Уходили старики довольные и радостные. А Баатр, проведив последнего гостя, принимался помогать Альме: чистил котел, мыл чашки, да простят ему бурханы этот грех.

Незадолго до праздника Цаган Сар вызвал Баатра хуторской атаман и протянул ему конверт с письмом от Бембе, из станицы привез. Баатр не мог в толк взять, как брат письмо написал, он же неграмотный: ни калмыцким «ясным письмом», ни русской грамотой не владеет. Да и сам Баатр как прочитает? Повертел в руках конверт, положил в подседельную сумку бутылку арьки, сел на коня и поскакал в станицу к писарю Малдашке, только он во всей округе и мог эти закорючки обратно в слова превратить.

Прежде чем конверт распечатывать, выпили с Малдашкой по чарке за хорошие вести. Потом с молитвой вскрыли, писарь зачитал:

Здравствуйте, дорогие брат, жена, невестка и детишки! Пишет вам по просьбе вашего сродственника Чолункина Бембя его однополчанин Маслов Василий. Полк наш отправили в резерв, потому как пока мы на войну ехали, полковник наш сильно пил горькую и еще окончательно не оправился, а более полком командовать некому. Бембя досадует, горит желанием в бой, увидеть наконец, какой он, японец. Победы нашей большой нет. Но мы надежды на

ратный подвиг не теряем. На то мы казаки и рождены, чтобы служить Государю и защищать нашу родную землю, хоть бы и на Китайщине. Китайцев тоже еще не видали, потому как их всех отсюда повиселили, чтоб для японцев не шпионили, но братушки-казаки с другого полку бают, что они на Бембю вашего лицом похожие, и японцы тоже похожие. Хорошо, что калмыки одеты по форме, а то забрали б их ненароком в плен и доставили в штаб заместо японцев, потому что добыть японского языка очень затруднительно, заставы у них шибко зоркие и с собаками, незаметно подобраться невозможно. В резерве работы незавально, но помыться негде. Ходим мы тут все грязные, вшей хоть лопатой загребай. А Бембю ваш вшей в костер нам стряхивать не позволяет, говорит, что огонь мы таким манером оскорбляем. Бембю просит, чтобы вы через писарчука весточку прислали про вашу жизнь. Пишите на мое имя, а адрес на конверте.

Что про свою жизнь писать, Баатр не знал. Что Байн ребенка носит, решил не сообщать. Плохо носит – вдруг выкинет? Когда ребенок родится, тогда и напишет. А может, война к весне закончится. Лишь бы успел брат с японцами сразиться.

Написали, что все в семье живы-здоровы, прибавления пока нет, скот в сохранности, кроме одной белой овцы – угодила копытом в сусличью нору, сломала ногу, была пожертвована в хурул. Картошки собрали много, на зиму хватит. В конце приписали благопожелания брату и всем хуторянам.

Пришел праздник Зул, зажгли лампы продления жизни, за Бембе вознесли особую молитву. Аьма разрешилась мальчиком в один из праздничных дней – великая удача для младенца! Назвали его Дордже, Алмаз – подходящее имя для ребенка, которого посвящают хурулу. Байн вроде оправилась, но большую часть дня лежала лежнем.

А в конце месяца зайца атаман велел Баатру незамедлительно ехать в станицу. Ни о чем не спросил Баатр атамана, ничего не сказал своим женщинам, сел на лошадь и поскакал. Мокрый снег лепил в лицо, таял на ресницах и усах, стекал на шею.

Атаман Иловайской станицы Соломкин Церен сидел за столом при полном параде и в папахе. Увидев Баатра, тяжело оперся на трость, поднялся со стула и снял с головы папаху. Писарь Малдашка за боковой конторкой, взглянув на Баатра как на чужого, как будто и не пили они тут за победу месяц назад, перебрал стопку писем, вытащил два конверта.

– Видно, начали японца наши атаковать, – обронил атаман. – Потери пошли.

Тело Баатра стало легким, как ковыль, сердце замерло, ноги онемели.

– Почему же тут два? У меня только один брат на войну ушел, – выдавил из себя Баатр.

– Одно казенное, другое – от сотника, – писарь ножом ловко вскрыл оба письма.

В казенном было похоронное извещение и приказ о посмертном награждении урядника Чолункина Бембе орденом Святого Георгия 4-й степени. Атаман, услышав про награду, одернул на себе мундир, хлопнул по столу, воскликнул:

– Вот каких героев дает наш юрт! Не подвел Бембе! Да переродится он в светлой земле!

Другое письмо было из Мукденского госпиталя. Сотник Краснянский писал о том, как лишился лучшего своего рубаки Чолункина Бембе.

Как только вернули их полк из резерва на боевую линию, Бембе каждый раз был первым охотником на опасные предприятия: в разведку ли, языка ли добыть, склады ли неприятельские поджечь. А когда генерал-майор Мищенко собирал набег в тыл японцам, Бембе, который был уже пожалован в урядники, тут же вызвался идти в рейд. Да и как его было не взять: в казачьей сметке, зоркости и слухе с Бембе никто не сравнится. Только он мог в темноте увидеть телеграфную проволоку, натянутую между деревьев на высоте шеи всадника. Только он отличал настоящее воронье карканье от сигналов японского дозора.

И генерал Мищенко объявил приказ: прорваться в тыл неприятеля и взорвать железную дорогу под Инкоу. Проскакав за несколько дней 300 верст, полк подошел к городу. Новогодней ночью произвели три атаки, но успеха не имели. А когда стало известно, что с двух сторон идет японцам подкрепление, генерал приказал отступить.

Их полк прикрывал отход повозок с ранеными. И Бембе первым увидал японский головной отряд. Казаки карьером бросились на противника в шашки. Неприятель повернул назад. Бембе догнал и повалил офицера, что возглавлял отряд. Японец был одет против холода в семь одеж, и проколоть его пикой не удалось – сломалось древко. Бембе вмиг спешился и бросился на противника с шашкою. Краснянский тоже соскочил с коня, но его рубанули сзади под коленки, и он упал, как подкошенный. А японский офицер вскочил, словно черт на пружинке, поднял свой меч двуручным хватом и рубанул Бембе по плечу. Правая рука Бембе повисла на сухожилиях, но он перехватил шашку левой рукой и рубящим ударом отсек неприятелю голову. Обезглавленное тело завалилось на бок. В ту же секунду двое японских солдат, спешивших на выручку офицеру, пронзили тело Бембе со спины штыками. Больше сотник Краснянский ничего не помнит, потому что потерял сознание. И вот что хотел он сообщить семье Бембе: прожил их родич последние минуты жизни достойно и умер самой лучшей смертью, о которой только может мечтать казак.

Словно молоток по наковальне грохотало сердце Баатра, мешало слушать. Писарь закончил читать, аккуратно сложил письмо по сгибам. Хотел Баатр запомнить каждое слово этого письма и уже собирался с духом, чтобы попросить прочитать его еще раз, но тут открылась дверь и на пороге появился старый казак Шарапов – глаза смотрят строго, лицо каменное, а с папахи на лицо мокротá капает. Атаман опять поднялся, опять обнажил голову... Писарь протянул Баатру письма и по новой принялся перебирать стопку конвертов на своей конторке. Баатр бережно сложил бумаги за пазуху, коротко попрощался и вышел.

На крыльце порывистый ветер швырнул пригоршню снега в пылающее жаром лицо, хлестнул по щекам, возвращая в сознание. Баатр отер глаза. Присыпанная белой крупой лошадь покорно стояла у коновязи. Баатр рукавицей начал отряхивать с нее снег. Услышал, как позади открывается скрипучая дверь присутствия. Обернулся. На крыльце показался Малдашка.

– Слышь, Батырка, забыл спросить. Мне имя Бембеной жены нужно и детей тоже. Собираем списки на государевы выплаты вдовам и сиротам.

Растерялся Баатр. По «Степному уложению» должен он теперь взять Байн себе второй женой, значит, уже не вдова будет. Очир брату не кровный сын. А кровный пока не родился. Имени нет еще.

– Я потом заеду, – пообещал писарю.

Малдашка не стал настаивать, только пожал плечами:

– Ладно. Потом. Белой дороги!

Припорошенная свежим снегом дорога была белее некуда. Вспомнилось Баатру давнее недоумение Мишки: зачем желают белой дороги, когда зеленая куда как лучше? Вспомнилось, как ехали они, женихи, по цветущей степи свататься. Дорого бы он сейчас дал, чтобы вернуться в то благословенное время. Но назад дороги не бывает. А от мыслей о будущем холод сковывал горло.

Глава 5

Август 1905 года

– «Пара рук. Пара кур. У Шуры косы русы». Учитель-бакша, что такое «русы»? Харту Кануков обвел глазами классную комнату, задержавшись взглядом на потрескавшемся портрете царя, потом посмотрел за окно, где в горячей придорожной пыли купались куры, задумался.

– Ну, это такой цвет, как выгоревшая трава, – наконец нашелся он.

– «Кому сала? Кому молока? Каша суха». Учитель-бакша, как это каша может быть суха?

– Без масла то есть.

– Все равно не суха, – не согласился на этот раз Баатр. – Вода-то в ней есть! «Волк уволок нашу козу. Волк – вор. Выпалил в ворону, а попал в корову». Пьяный, что ли, был?

– Это поговорка. То есть целился во врага, а убил кормилицу.

– «У осы усы». А вы, учитель-бакша, почему усы не носите? С усами больше уважения.

Лицо Харту Канукова заалело. Он ребром ладони потер под носом, словно проводя инспекцию своей растительности.

– Плохо растут, – признался он.

– А сколько же вам зим?

– Двадцать две, – подавив вздох, сказал Кануков.

– Двадцать две всего, а вы уже три года учитель! – с восхищением воскликнул Баатр.

– Я числюсь в школе помощником, – разъяснил Кануков. – Калмыкам не дозволено занимать должность учителя.

– Жизнь несправедлива. Вот вы – такой умный, а за учителя вас не считают. Хотя и приравнивают ваше занятие к строевой службе. А у меня последнюю корову сосед увел.

– За что забрал?

– А дети наши подрались. Соседский назвал моего сиротой-оборванцем. Стали деревянными пашками махать. Мой соседскому в глаз попал. Сосед тут же к атаману – жаловаться. Атаман – его родственник. Постановил мне корову соседу отдать.

– Это серьезная беда.

– Серьезная, – подтвердил Баатр. – У соседа теперь пять коров, а у меня ни одной.

– Сын в казаки готовится?

– Готовится. Тоскует он очень. Мой брат ему приемным отцом был. Ждал мальчишка, что отец с войны японскую пашку ему привезет. А отец не вернулся. И мать приемная вдобавок при родах померла. Разрешиться не смогла. Столько молила – но не отмолила свои грехи перед бурханами.

– Учите мальчика грамоте. Я вас учу, а вы – его. Займите его голову.

– Спасибо за совет, учитель-бакша.

– Читайте дальше, – сказал Кануков.

– «Настал покос. Нас в покос застал мороз». Какой летом мороз? Учитель-бакша, кто эту азбуку написал? – Баатр взглянул на обложку.

– Очень хороший человек. Вахтеров. Он за всеобщую грамотность. – Кануков понизил голос. – Его два года назад из Москвы выслали. И учителем дальше оставаться запретили.

– Городской, наверное? – предположил Баатр. – Не знает, что в покос мороза не бывает.

– Острый у вас ум, уважаемый Баатр, – похвалил Кануков.

Баатр смутился от похвалы, подвинул книгу поближе к себе.

– «Век живи – век учись. Наука – не мука. Наука – не скука. Наука – сила». Вот вы, учитель-бакша, науку постигли, а силы нет. Вон какой худой. Даже усы не выросли.

– Дались вам мои усы, – с досадой отозвался Кануков. – Вот если бы вы знали, что аренда вашей земли стоит семь рублей за десятину, отдали бы по семьдесят копеек?

– Семь рублей?! Быть того не может, – не поверил Баатр.

– Вы не знали и отдали по семьдесят копеек. А Шульбинов знал и передал вашу землю в аренду хохлам по семь рублей. И купил на вырубку сеялку и косилку. У кого сила?

– Не я землю в аренду отдавал, а мой покойный брат, – пояснил раздосадованный Баатр.

– Но он и свой, и ваш надел отдал, так?

– Да, но брат же старший, он и решал.

– А вы знаете, что по закону его пай отдельно, а ваш пай – отдельно? И никто без вашей подписи не может отдать вашу землю в аренду. Так что Шульбинов распоряжается вашим наделом незаконно, потому что вы о законе не знаете. Так что, знание – сила?

– Сила! – вынужден был признать Баатр. – Но настоящий калмык не может поступиться честью и жить, как Шульбинов.

– Вот вы грамоте научитесь, я вам дам кое-какие книги. Вы слышали про Кровавое воскресенье? Сколько царь невинных людей расстрелял? – перешел на шепот Кануков.

Баатр взглянул на царский портрет. Печально-осуждающе смотрели с покоробленного, растрескавшегося портрета серые, почти прозрачные глаза русского царя на затылок учителя Канукова. Как может он, безусый юнец, осуждать деяния святого человека, выше которого нет на земле, не считая Далай-ламы? Царю с высоты трона виднее, кого казнить, кого миловать. Слышал Баатр, что студенты хотели царя убить, но спрятался самодержец в своем дворце, схоронился, уцелел под защитой казаков.

– Все, что я хочу, – письма про брата прочитать, – отрезал Баатр.

– Ладно, – обронил Кануков и ткнул пальцем в страницу. – Давайте дальше.

– «Вожу навоз на возу». Это еще зачем?

– Навозом землю удобряют, чтобы урожай был лучше. Видите, вы только начали азбуку учить и уже столько всего нового узнали. А прочитали бы книгу про то, как правильно с землей работать, так жили бы лучше.

– Нельзя нам, калмыкам, землю тревожить. Я только один год картошку посадил, и столько несчастий в семье стряслось: брат погиб, невестка не разродилась. Вырыли мы с сыном картошку – погубили весь братьев корень.

Кануков с досадой хлопнул по столу.

– Значит, что вашего брата на бессмысленную войну царь отправил, картошка виновата?!

– Брата моего никто не отправлял. Он сам вызвался, – набычился Баатр.

– Ладно! А если бы у вашей невестки роды принимал врач, может быть, и не умерли бы ни она, ни младенец!

Этого Баатр уже снести не мог. Он захлопнул букварь и не прощаясь выскочил из класса на улицу, чуть не наступив на собаку, растянувшуюся у двери в училище. Собака подняла голову, недоуменно посмотрела на Баатра – чего это он в такую жару тут делает, когда всех учеников на каникулы распустили? – и снова растянулась на истертой ступеньке крыльца.

Разбередил учитель свежую рану – как ни убеждал себя Баатр с покорностью принять удары судьбы, но что-то внутри него протестовало. Он вскочил на лошадь и погнал кобылу на пастбище. Очир там сегодня за главного. Ради грамоты Баатр оставляет вверенный ему табун на мальчишку, которому еще и висков не брили.

«Не плачь, когда малая беда, не плачь, когда большая беда. Не плачь» – эти слова он несколько раз за этот год повторял Очиру. Когда приехал домой с похоронкой. Когда умерла Байн и лежала, завернутая в кошму. Убеждал мальчика не плакать, хоть у самого сердце рыдало.

Если бы роды принимал врач! Веками рожали калмычки без всяких врачей. Альма уже шесть раз родила. Повитуху вызывали только первые два раза. А когда Байн пришла пора рожать – соблюли все обычаи до последнего: дали роженице выпить топленого масла, открыли запоры на амбаре, замок на сундуке, выдвинули ящики у кухонного стола. Рожала в кибитке, лицом к бурханам, стоя на коленях, опершись на сундук, – все как положено. Повитуху пригласили самую опытную – бабку Нюдлю.

Целый день просидел Баатр с сыновьями у соседей, ждали новостей. К ночи вернулись к себе в мазанку. Но там вокруг печки суетились женщины, исполняя родильные обряды, а в зыбке тоненько и безутешно плакал младенец Дордже, словно бы сочувствуя рождающемуся собрату. Баатр взял две бурки – свою и покойного Бембе – и повел мальчишек ночевать под навес, где скирдовали сено. Зарылись в копну, накрылись бурками. Чагдар прижался к отцу и тут же уснул. А Очир лежал, вытянувшись в струнку, и не моргая смотрел в небо сквозь прореху в связках камыша. И только когда из кибитки раздавался глухой, неженский – нечеловеческий вой, сжимал Очир губы, зажмурился глазами и переставал дышать. Баатр сопел, делая вид, что заснул, чтобы не смущать Очира, наблюдал из-под прикрытых век за лицом сына и за всё еще зимними, замороженными звездами, холодно вззирающими с купола неба на человеческие страдания...

А под утро прибежала под навес измученная Альма, сказала, что бабка Нюдля посылает за кузнецом, и тогда понял Баатр, что дело совсем худо. Последнее это средство, чтобы сильный мужчина роженицу обхватил сзади и живот стянул – ребенка выдавил. Сходил Баатр, разбудил кузнеца. Байн умерла у него в руках: позвоночник, он ей, видно, сломал, а ребенок из нее не вышел. Что мог сделать врач, если даже кузнец ничего не смог? Видно, очень грешна была Байн перед бурханами и перед предками.

Баатр спрашивал потом Альму, может, Байн в девичестве непочтительна к родителям была? Альма признала, что Байн маленькой наперекор матери все делала. И то, что Альма охромела, из-за Байн произошло. Альму тогда старший брат в первый раз верхом на лошадь посадил. Байн палкой поддела в огне уже тлевший и дымящийся кизяк и из озорства метнула под копыта лошади. Лошадь – на дыбы. Альма свалилась и сломала ногу. Мать тогда Байн пророчила, что бурханы ее накажут. Вот и наказали, хотя Альма давно уже сестру простила и не хотела об этом рассказывать. Но, видно, бурханы все помнят, и нет у греха срока давности.

Очень горевала Альма по сестре, на висках появились седые волосы, а грудное молоко пропало. От коровьего болел живот у малыша Дордже, кричал он по ночам и ножки поджимал. А теперь вот корову со двора увели. На овечье придется перейти. А оно еще жирнее. Яхэ-яхэ-яхэ... У Дордже, хоть ему всего-то шесть месяцев, глаза умные, как у старика. Поговорит с ним Баатр, объяснит про молоко, что другого нет.

Очира Баатр не винит в том, что семья без коровы осталась. Соседу не зря дали имя Бацак – как есть высокомерный! И сын весь в него. Задира к тому же. Если окривеет, так сам виноват. Правильно Очир не стерпел – нельзя прощать оскорбления. Бурхан-бакши, конечно, зовет людей к смирению – но не перед дурными соседями! Перед властью, перед старшими – это да, смириться надо. Присудил атаман корову Бацаку отдать – Баатр слова против не сказал. Сдал Бембе, не спрашивая Баатра, его земляной пай Шульбинову – но Бембе был старшим братом. Теперь нет ни брата, ни коня, ради которого землю отдали, но ничего не поделаешь. Кануков вот сказал, что без его подписи отдавать в аренду было нельзя, – так Баатр тогда и расписываться еще не умел. Но то, что богач Шульбинов за его, Баатра, землю, такие деньги себе загреб – конечно, обидно. Баатр на эти деньги новую корову мог бы купить и в хурул пожертвование сделать: чтобы молились гелюнги за светлое перерождение грешной Байн.

Чувствовал Баатр вину перед покойной невесткой. Когда пришла похоронка, Байн сильно горевала. Баатр должен был в утешение пообещать, что возьмет на себя обязанности мужа. Но он медлил: Альма только родила, поддержать ее тоже надо было. Понимал Баатр: обе сестры

следили, кому он теперь отдаст предпочтение. И когда умерла Байн, хоть и нехорошо это, но испытал Баатр облегчение – забрали бурханы от него по наследству от брата доставшийся груз. Но и братова наследника забрали. Одно утешение – прославил Бембе род своей воинской доблестью.

И пусть трудна русская азбука, но осилит ее Баатр, прочитает и выучит наизусть письма про своего старшего брата. А потом на родном языке сочинит песню про то, как донской казак Чолункин Бембе воевал за Белого царя и Русское отечество. Уже слышал Баатр под копытами скачущей лошади ритм будущей песни.

Спешил Баатр вернуться к доверенному его заботам хуторскому табуну. Раньше пасли они табун вдвоем с Бембе, а теперь назначил атаман взамен Бембе другого табунщика с собачьим именем Ноха. Смеялся атаман:

– Ведь не зря назвал его отец Псом. Будет охранять табун, как собака охраняет отару.

Да только имени своего Ноха не оправдывал. Спал на ходу. Вроде вот он едет на лошади, держится прямо, а если заглянуть под надвинутую на глаза войлочную шляпу – спит, как есть спит!

Баатр взял на себя ночную пастьбу, а Нохе оставил дневную, да еще и приставил к нему на лето Очира. Сыну наказал почаще к Нохе с расспросами обращаться, взбадривать его. Очир сначала так и поступал, только не помогло это. Вскоре Очир взял присмотр за табуном на себя. Отцу о своем решении ничего не сказал, но Баатр и так все понял.

Волновался Баатр – конокрадства в округе становилось все больше. Нищад казачий люд, японская кампания обернулась большим убытком. Много служивых полегло на сопках Маньчжурии, а заботу о сиротах и вдовах взвалили на станичную казну. Урезались земельные пай, и на тех пахать нечем. Строевого коня в плуг не впряжешь, не пойдет он в постромку. Да и уставом это строжайше запрещено, можно нарваться на серьезное наказание. И если раньше станичники грешили на калмыков – мастера, мол, коней, уводить, – то теперь всё чаще сами умыкали. Тем более что близилась осень, начинался новый казацкий призыв... Вот и бдил Баатр по ночам, держал табун подальше от балок и заросших камышом ериков, по которым могли незаметно прокрасться воры.

Днем отсыпался Баатр в кибитке, а когда ехал в станицу к Канукову грамоту учить, дремал в седле по пути туда и обратно. Лошадь его сама знала дорогу. Но сегодня Баатр был слишком взвинчен стычкой с учителем, а потому шел на рыси.

Маленькое облачко пыли Баатр заметил издалека – кто-то со стороны пастбища мчался по степи во весь опор. Потом услышал конское ржание и крики. Пружина сжалась у Баатра внутри, он хлестнул кобылку нагайкой, та перешла в галоп и разом взлетела на курган, откуда открылась вся картина. На гнедом неоседланном маштаке¹³, держась за гриву и прижавшись к крупу всем телом, скакал по направлению к заросшей ивняком балке простоволосый белобрысый всадник. За ним, размахивая арканом, мчался на пастушьем мерине Очир. Серой кобылы Нохи видно не было.

Очертя голову Баатр бросился наперерез, засвистел, заулюлюкал что было сил, привлекая внимание к себе. Белобрысый рывком распрягнулся. Очир метнул аркан, широкая петля захлестнула пояс конокрада. Очир, привстав в стремях, натянул аркан, дернул, и белобрысый, потеряв равновесие, мешком свалился на землю. Освободившийся от всадника конь замотал головой, перешел на шаг. Лошадь под Очиром на полном скаку остановилась, но мальчик удержался – тело помнило выучку покойного Бембе.

Баатр подлетел к лежавшему на земле, свернувшемуся, словно гусеница при опасности, долговязому парню в черном зипуне и полосатых портках. Стянутые арканом руки не позво-

¹³ Маштак – малорослая крепкая лошадь.

ляли ему прикрыть лицо, и он спрятал его в коленях. Сквозь надетые на босу ногу дырявые, стоптанные чирюки чернели толстые натопыши. Баатр кинул беглый взгляд на кусты ивняка – не спешит ли конокраду подмога, но пыльные ветки понуро и недвижно замерли под испепеляющими лучами полуденного солнца. Очир еще сильнее затянул петлю аркана, и белобрысый завыл от боли. Баатр спрыгнул с коня и, сжав покрепче рукоятку нагайки, подступил к грабителю.

Парень приоткрыл один глаз, взглянул на Баатра и запричитал:

– Дяденька, не бейте! Христа ради пожалейте. Малолеточек я. Четверо нас у маманьки осталось. В осень мне на службу иттить, а средств на справу нетути, а тем паче на коня... Отпустите меня, я вам ножки целовать буду-у-у.

Чувство брезгливости охватило Баатра. Казак, даже попавшийся на воровстве и ожидающий порки, не должен себя так унижать. А белобрысый, поняв, что его не бьют, вытянулся во весь рост, перевалился на бок, потом встал на колени. По конопатому лицу текли слезы вперемешку с соплями, васильковые глаза до краев наполнены испугом. Посреди лба, там, где у Бурхана рисуют третий глаз, – странная вмятина-шрам, похожая то ли на паука, то ли на пятиконечную звезду.

– Дяденька, ослобоните меня, а? – продолжал канючить белобрысый. – Я отсюдова дуну пулей и в жисть к вашим коням не подойду-у-у. Крест цалую! – И губами попробовал дотянуться до нательного креста, болтавшегося в глубоком разрезе надетой под зипун грубой рубахи.

Баатр взглянул на Очира. Тот смотрел на конокрада с неприкрытым презрением.

– Вы по-нашему-то разумеете? – прервав всхлипывания, поинтересовался белобрысый.

– Разумею, – подтвердил Баатр. – Чего не разумею – зачем ты маштака крал? На твой рост он не подходящий.

– А? И впрямь... Со страху не соображал... Отпустите, дяденька! Не губите! Батяня – без руки с Кавказу, маманя болезная, пай давно заложенны-ы-ый... А атаман на нас зуб имеет, что мы подарков ему не носим... А с чего нам подарки носить? Пяток овчишек да десяток куренков только на базу и осталось. Я ж по инвалидности отцовской не должен был в службу иттить... А меня в первую очередь вписали-и-и...

Баатр снова бросил взгляд на Очира. Мальчик, не глядя на пленника, накручивал конец аркана на руку.

– Ради сыночка вашего! Пощадите! Не дайте пропасть! По молодости, по глупости оступился! Каюсь! – И долговязый упал лицом прямо на ершистую кочку осота.

Баатр подал знак Очиру – расслабить петлю. Тот закусил губу, но аркан отпустил. Белобрысый выдернул руки, стащил петлю вниз и, ловко выпростав ноги, сиганул в кусты.

– Джангр был милостив к побежденным, – только и сказал Баатр Очиру, молча сворачивавшему аркан. – Видел, он знаком отмечен?

Очир кивнул, накинул аркан на отбитого маштака, притянул коня к своему.

– А Ноха где?

– Спит, – коротко ответил Очир. – Как сурок.

– Благодарение бурханам, что раньше времени вернули меня на пастбище!

Очир отвел глаза.

– Этого вора там поджидали напарники, – Баатр кивнул на кусты. – Могли тебя убить.

– Поэтому вы отпустили его? Чтобы я остался жив?

– И поэтому тоже. Да и видно, что бестолковый он. Сошлют в Сибирь – сгинет. Нохе скажем, что убежал.

Они развернули лошадей и неспешно потрусили в сторону пастбища. Поднялись по склону балки и увидели Ноху, разгонявшего сбившихся в кучу лошадей.

– Что, опять отбился? – спросил он Очира. – Все время этот маштак сам по себе ходит.

– Да чуть не увели его совсем, – обронил Баатр. – Если бы не Очирка...

Вечно сонные, словно подернутые пеленой глаза Нохи округлились, забегали.

– Ты, Ноха, еще спать на выпасе будешь – без жалования останешься. Землю ковырять пойдешь.

Ноха часто заморгал, прижал руку к груди:

– Глаз больше не сомкну, солому в них вставлю, кнутом себя охаживать буду. Не говори, Батырка, атаману. Дорого мне это место досталось. На последнее атамана поил-кормил.

Весь вечер Ноха крутился, как птичье перо в струе воздуха. Сам сварил похлебку-будан, разлил по чашкам, подал даже Очиру. Утром бегал вокруг кибитки, что тот сайгак. Потом погнали они с Очиром лошадей пастись, а Баатр после ночного лег спать.

В полдень разбудил Баатра взбудораженный Очир. Сказал, что один из жеребят сломал ногу, пришлось его прирезать, и нужна помощь – освежевать, пока грифы да орлы не налетели. Плохо, конечно, что так с жеребенком случилось, но зато выпал случай мяса поесть вдоволь. Баатр взнуздal лошадь и поскакал с сыном на пастбище.

Табун опять сбился в кучу, лошади не паслись, а двигались, словно вода в водовороте, и то одна, то другая тянула шею, пытаясь заглянуть в середину. Баатр и Очир заработали кнутами – лошади послушно расступились. Посреди круга на полуосвежеванном жеребенке лицом вниз неподвижно лежал Ноха. Его нож валялся тут же. На спине синего бешмета разошлось неровное темное пятно. Все окрестные слепни и навозные мухи уже пировали на крови зарезанных...

Конокрадов поймали. Четырех лошадей сбыть без следов, когда вся Сальская степь узнала об убийстве, – невозможное дело. Пришлые ребята были, с Кубани. Семейная банда, трое братьев, у младшего кличка Звездатый. Суд над ними был в Новочеркасске. Сроки всем дали по полной.

Баатру на место Нохи определили сразу двух помощников – так надежнее. Баатр стал теперь главным табунщиком. Пас в основном днем. Вечером брал в руки домбру, играл для себя, вспоминал сказания «Джангра». Иногда думал: не отпустил бы он белобрысого – живы были бы они сейчас с Очиром? Не знал ответа.

Глава 6

Июль 1914 года

– Война! Война-а-а-а!

С сеновала, где в жаркое время спало все семейство, Баатр увидел, как запыленный всадник с красным флажком ворвался на просыпающуюся хуторскую улицу и галопом помчался к дому атамана.

– Война-а-а-а! – затормошил Чагдар зарывшегося в сено Очира.

Очир соскользнул с сеновала, в три прыжка пролетел до порога мазанки, толкнул плечом дверь, чуть не сбив с ног мать, уже поднявшуюся на утреннюю дойку.

– Тетя, война! – закричал он.

Железный подойник выпал из рук Альмы.

– Как? Уже война? А мы тебя еще не женили...

– Ничего, – утешил ее Очир. – Вернусь – тогда и жените.

Альма вздохнула, подняла подойник и поковыляла доить корову. Слезая с сеновала, Баатр смотрел ей вслед: хромота жены с годами усилилась, и сейчас, в жестком утреннем свете, тело ее, казалось, вот-вот завалится направо. Эх, если бы женили Очира – была бы невестка в помощь Альме. Но свадьба требует больших расходов, а этой осенью Очир так и так надлежало идти на службу. Ему купили строевую лошадь и всю справу: шашку, пику, седло, форму и сапоги – и Баатр снова сдал земельный пай в многолетнюю аренду. Но теперь уже не Шульбинову, а немецкому колонисту Курту Миллеру, и не по 70 копеек, а по 10 рублей за десятину. А женитьбу отложил на четыре года, когда вернется Очир после первого призыва. Кто ж знал, что разразится война...

Когда Баатр и Очир, надев казацкие фуражки и перепоясавшись ремнями, вышли из мазанки, Чагдар подвел им оседланных лошадей. А по улице соседи – кто пеший, кто верхом – уже потянулись на площадь, к хуторскому правлению.

Собравшиеся были сплошь мужского пола: раннее утро, у женщин дел по хозяйству не в проворот. Мужчины курили трубки, молчали. Молодые, присев на корточки, весело перекликались, толкали друг друга кулаками и тихо посмеивались.

– Едет! – раздался чей-то голос.

Атаман Васильевского хутора Кирсан Барушкаев при полном параде – в мундире и начищенных до блеска сапогах, с символом атаманской власти, палкой-насекой, в правой руке – двигался на серой в яблоках кобыле торжественно-неспешно; сопровождавший его старший сын Учур, тоже в полной военной форме, то и дело придерживал своего резвого мерина-четвертачка, чтобы ненароком не обогнать отца.

Конные расступились, давая дорогу. Атаман остановился перед крыльцом правления, развернулся, всмотрелся в собравшихся.

– Мендвт, господа казаки!

– Мендвт! Мендвт! – раздалось ответные приветствия.

– Сегодня ко мне прибыл вестовой с телеграммой, – Барушкаев разгладил усы. – Сейчас мой сын Учур ее нам прочитает. Но прежде чем он начнет, скажу коротко: объявляется сбор казаков первой и второй очереди. Грядет война!

– Ура! – закричали молодые казаки. – Дождались!

– А с кем война? С кем? – интересовались старики.

– Похоже, что с немцами, – с некоторым сомнением ответил атаман.

– Как с немцами? Не может быть. Немецкий царь русскому кровный родственник! – со знанием дела объявил Баатр. – Я про это сам читал в газете.

– Знаем, что ты, Баатр, грамотный. Но мы тоже газеты читаем! – возразил атаман.

Он достал из нагрудного кармана сложенный вчетверо лист, передал сыну. Учур, преисполненный важности, выпятил грудь, прочистил горло и зачитал:

Телеграмма. Высочайше повелено призвать на действительную службу, согласно действующему мобилизационному расписанию 1910 года, нижних чинов запаса и поставить в войска лошадей, повозки и упряжь от населения. Войсковой наказной атаман Войска Донского генерал от кавалерии Покотило.

– А где же тут про войну? – озадаченно спросил Очир Баатра.

– Такая мобилизация перед войной случается, – объяснил Баатр. – Наверное, с австрийцами воевать будем. Сербию защищать.

– Все-таки жалко, что не с японцами, – досадливо проговорил Очир.

– Зато ехать на войну близко, – утешил сына Баатр. – Лошади не истомятся.

– А теперь – список тех, кого это касается, – провозгласил атаман. Достал из кармана другую бумажку, зачитал фамилии призывников. – На сборы – сутки. Завтра утром надлежит быть в станице, оттуда походом в Персияновские лагеря.

– Соберемся! Будем! – закричали призывники.

– И вот еще, – атаман строго осмотрел собравшихся. – Высочайше повелевается запретить производство и продажу спирта, вина и водки на время мобилизации.

– Какие проводы на трезвую голову! Арьку же варить не запретили! – раздалась возгласы.

– Понимаю. Сам сына провожать буду. Но смотрите – не перепейтесь! – предупредил атаман. – Чтобы все поименованные завтра крепко держались в седле! Не подведите!

– Не подведем! – заверили казаки.

– Ну, в добрый час!

И атаман первым тронулся с площади, за ним потекли остальные, горячо обсуждая, против кого Белый царь задумал воевать на этот раз.

Среди подростков, уместившихся на ветках старого вяза, что уже с полсотни лет, борясь за жизнь, понуро жался у хуторского правления, Баатр заметил Чагдара.

– Эй, сынок, беги домой, выгони овец пастись, а ту, что с рваным ухом, оставь на базу. Резать будем для проводов. Скажи матери, чтобы из утреннего надоя арьку делала. А мы сейчас в хурул – благословение получить, да с Дордже Очир попрощается.

Баатр выполнил обещание: как только исполнилось младшему сыну восемь лет, отдал Дордже в станичный хурул на обучение. Сильно скучала по последышу Альма. И Дордже к матери был крепко привязан, даже слишком для мальчика. Хорошо, что теперь поневоле отдался.

Когда Баатр с Очиром добрались до хурула, на широких деревянных ступенях у дверей храма уже собрались служивые калмыки со всего юрта Иловайской станицы: получить благословение бакши и охранительный амулет хотел каждый, кому завтра предстояло выступить в поход. И чуть солнце высушило росу, двое манджиков распахнули двери и с поклоном пригласили паству войти внутрь. Лихие казаки наскоро выбивали и прятали в кисеты трубки, вбирали головы в плечи, складывали ладони бутоном и, словно вступая на нетвердую почву, перешагивали порог, неловко простирались перед обернутой в желтые полотнища статуей Бурхана-бакши, пятясь задом, отходили вправо и садились вдоль стены на колени. Не раз наблюдал Баатр превращение этих матерых волков, не страшившихся ни шашки, ни пули, в беспомощных кутят перед лицом высшего существа, и каждый раз кожей ощущал исполинскую силу, что заполняла молельный зал.

Своего младшего Баатр увидел сразу. Узкоплечий, с длинной тонкой шеей и большой бритой головой, Дордже чем-то напоминал медную лампу на высокой ножке. Он сидел у огромного гонга с деревянной колотушкой в руке, уставившись в одну точку, лоб усеян мелкими

бисеринками пота. Отца и брата он не заметил. Баатр понял: мальчику впервые доверили бить в гонг во время службы. В нем поднялась гордость за сына, он подошел к Дордже и поощрительно хлопнул по плечу. Дордже от неожиданности вздрогнул, оторопело посмотрел на отца. Бакша Менке Сарцынов, сидевший на возвышении сбоку от статуи Бурхана-бакши, неодобрительно посмотрел на Баатра и едва заметно дернул головой: отойди! Баатр, довольный собой и сыновьями, отвесил поклон и отошел, но сел как можно ближе к Дордже и ловил взгляд каждого вновь входившего – обратили ли внимание на маленького манджика.

В храм вошел атаман Иловайской станицы Шукур Давинов. Простираться не стал, отвесил положенные поклоны, сел прямо по центру и кивнул бакше: можно начинать. Зычный голос бакши заполнил помещение. Гелюнги вторили. Манджики подпевали. Казаки закрыли глаза и стали перебирать четки. А Баатр не мог оторвать взгляд от Дордже: переживал, как бы тот не опоздал вовремя вступить, и чувствовал, как у самого на лбу выступает испарина и чешется между лопаток.

Когда служба закончилась и все манджики гуськом вышли из храма, новобранцы встали в очередь к бакше за амулетами мирде, охраняющими от пуль и ударов шашки. Бакша надевал каждому на шею деревянную коробочку на красном шнурке, внутри которой был запечатан гневный образ Ямантаки – победителя бога смерти. Только тут Баатр сообразил, что в спешке они с Очиром не взяли с собой ни денег, ни подношения.

– Шепни бакше, что завтра голову барана занесу, – велел он Очиру.

Получив заветную коробочку, направились к выходу.

– Вы, дядя, не забудьте про голову. А то мирде силы иметь не будет, – отводя глаза, проговорил Очир.

– Не забуду! – пообещал Баатр. – Пойдем отцу поклонимся.

При входе в хурул вот уже год висела поминальная доска. Сверху была витиеватая надпись «ясным письмом», а ниже по-русски перечислены фамилии и имена всех казаков-калмыков, погибших в войне с японцами. Чолункин Бембе был последним в этом списке.

– Отец! Брат! – послышался сзади голос Дордже.

Оба обернулись. Совсем другой Дордже – веселый, улыбчивый – стоял перед ними. Обнялись, одобрительно похлопали мальчика по плечам.

– Скажи-ка, сынок, можешь прочесть, что написано сверху? – спросил Баатр.

– «За Веру, Царя и Отечество», – прочитал Дордже.

– Ну вот какая у нас семья: и по-русски, и по-калмыцки читать можем! – громко, чтобы слышали все вокруг, воскликнул Баатр. – А фамилия наша теперь на стене хурула выбита!

– Я за тебя молиться буду! – тихо пообещал Дордже Очиру.

– Да услышат бурханы твои молитвы.

Хутор, куда к полудню вернулись Баатр и Очир, был похож на потревоженный улей. Между базами сновали женщины с ведрами и котлами. У кузни столпотворение – призывникам нужно срочно подковать лошадей. Отовсюду слышалось предсмертное блеяние овец. Мужчины смазывали колеса у телег, чинили седла, начищали сапоги. Кибитки, которые теперь всё чаще использовались для хранения припасов и всякого скарба, срочно освобождались для торжественных проводов. К вечеру над хутором поплыл запах вареного мяса, жареного теста и арьки.

В кибитку Чолункиных набилось немало народу. Оба старых дядьки Баатра, надев проеденные молью мундиры, приковыляли еще до того, как котел с мясом поставили на огонь. После заката, управившись с домашними делами, пришли все ближние соседи, у которых в семьях не было призывников. Альма сбивалась с ног, разнося гостям джомбу, борцоги и мясо. Очир сидел на почетном месте под перенесенным сюда домашнем алтарем, принимал напутствия и благопожелания. Не в пример Баатру, он пьянел небыстро, выпить мог много и дер-

жался молодцом. И когда старший дядька спросил, помнит ли он наизусть казачью клятву, Очир, ни секунды не задержавшись, развернулся к алтарю и выпалил: «Клянусь всемогущим Буддой и обещаю честью донского казака свою атаманскую и молодецкую славу не потерять, а быть верным и неизменно преданным Царю, Всевеликому войску Донскому, своему Отечеству, обещаю служить ему до последней капли крови, всеми силами способствуя славе и процветанию войска Донского. Призывая благословение бурхана Ямантаки, возношу его святой образ на главу и трижды кланяюсь перед его престолом». И Очир, достав из-под рубахи амулет и зажав его между ладонями, поклонился алтарю. За клятву все выпили по полной.

Баатр попросил Чагдара принести домбру, подтянул колки, и полилась охранная протяжная песня ут дун, что, как и амулет, защищает воинов от смерти:

Стройный рыжий конь мой
Играет с лучами солнца.
Пирующие братья мои,
Всю жизнь будем счастливы...

Вытирая слезы уголком платка, Альма передала сыну заговоренную серебряную монету. Выпили за быструю войну и благополучное возвращение.

Баатр пел свою песню, посвященную подвигу Бембе, когда в раскрытые двери кибитки заглянул средний сын атамана Барушкаева Чова. Шепнул что-то сидящему у входа Чагдару. Чагдар дождался окончания песни, протолкался к Баатру:

– Отец, вас атаман к себе вызывает. Просил домбру взять.

Не уважить атамана Баатр не мог. Встал, пошатываясь.

– Отец, я вас провожу, – предложил Чагдар.

– Проводи, – согласился Баатр. – Атаман зовет, – сообщил он гостям. – Пока без меня тут...

В большой белой кибитке Барушкаевых дым стоял коромыслом. Атаман собрал всех богатых хуторян, был и Шульбинов, приехал и бакша Сарцынов. Шырдыки были завалены угощением. Под левой рукой атамана стоял непочатый ящик казенной водки.

– А вот и наш джангарчи! – приветствовал Баатра хозяин. – Ну проходи сюда, садись рядом с Учуром.

Чагдар проводил до указанного места нестойко державшегося на ногах отца и отошел ко входу в кибитку, встал у дверного косяка. Баатр был доволен: сидел он на почетном месте рядом с бакшой, Шульбинов оказался ниже его в круге.

Атаман взял с серебряного подноса граненую рюмку, выхватил из ряда казенок крайнюю, сбил сургуч, налил. Баатр покрутил в пальцах непривычную хрупкую посуду.

– Пусть сыну, уходящему на войну, сопутствует белая дорога! – сказал он благопожелание и опрокинул рюмку.

– Пусть губы твои всегда будут в масле, – пробормотал в ответ старший Барушкаев. – Ну, а теперь спой нам «Джангр», да придут богатыри на защиту моего сына.

– Не могу я петь «Джангр» среди лета, – замотал головой Баатр. – Богатыри разгневаются.

– Так ведь случай особый, война на пороге.

– А может, и нет. Вдруг договорятся цари, они же из одного рода.

– Глупости говоришь! – вспыхнул атаман. – Не по-казачьи мыслишь. Да что с тебя взять!

Ты и не служил по-настоящему, так, лошадям в табуне хвосты крутил да песни пел!

– Вот теперь спойте вы! – Баатр в ярости поднялся и протянул домбру атаману. – Спойте!

– Да как ты смеешь так с атаманом разговаривать! Я тебя сейчас в кутузку посажу!

– Нет у вас такой власти, чтобы за непение сажать!

– У меня в этом хуторе на все власть дана! Думаешь, грамотеем стал, управу на тебя не найду? Да за такие разговоры в Сибирь покатишься! Вон у меня свидетелей сколько, что ты против войны выступал!

Внезапный треск заставил всех обернуться. Чагдар стоял у входа, сжимая в руках дверной косяк, глаза расширены, костяшки пальцев побелели... Баатр и сам испугался – не столько за себя, сколько за сына. Хмель моментально вылетел из головы.

– Чагдар! – закричал он. – Не надо!

Несколько человек негодуяюще вскочили с мест.

– Не горячитесь, – перекрывая шум, утробно проговорил бакша. – Сядьте все!

Гости сели, повинувшись приказу, Баатр же остался стоять, опираясь на домбру, смотрел, как Чагдар пытается пристроить на место дверной косяк.

– Уважаемый Кирсан Немгирович! – обратился бакша к атаману. – Зачем торжество портить! Опасения джангарчи понятны. – Он развернулся к Баатру. – Но бурханы дали мне сейчас знак, что исполнить «Джангр» сегодня дозволено.

Баатр испытующе посмотрел на бакшу. Сарцынов отвел глаза. Ну уж нет! Один раз Баатр уже нарушил запрет – землю копал, и сколько несчастий на семью свалилось. А «Джангр» – это вам не картошка. Мир перевернуть может.

– Святой бакша! Вам бурханы дали знак – вы и исполняйте! А я запреты нарушать не буду, – уперся Баатр и протянул домбру бакше.

Лицо бакши стало пунцовым.

– Да как ты смеешь так со святым человеком говорить! – взвился Барушкаев. – Пусть твой язык отсохнет! – Перехватил протянутую бакше домбру и в ярости переломил гриф.

И тогда Баатр шагнул вперед, прямо на расстеленный шырдык, наступил на блюдо с борцогами и напролом, едва не задев чашки и миски, вышел из кибитки. Чагдар прислонил к стене так и не вставший на место косяк и бросился вслед за отцом.

Они уже вышли с атаманского база, когда их догнал Чова Барушкаев. Не говоря ни слова, сунул в руки Чагдара обломки домбры.

– Ты вот что, – обратился к сыну Баатр. – Не рассказывай старшему брату, что произошло. Пусть он завтра уйдет на войну спокойно. А домбру я уронил, если спросит.

– Хорошо, отец.

– А ты сегодня себя показал, – с удовлетворением отметил Баатр. – Напугал их. Видел, какие у них были лица, когда ты косяк оторвал?

– Видел. Сам не знаю, как так вышло...

– А бакша сразу на попятную...

– Да. Очир просил напомнить вам, что завтра надо баранью голову в хурул снести.

– Ты съездишь, отвезешь. Дорджешку еще предупредишь. Если бакша на нем вымещать обиду будет, пусть не терпит. Скажи: если что не так – заберу из хурула.

Баатр медленно двинулся к дому по кривым переулкам хутора. Чагдар пошел рядом. Хутор гулял. Тут и там слышны были песни, пьяные крики, собачий брех. А Баатр все крутил в голове брошенное атаманом обвинение, что он, Баатр, войны не хочет и мыслит не по-казацки. Война, конечно, нужна. Лишь бы была недолгой и победоносной. Не такой, как с японцами десять лет назад. Да даруют Христос и бурханы легкую победу России в новой войне, против кого бы она ни была! Да даруют бурханы защиту его первенцу от лихой пули и острой шашки! Хорошо, что отдал младшего в хурул, каждый день Дордже молитвы за старшего брата возносить будет. Слова, идущие из уст ребенка, боги лучше слышат. Только бы бакша Сарцынов его последыша не обижал...

Глава 7

Февраль 1916 года

У-у-у! – завывала поземка, колотясь в хлипкие рамы мазанки. Дын-дын-дын! – дребезжали стекла. Альма сидела у окна, растягивая на выскобленной дочиста столешнице кусочки отмытой и прочесанной шерсти, – валяла новый шырдык. Рядом примостился Чагдар с толстой книгой и, подставляя раскрытую страницу неясному дневному свету, увлеченно читал.

– Что читаешь? – поинтересовался Баатр у сына. Чагдар, зажав пальцем книгу на открытой странице, показал обложку.

– Лидия Чарская «Газават», – прочитал Баатр и уставился на картинку: на очень странном рыжем коне с неестественно раскоряченными задними ногами сидел бородатый кавказец в белой одежде и зеленой чалме.

– Тот, кто коня рисовал, ничего в лошадях не смыслит! – заключил Баатр. – А что такое «газават»?

– Священная война горцев.

– Русская женщина написала про горцев? Ну-ка, дай-ка! – заинтересовался Баатр.

Чагдар передал раскрытую книгу. Баатр принялся читать: «Нет! Нет! Я не изменник, отец! – вскричал он тогда. – Я люблю и тебя, и мой жалкий, дикий народ... Но я не могу, отец, оставаться слепым, как все вы, чтобы не понять, как необходимо нам пустить в наши горы русских... Они откроют нам путь к просвещению, научат нас цивилизации, сделают из нас культурный народ... Помиришь с белым падишахом, отец, пока есть время и не вся еще Чечня отложила от тебя.

Молча выслушал Шамиль эту пылкую речь Джемалэддина».

– Неправильно написано, – сказал Баатр, захлопывая книгу. – Разве может сын имама назвать так свой народ? Отец его тут же зарежет за такие слова. Где ты это взял?

– Учительница дала.

– Не читай эти глупости! – Баатр приткнул книгу на полку рядом с полками. – Если хочешь знать правду про Шамилку – спроси меня. Человек он был стоящий. Знаешь, сколько горцы Шамиля наших казаков положили? Тысячи! Тридцать лет сражались!

– Отец, позвольте мне дочитать!

Баатр скривился.

– Перечитай лучше письма старшего брата! В них все про настоящую войну, – и достал из сундучка пачку потрепанных, перевязанных толстой красной ниткой писем.

– С какого начать? – покорно спросил Чагдар.

– Да с самого начала и начни.

Чагдар размотал нитку, взял первый лист и начал как бы читать. Он помнил каждое письмо наизусть. И Баатр знал письма наизусть. Но тут важен был воспитательный момент. Да и неграмотная Альма с удовольствием послушает.

– «Здравствуйте, дорогие дядя, тетя, братья и все родственники! Пишу вам уже с позиции. Днем спим, а ночью ходим в разведку. Спим, однако, вприглядку, не раздеваясь, и лошадей не расседываем, потому как немчуря напирает и приходится ободрять пехоту, поддерживать ее лавой. Мерин мой оказался покладистый и башковитый. Вчера нас десять человек послали в разъезд. Наткнулись на немецкий эскадрон. Немцы спешили и издаля давай пулять. А мы на скаку сползли лошадям под брюхо. Германчуки решили, что всех нас перебили и кинулись пешими ловить коней. А мы – оп! И снова в седлах. Порубили мы их изрядно. Слух прошел, что наградят нас теперь за это».

– Жалко, что не наградили, – посетовала Альма.

– Но потом все-таки дали Георгия, – возразил Чагдар. – За то, что броневик подбили!

– Испортили всю войну этими машинами, – угрюмо сказал Баатр. – Раньше человек на человека шел, силой мерился и удалью. А с машиной разве удалью померишься?

– Смогли же казаки броневик задержать и бронепоезд с рельсов пустить, – напомнил Чагдар.

– Да, против казачьей смекалки железняка бессильна, – согласился Баатр. – Кроме ероплана. Что там Очир про ероплан пишет?

Чагдар кивнул и, даже не пытаясь делать вид, что читает, пересказал по памяти:

– «Налетит со светом, кружит и бонбами шандарахает. Моему коню смерть от ероплана пришла. Жалко мне его, добрый был конь, да и столько денег за него заплачено. Езжу теперь на трофейном. Но туп оказался Немчик, без хлыста да шпор ничего не соображает».

– Да, немцы – что кони, что люди – соображают туго, – согласился Баатр. – Вот Курт, арендатор наш. Говорю ему: продавайте все скорее, да и бегите отсюда, потому что указ вышел, что выселять вас в Сибирь будут, в газете про то пропечатано. А он надулся, как жаба по весне, и отвечает: «Меня это не касается. Моя семья сто лет в русском подданстве. Я деньги на войну жертвовал. Мой сын на фронте сражается!» Он думает, я хочу обманом землю обратно получить. Он-то газет русских не признает и грамоту знает только немецкую. Хлыста дожидается!

– Еще читать? – спросил Чагдар, когда Баатр закончил рассказывать про глупого Курта.

– Прочитай, сынок, последнее письмо, – тихо попросила Альма.

Баатр недовольно крякнул, но возражать не стал.

Здравствуйте, уважаемые дядя, тетя, братья и родственники. Пишу вам из госпиталя. Все-таки достала меня германская пуля. Прикрывали мы отход обоза. Германчуки нас увидели, закричали: «Косаки!» и врассыпную. Один только офицер на сером мерине среди поля остался. Я наметом к нему, кулаком сунул ему в нос, он падать стал. Я его за шею, на свою лошадь перетащил и ходу. Но тут стрелять в меня стали со всех сторон. Попали мне в ногу, кость раздробили. Я от боли пруссака только сильнее сжал. До наших добрался в беспамятстве, но немца не отпустил, насилу его от меня оторвали. Доктора мне кость собрали, но сказали, что буду теперь хромать. А немец важной шишкой оказался, и в кармане у него бумагу нашли секретную. Так что представили меня ко второму Георгию, шашку пожаловали именную и чин старшего урядника.

– Его теперь домой отправят или назад на войну пошлют? – отважилась спросить Альма.

– Хромота казаку не помеха! – воскликнул Баатр.

– А вот и помеха! – тихо засмеялась Альма, глядя в кухонное окно. – Помеха! – уже громче воскликнула она.

Баатр опешил: уж не тронулась ли жена головой от переживаний за первенца? Чагдар прилип к окошку.

– Отец! – закричал он вдруг. – Отец! Там Очир! На чужом коне!

Убрав предательски запрыгавшие руки за спину, Баатр крикнул в ответ:

– Это вас шулмусы морочат! – и забормотал молитву.

И тут входная дверь распахнулась, и на пороге показался Очир в залепленной снегом лохматой папахе, потертой шинели, перевязанной башлыком, и несуразно больших сапогах. И пахло от него незнакомо, кислым пороховым дымом и лекарствами. Это был совсем не тот юнец, какого они провожали полтора года назад. Лицо обострилось, щеки втянулись, скулы выступили, в углах рта – жесткие складки. Но как только он увидел родных, губы рыскались в улыбке, обнажая ровные белые зубы, он вытянулся, прищелкнул каблуками, взял под козырек и отрапортовал по-русски:

– Старший урядник Чолункин Очир для прохождения отпуска прибыл!

– Отпуска? – переспросила ошеломленная Альма, бросила на стол скалку и поспешила к порогу принять у сына папаху и шашку. – Разве ты не насовсем вернулся?

– Твоя тетя от радости голову потеряла! – воскликнул Баатр.

Он подошел к Очиру, похлопал его по плечу.

– Добро пожаловать домой! Чагдар, прими шинель! – распорядился, а сам взял из рук Альмы шашку, вынул из ножен, попробовал лезвие. Одобрительно хмыкнул и понес шашку к полке, где стояли бурханы.

Чагдар помог брату снять башлык и шинель, Очир одернул китель – на груди его красовались два Георгия. Чагдар так и замер с шинелью в руке, не в силах оторвать глаз от наград. Альма положила папаху на сундук под алтарем и поспешно убрала со стола недоделанный шырдык.

– Что же ты стоишь у порога, словно гость? Проходи, садись!

Очир медленно, стараясь не хромать, сделал несколько шажков и присел на лавку. Альма заметалась у печки.

– Вот незадача – корова стельная, доиться перестала. Даже джомбой напоить нашего героя не можем! – сокрушалась она. – И арьки не сварить!

– Не переживайте, тетя! – утешил ее Очир. – Я русского чая привез! И головку сахара. А водки в лавке купим, – он расстегнул нагрудный карман, достал сложенную пополам радужную трехрублевку и протянул Баатру: – Вот, на пять бутылок белоголовки!

Баатр невесело засмеялся и помотал головой:

– Да в лавке водки с осени никакой нет. Даже мерзавчиков. Немцы последнее тогда скупили, а больше не завезли.

– Ну, германы, со всех сторон нас жмут! – зло процедил Очир. – Хоть бери шашку и иди водку изымать!

– Я думаю, Курт продаст мне из своего запаса, – рассудил Баатр, – у него самого сын на фронте. Вот судьба: немец против немца воюет, а?

– Беда, – вздохнула Альма. – Это как брат на брата...

– А может, притворяется Куртов сын, что воюет за Россию? Может, он там на фронте шпионит за нашими! – ноздри у Очира раздулись, как у лошади во время скачек.

Баатр опешил.

– Да они уже сто лет в русском подданстве...

– Сто лет – а все равно живут особняком! Русский не учат! А почему? Хотят всю Россию Германией сделать? Мы, донские калмыки, русский знаем лучше, чем они!

– Так мы уже триста лет в русском подданстве, – осторожно напомнил Баатр, но счел за лучшее сменить тему. – Чагдар, надевай полушубок, бери бурлака и в станицу, в хурул. Попроси бакшу – пусть он Дорджешку домой отпустит. Скажи: старший брат на побывку вернулся. С двумя Георгиями! Пусть знает!

Очир расстегнул нагрудный карман и достал еще одну радужную купюру:

– Вот, передай бакше подношение. Очень меня амулет выручил. А вот как потерял – сразу и ранили. Скажи, приеду за новым мирде.

– Я мигом! – пообещал Чагдар.

– Коня не запали! – предупредил Баатр.

– Никак нет! – Чагдар приложил руку к шапке, развернулся по-строевому и вышел.

– Проворный парень растет, – похвалил Баатр, когда дверь за Чагдаром закрылась, – и умный. Учительница говорит, ему дальше учиться надо.

– Уцелею – выучим его! – посулил Очир.

– А куда же тебя теперь пошлют? – с дрожью в голосе спросила Альма.

– За порядком следить. Пехота наша, дядя, совсем распустилась. Там ведь кто? Крестьяне да мешане. Мы, казаки, на последние деньги амуницию себе покупали, землю за коня закла-

дывали. А им все даром досталось. Так ведь пока до фронта ехали, распродали с себя сапоги и шинели и в последнем рванье воевать прибыли. А потом руки-ноги себе отморозили и в лазарет! А пальцы если доктор отрежет – всё, домой! А как прошли морозы, новую уловку придумали – дурной болезнью от плохих женщин заражаться.

– Ты, что же, будешь их от плохих женщин отгонять теперь? – ужаснулась Альма.

– Это нет. Но вот когда они винтовки бросают и драпают из окопов, тут уж я нагайкой-то поработаю. Секут их теперь за потерю оружия. А иначе все бы уже поразбежались...

– Плохая это карма – своих сечь, – покачал головой Баатр.

– Я не выбирал, – пожал плечами Очир, – германская пуля все решила. Или судьба.

В мазанке повисло молчание.

– Вода бурлит, – подала голос Альма, заглянув в печку. – Твой чай как делается?

Очир оживился, достал из торбы красивую жестяную коробку.

– Кипятить не надо. Просто в котел щепотку бросить и подождать.

Из той же торбы вынул завернутую в газету головку сахара, обернул утиральником, взял с подоконника скалку и несколько раз стукнул по укутанной глыбе. Получилось с десятков больших комков и множество маленьких осколочков. Крупные куски завернул обратно в газету и передал сверток Альме, а утиральник с сахарными осколками разложил на столе.

Альма налила в чашки чай и подала мужчинам. Чай был темный, золотисто-коричневый и очень ароматный.

– А теперь надо взять за щеку кусочек сахара и пить чай, а сахар не глотать, – объяснил Очир, закладывая в рот сверкающий осколок.

Баатр последовал совету Очира – поперхнулся, закашлялся, расплескал чай. Альма бросилась стучать мужа по спине. Баатр выплюнул кусочек сахара на ладонь, сжал в кулаке, вытер тыльной стороной рот.

– Не умею я так чай пить, – признался он. – Да и сахара не ел давно. Я по отдельности. Сначала сахар, а потом чай.

Помолчали. Баатр был и горд за своего первенца, и отчего-то страшился его: он ощущал в Очире свою кровь, но на войне сына будто подменили, будто, срачивая ему сломанную кость, вставили в него что-то чужеродное.

– Что на хуторе нового? – нарушил молчание Очир.

– Жесточает сердцем народ, – вздохнул Баатр. – То про выпасы спорят, то про наделы. Ты подумай, частоколы на меже стали вбивать! Меня тут в мировые судьи выбрали. Шульбинов тоже хотел в мировые, но водки не достал. А на трезвую голову народ за него не проголосовал. Теперь ходит злой.

– Значит, вы теперь жалование получаете, дядя?

– Должен бы. Да только в хуторской казне денег не осталось. Война все съела...

В три глотка выпив остывший чай, Баатр поднялся из-за стола.

– За водкой поеду к Курту, – объявил он. – К вечеру соседи придут. Война не война, а угощение выставить нужно. А ты тогда барана зарежь, на свой выбор...

К хутору, который до начала войны носил название Дейч, а в последний год был переименован в Новонемецкий, Баатр добрался, когда часы на хуторской кирхе отбивали три. Всегда чопорно-тихий хутор напоминал теперь разворошенный муравейник. На фоне слившихся со снегом беленых домов резко выделялись черные фигуры жандармов на гнедых лошадях. Вдоль прямой, как стрела, улицы у каждого дома стояли запряженные сани. От саней до дома и обратно сновали женщины, выносили аккуратно завязанные узлы с одеждой; пышные синие юбки, торчавшие из-под коротких полушубков, заметали нерасчищенный снег. Мужчины, все в черном, в хромовых сапогах с галошами, тащили к возам сундуки с домашним скарбом, осто-

рожно ступая по скользкой, натоптанной бесконечным хождением дорожке. Сгрудившиеся в кучки дети, укутанные в большие клетчатые шали, смиренно стояли у телег в ожидании команды.

Дом Курта был от кирхи самым первым. Через распахнутые ворота виднелся навес для сеялки и молотилки, сеновал и большой яблоневый сад, растопыривший во все стороны голые ветки. Дверь в коровник была открыта, оттуда несло протяжное горестное мычание.

Конный жандарм, маячивший посреди двора между сеновалом и скотником, покрикивал:

– Живее! Хватит уже таскать! Лошади не потянут! Накопили добра, немчура проклятая!

Выселяют, понял Баатр. Он уже хотел развернуть коня и уехать от беды подальше, как его заметил жандарм.

– Эй, ты чего здесь крутишься? А ну-ка подъезжай ко мне! Кто такой? Откуда будешь?

– Чолункин Баатр с Васильевского, – представился Баатр. – Мировой судья.

Жандарм расхохотался.

– Мировой, говоришь? Тут твои услуги не надобны. Немцам сам государь император судья. Говори честно, зачем приперся?

– Водки хотел купить, – простосердечно признался Баатр.

– Водки? – удивился жандарм. – Что, у него водка есть? – ткнул рукояткой нагайки появившегося в дверях Курта. – Да ты мало того что шпион, ты еще и спекулянт! – обрушился жандарм на оторопевшего при виде Баатра немца.

– Я не есть шпион! Я не есть спекулянт! Я фсял его землю в аренду по справетливой цене! – стал отпираться Курт.

– А, вон оно что! – понял ситуацию жандарм. – Ну что ж, калмык, радуйся! Земля теперь тебе обратно отойдет. А водка – мне. Замерз я тут как собака! Эй, Ганс, или как там тебя, тащи сюда водку! А то сундуки-то твои поскидаю с саней!

Курт торопливо скрылся в доме.

– Слышь, калмык, может, ты и за водкой приехал, только я тебя предупредить должен: дом грабить не смей! Это теперь казенное имущество. Сюда беженцев заселяют. Если чего стянешь – на Урал вслед за ними загремишь, понял?

– Я? – растерялся Баатр. – Я чужого добра отродясь не брал! Мне хуторской табун сколько лет доверяли!

– Ну гляди!

Из коровника опять раздалось протяжное мычание.

– Ваше высокоблагородь, а животину куда ж? С собой, что ли, заберут?

– С собой не положено. Он должен был скотину загодя продать.

Курт вернулся, неся в руках четыре бутылки белоголовки.

– Это фсе! – решительно заявил он.

– Пойдет! – Жандарм запнул бутылки и принялся распахивать их по карманам. – Давай уже закругляйся с погрузкой. До ночи надо на станции быть. Все воскресенье на вас, чертей, угробили, даже лба не перекрестили, прости Господи! – Жандарм обратился к колокольне и осенил себя крестным знаменем. – Слышь, Ганс, тут калмык интересуется, чего корову-то не продал?

Курт злобно уставился на Баатра.

– Купить хочешь?

– Да я бы, может, и купил, – смешавшись, пробормотал Баатр, – да у меня всего трешка.

– А ты в аренду фозьми! – язвительно предложил Курт. – Я назат – корову назат! А я скоро назат! Потому что этто не закон – человека его сопственности лишать! Не закон!

– Ишь ты, не закон! – передразнил жандарм. – У нас закон как дышло: куды повернут, туды и вышло! Бери, калмык, корову, пока я добрый!

Курт жандарму не ответил, крикнул что-то по-немецки жене, усаживавшей детей в сани. Та распрямилась, посмотрела на жандарма, на Баатра, поджала губы, поправила сбившийся чепец и, высоко подняв юбку, зашагала к коровнику.

– Вот и провернули дельце, – постукивая себя по карману, подвел итог жандарм. – Обмыть надо. Тащи, Ганс, колбаски на закуску! Вкусную вы, черти, колбасу коптите!

Из коровника показалась немка – тянула за собой на веревке красную корову.

– А вымя-то какое! – оценил жандарм. – Что жопа у попады! Повезло тебе, калмык! В молоке купаться будешь. Так где колбаса, Ганс?

– Нет колпасы, – твердо ответил Курт жандарму и повернулся к Баатру: – Теньги тафай.

Баатр достал из кармана штанов радужную бумажку. Немка протянула Баатру конец веревки. В голубых глазах стеклянными бусинами стояли слезы.

– Я верну, – обращаясь к женщине, громко проговорил Баатр. – Сберегу и верну!

Немку его уверения не тронули. А может, она и не поняла, что Баатр сказал. Посмотрела так, словно перед ней был не человек, а пустое место, развернулась и зашагала к саням.

– Смотри-ка, фря какая! – возмутился жандарм. – Оттого вас народ наш и не любит, – обращаясь к Курту, добавил он. – Спесивые вы и скупые! Ну что, сам вспомнишь, где колбаса лежит или помочь?

Стараясь не смотреть в сторону Курта, Баатр слез с лошади, погладил корову по боку, пошептал ей на ухо «Хоов, хоов, хоов, хач, хач, хач», – корова замычала в ответ, тоненько и негромко, будто жалуясь на судьбу. Баатр намотал конец веревки на руку, взобрался в седло и тихонько отъехал прочь. На сердце было скверно.

Баатр не спросил кличку коровы и нарек ее Трёшкой. Добравшись до дома уже в темноте, он первым делом завел Трёшку в хлипкий сарай из камышовых, обмазанных глиной плит, обтер пучком соломы покрывшиеся инеем бока, потрепал по холке:

– Пока тут поживи. А как наша Даля отелится, отведу тебя в скотник.

Трёшка протяжно замычала, обнюхала Баатра и лизнула в щеку, признавая хозяином. Он принес ей охапку сена и поспешил в мазанку.

Уже на входе шибанул в нос дух самосадного табака, сквозь который пробивался запах вареной баранины. Баранины они не ели с самого Цага Сара. На кухне Альма с двумя соседками раскладывали по блюдам мясо, а в застеленной шырдыками горнице кучно набились одноклассники, плотным кольцом обсевшие Очира. Пламя двух коптилок, поставленных в середине круга, отбрасывало на выбеленные стены перекрестные тени. У косяка дверного проема, ведущего в кухню, стоял Чагдар. Дордже нигде не было видно.

– Благодарение бурханам, ты вернулся! – воскликнула Альма. – Все уже заждались!

– Мендвт, уважаемые гости! – поздоровался Баатр. – Долго я ездил, да напрасно.

– Что, отец, не продал немец водки? – спросил Очир.

– Нет, – грустно ответил Баатр. – так отдал. Только не мне, а жандарму. Мне – корову в аренду. За три рубля. Так что джомба сытная будет. Иди, подои корову, – велел жене.

Альма наскоро обтерла руки, накинула платок, схватила ведро и исчезла за дверью.

– Как это – корову в аренду?

– Да чтобы не сдохла. Выселили их всех сегодня. А корову с собой забрать не позволили. Лица у присутствующих разом вытянулись, посерьезнели.

– Выселили? Всех?! Семьями?

– А мельника? – спросил старый Адык.

– И мельника.

– А кто же нам будет зерно молотить?

– Ну, мельница на месте.

– А кто же знает, как запускать-то мельницу? Она ж паровая. Только мельник сам и знал.

– Да ничего, – попытался взбодрить гостей Очир. – Мы вот тоже не знали, как подбитый броневик исправить. А потом покумекали-покумекали и сумели!

Однако этот пример никого не утешил. Да и запить горькую новость было нечем. Некоторое время мужчины тихо попыхивали трубками, не глядя друг на друга. Но как только женщины внесли из кухни деревянные блюда с мясом, гости разом оживились. Потянулись, соблюдая старшинство, за кусочками махана, послышалось довольное причмокивание, посыпались благословения.

Баатр медленно жевал хорошо разваренное мясо, запивая горячим, жирным бульоном-шулюном, и понемногу успокаивался. Ну не виноват же он, что с немцами так поступили. Государю императору виднее, как управлять своими подданными. А Баатру от этого только выгода: и земля теперь снова в его распоряжении, и корова в придачу. Но какой-то червяк все равно грыз сердце.

Баатр огляделся, ища глазами Дордже, но опять не увидел. Неужели бакша не отпустил? Однако спрашивать сейчас было неловко.

– А что, Очир, скоро мы немцев победим? – поинтересовался ослотившийся Адык.

– Скоро! – уверил Очир. – Немцы уже и воевать не хотят. Вот в нашей пехоте порядок наведем, поднимем в атаку – и до Берлина!

В дом вошла довольная Альма с полным подойником, подошла к печи, стала лить молоко в стоявший на загнетке котел с джомбой. Лицо ее, освещенное печным огнем, казалось алым. Красной казалась и льющаяся в котел струйка молока.

– Значит, я уже на эту войну не попаду? – разочарованно спросил Чагдар.

Альма испуганно оглянулась на сына, пролив молоко на горячие угли. От печи потянуло горелым.

– Не успеешь, братишка! – со смехом отозвался Очир.

– Войны и крови на всех хватит, – вдруг услышал Баатр глухой, незнакомый ему гулкий голос откуда-то сверху.

Альма вздрогнула всем телом, подойник дернулся, алое от огня молоко злобно зашипело, запузырилось и полилось на утопанный земляной пол, растекаясь неряшливой белесоватой лужей. Баатр в испуге поднял голову. На лежанке в позе бурхана сидел Дордже. Глаза его были прикрыты. Скраденная темнотой фигура казалась плоской, как на хурульном свитке, на правой половине лица лежала тень от печного дымохода, левая была безжизненно-желтой, точно свечной воск.

Предчувствие неизбежных испытаний захлестнуло Баат-ра удавкой, желудок сжался, все внутренности окаменели, а потом будто оторвались и рухнули вниз.

Не помня себя, Баатр ринулся вон из мазанки.

Часть вторая Чагдар

Глава 8 Май 1918 года

Крак-крак – трещали горящие бревна. Пиу-пиу – выстреливали угольки. Стекла плавись и стекали на землю. Главный храм-сюме, молитвенный дом, лечебница, кухня превратились в гигантские огненные лотосы. Столп огня добрался до верхнего яруса храма и взметнулся до самых звезд. Черное небо кромсали на куски обезумевшие ласточки. Пожар накрыл станицу багровым дымным одеялом. Отовсюду сбегались люди, но близко подойти к хурулу не могли – жар был нестерпимым. Орава пьяных поджигателей, прокричав напоследок «Долой мракобесие!» и «Да здравствуют Советы!» и хлестнув коней, скрылась в тумане теплой майской ночи.

Чагдар крепко держал за плечи Дордже. Кровь стучала в висках молоточками и, казалось, хотела прорваться наружу и выплеснуться. И дыхание, сбитое, пока он, продираясь в людском месиве в поисках младшего брата, никак не хотело успокаиваться. Дордже был на удивление тих. Он свечкой стоял напротив входа в хурул, обмотав лицо краем накидки, перебирал четки, бесконечно шепча: «Омаань ведняхн! Омаань ведняхн!»

Мать, видно, знала о готовившемся поджоге. Наверное, от отца. Велела немедленно ехать в хурул и забрать оттуда младшего. Чагдар растерялся. Такое указание мог дать только отец. Немыслимо при живом муже женщине распорядиться детьми. Но времена настали лихие. Власть меняется с той же частотой, что день с ночью. Как сошел царь с трона прошлой весной, так и началось. Говорят, власть в Петрограде, как теперь называли столицу, захватили болтуны и жулики. Выпустили из тюрем арестантов. Из Сибири вернули каторжан. Арестанты и каторжане разобрали оружейные склады и выгнали по осени болтунов из дворца. И сели во власть сами.

Немец Курт весной приехал к ним корову забирать. И землю еще на год в аренду потребовал по прошлому соглашению. А отец ее уже беженцам с Волыни сдал, деньги от аренды на починку крыши и утепление скотника пустил. Нехорошо вышло. Остались они без земли и без коровы, еще и хохлам должны.

Старший брат по осени с фронта вернулся, не стало фронта. Бросали солдаты ружья, братались с германцами и бежали из окопов домой: прошел слух, что землю будут давать, и надо было успеть к переделу. Очир немного денег привез, серебром. Расплатились с хохлами, телку прикупили. Деньги кончились.

А жизнь затягивала подпругу под самые ребра. Дальний хуторской выпас самоволом захватили крестьяне и распахали под озимые. И за аренду в хуторскую казну отказались платить, да еще и потребовали избрать их старосту в правление. Старики-старшины растерялись, никогда в жизни не встречались они с таким нахальством. На площади перед правлением то и дело собирался народ. Спорили до потери голоса. Чагдар ходил туда вместе с отцом и братом, слушал крикунов, но никак не мог определить, кто же прав. С одной стороны, казаки заслужили владение землей – веками отдавали жизнь за Россию. А с другой, пришлые – тоже люди, что хохлы, что великороссы, и многие семьи живут тут с турецких войн. Да и среди калмыков как так случилось, что у одного густо, а у десяти – пусто? Вроде бы со времен Чингисхана всем положено жить по «Степному уложению» и поровну все делить, а не под себя подгрести.

Очир нанялся табунщиком к сотнику Матвею Шургунову, у сотника старшему уряднику вроде не зазорно коней пасти. Но видел Чагдар, что недоволен старший брат. Каждый раз, как

приезжал домой, брал дареную шашку, проверял лезвие на листовках, что разбрасывали по хутору белые, красные, кадеты, эсеры, меньшевики. Соседи приносили их отцу – прочитать, а мать хранила для растопки. Печку теперь топили углем, без керосина уголь поджечь – маята, а керосина добыть негде, даже за деньги.

В начале февраля налетели на зимовник красные и отобрали у Шургунова табун. Очир остался не у дел. И как только прослышал, что вышел из Новочеркасска Степной поход – объявил отцу, что уходит к Попову. Новый наказной атаман Попов стоял за самость донцев, без указок из столиц. Чагдара поразило, что Очир поступил своевольно, не спросив у отца разрешения. Что-то невидимое, но доселе незыблемое в укладе жизни пошатнулось.

А теперь это незыблемое горело. Сначала – словно одежда – отвалилась от тела храма дощатая обшивка. Чужаки-поджигатели бесновались, палили в воздух, выкрикивали непристойности, но ни одна горящая доска не упала им на голову. Потом пылало бревенчатое мясо: с гулом, криканьем, посвистом, опаляя сбежавшимся на пожар станичникам брови, усы и чубы. Потом от храма остался только скелет-остов, тяжелые опорные столбы по углам, потолочное перекрытие, удерживающее верхний ярус, и в самой сердцевине, среди ненасытного черносинего огня, сожравшего хранящиеся у алтаря подношения – топленое масло и водку, – зардевшаяся фигура Бурхана-бакши. Чагдар видел, как раскаляется голова, опускаются плечи статуи, как вся фигура горбится, голова наклоняется вперед, огромной каплей падает на оплавленные одежды и проваливается внутрь – как будто скрещенные ноги приняли в себя голову. И тут один из столбов, державших огненный балдахин над Бурханом, подломился, за ним – второй, и весь верхний ярус храма обрушился, скрыв безголовое изваяние от человеческих взглядов...

Толпа охнула, бакша упал в позе простирающего с вытянутыми вперед руками. За ним среди вытопанной травы и пепла простерлись монахи и манджики. Только Дордже остался стоять – Чагдар крепко держал его за плечи.

– Пусти, брат! – тихо попросил Дордже.

Но Чагдар не отпустил. Вдруг толпу понесет и Дордже затопчут?

Вой огня сразу утих, словно пламя насытилось отданным ему в жертву бронзовым телом величайшего из учителей. Люди молчали в печальном почтении. Были только станичные собаки. Туман, отступивший на время от пожара, стал крадучись возвращаться, приглушая далекий конский топот. Бакша и монахи поднялись, отряхивая с одежды налипший сор. Чагдар легонько, но настойчиво потянул Дордже назад. Дордже упирался и уходить не хотел. Чагдар был готов взвалить брата на плечо и тащить силой, но тут услышал знакомое ржание. Это была лошадь отца. Слава бурханам, не придется своевольничать.

Дордже тоже опознал отцовскую кобылу, перестал упираться, расслабился. Из тумана один за другим появлялись всадники. Глаза лошадей, поймавшие отблески догорающего пепелища, сверкали в темноте, как печные угли.

Всадники были все как один с их, Васильевского, хутора, между калмыками называемого Хар Сала. С отцом прискакали те, кто выбирал его два месяца назад, в марте, членом Иловайского станичного совета: кому же, как не ему, мировому судье и честному человеку, представлять хутор. Отец сначала отнекивался, но, когда его учитель Кануков, теперь начальник военного отдела Куберлеевского волостного исполкома, приехал к нему и приехал с подарком – старинной, искусно сработанной домброй, быстро собрался и, оставив хозяйство на Чагдара – не маленький уже, почти восемнадцать зим! – уехал с Кануковым в станицу. С тех пор семья видела Баатра лишь изредка, он приезжал домой ненадолго – усталый, хмурый, словно бы усохший.

Отоспавшись, отец слезал с печи, набивал трубку сушеными травами – к апрелю весь самосад уже искурили, – усаживался на хозяйское место под алтарем и начинал разъяснять собравшимся однохотонцам, что значит «республика», «совдеп», «комитет» и чем большевики отличаются от меньшевиков и эсеров. Слова все были длинные и трудные, а объяснения отца

– многословные и путаные, но хуторяне поняли, что большевики хотят отобрать у богатых излишки и разделить их между бедными.

Прискакавшие на пожарище хуторяне вооружились кто чем: кто берданкой, кто револьвером, кто шашкой. Видно, хотели помешать поджогу, но опоздали, хурул успел сгореть дотла, и только его беленая, местами тлеющая ограда указывала на границы пожара. Подъехавшие – человек двадцать – спешивались, простирались, бормотали молитвы. Отец сойти с лошади медлил, привставал в стремях, щурил глаза.

– Отец, мы здесь, – крикнул Чагдар и сразу пожалел о несдержанности: взгляды бакши и гелюнгов тут же обратились на них с Дордже. Привлекая к себе внимание, Чагдар грубо нарушил правила.

Отец едва заметно кивнул в ответ, соскочил с лошади, подошел к бакше.

– Святой бакша, – склонив голову, проговорил Баатр, – я не смог предупредить пожар. Но мы догоним и уьем поджигателей.

То, что произошло дальше, было неожиданно и невероятно. Бакша вдруг ринулся вперед, выхватил из беленой ограды кол и, развернувшись, держа палку двумя руками, как держат меч, принялся дубасить отца. Отец пропустил первый удар, соскользнувший и пришедшийся по правому плечу, потом уклонился, попробовал перехватить кол, пытаясь остановить карающие руки. Лошадь отца попятилась и тревожно заржала.

– Собачье говно! – высоким, срывающимся голосом по-калмыцки завопил бакша. – Разрушитель! В какую кучу навоза ты влип!

– Подождите, святой бакша! – взывал Баатр. – Я был против! Это пришлые люди! Не казаки! Они нашей жизни не понимают!

– Что это за поганая власть, что поднимает руку на святыни? Чтоб вы все попали в горячий ад! Чтоб никто из вас не достиг чистой земли! – сыпал проклятиями бакша и все норовил ударить колом по голове Баатра.

Чагдар почувствовал, как плечи Дордже под его руками подымаются, словно Дордже не человек, а лебедь, и за спиной у него сейчас отрастут крылья, он развернет их широко-широко, взмахнет, оторвется от земли и улетит в чистые земли, подальше от земного ада. А его собственные руки отяжелели и превратились в железные клещи, какими кузнецы держат раскаленный металл на наковальне.

– Больно! – нутряным голосом просипел Дордже. Чагдар ослабил хватку.

Бакша снова занес над головой кол и снова обрушил его на голову Баатра. Бакшу колотило от ярости, и удары были неточные – казачья фуражка отца спружинила и отлетела к ограде. Нет страшнее оскорбления для казака, чем сорвать с него фуражку. Этого отец уже не стерпел – перехватил запястья бакши и сжал крепко, вынуждая разжать пальцы и выронить кол. Бакша застонал, но оружие свое из рук не выпустил. Над толпой раздался вздох ужаса: великий грех – причинять боль священнослужителю. Чагдар почувствовал, как Дордже весь затрясся. Наконец кол выпал из рук бакши, мазнув отца по рукаву поддевки и оставив беленый след, светившийся красным в сполохах догорающего пожара.

Баатр поднял кол и зашвырнул за ограду.

– Теперь не старое время, святой бакша. Вы подняли руку на члена Совета! За это ответите перед ревтрибуналом!

Бакша не отвечал и только смотрел на Баатра круглыми, полными ненависти глазами. Ноздри его раздувались, как у взъярившегося жеребца, рот плясал...

Баатр развернулся, поймал лошадь за узду, попытался вскочить в седло – и тут его повело в сторону; он зашатался, но не упал, прислонив голову к лошадиному боку. Чагдар схватил Дордже за руку, рванул, словно сдергивал с места примерзшее ко льду ведро, и побежал отцу на помощь. Баатр благодарно оперся на него, Чагдар посадил его на лошадь, кивнул Дордже: садись сзади. Дордже вскарабкался, обнял отца за пояс. Чагдар взял лошадь под уздцы и тихим

шагом повел прочь, к изгороди общественной рощицы, где стоял его конь. Станичники молча расступились.

Добравшись до дома, помогли отцу спуститься с лошади и повели, держа за локти, в горницу, где под алтарной полкой с бурханами стояла низкая и неширокая деревянная кровать – хозяйское место. Увидев мужа в неверном свете коптящего камышового светильника – в выпачканной одежде, с распухшим ухом, со ссадинами на лице, – Альма метнулась к сундуку, достала чистую тряпицу и, дождавшись, когда Чагдар устроит отца поудобнее, обтерла ссадины, присыпала их печной золой, смазала ухо топленным маслом. Учувяв запах масла, Баатр приоткрыл глаза и попробовал пошутить:

– Лучше рот мне им намажь!

Альма в ответ слабо улыбнулась, но улыбка вышла вымученной и чужой. Чагдар вдруг увидел, как постарело лицо матери: рот запал куриной гузкой, жесткие мелкие складки лучами прорезали верхнюю губу. Казалось, она вот-вот заплачет. Дордже стоял посреди горницы поникший, с бессильно повисшими руками, с пятнистым, перемазанным сажей лицом. Чагдара же слова отца приободрили: раз шутит, значит – в уме.

Ему вдруг невыносимо, мучительно захотелось спать. Утром злость отпустит... Он залез на печь и как провалился...

Но только закрыл глаза, а его уже за ногу тормозила мать.

– Сосед Адык пришел, – тихо шептала Альма. – На сеновале тебя ждет. Просил не шуметь и огня не зажигать.

Сон мигом слетел. Убеленный сединами казак пришел к нему, юнцу! Значит, дело серьезное.

Нашарив в темноте опорки, Чагдар тихо вышел из мазанки. Туман сгустился, словно кислое молоко, как это часто бывает по ночам в мае, и казалось, его можно загребать горстью и есть. И темнота будто оглохла. Чагдар крадучись перебежал через баз к сеновалу.

– Мендвт! – негромко поприветствовал Чагдар соседа.

– Менде¹⁴! – тихо отозвался Адык. – Дело такое – отца твоего убить хотят за бакшу. Барушкаев стариков собрал. Племянник мой у Барушкаева в батраках, он подслушал. «За неуважение к бакше, – говорят, – мы Батырку и убить можем. Не доживет он до своего трибунала. Мы его вперед растрюбуналим».

Хорошо, что туман такой густой, иначе оглушительный стук сердца услышали бы даже овцы в скотнике. Сердце стучало везде: и в горле, и в низу живота, и даже в пальцах ног. Чагдар поблагодарил старого соседа и сразу направился к лошадям – мать не успела их еще расседлать. Держа за чумбур¹⁵, подвел отцовского мерина и свою кобылу прямо к двери мазанки.

Только вошел – наткнулся на вопросительный взгляд матери, притулившейся на полу у отцовской постели. В изголовье в позе лотоса со спиной такой прямой, будто в нее вставили прут, сидел Дордже. Глаза его были закрыты, дышал мерно, расслабленные руки покоились на коленях.

– Отцу надо скрыться, – только и сказал Чагдар. – Соберите, мама, нам еду.

Альма вскочила, достала из сундука мешочек сухарей, бычий пузырь с топленным маслом, маленькую жестянку с сахаром, обломок плиточного чая, коробок спичек. Сдернула с крюка у печи кусок вяленой говядины, сложила все в заплечный мешок.

– Отец! – тихо позвал Чагдар, поднеся светильник к кровати. – Мы должны уехать.

Баатр с трудом разлепил глаза, сел на кровати, мутным взглядом посмотрел на сына.

– Кто его бил? – отважилась спросить Альма.

– Бакша Сарцынов. За то, что хурул сожгли.

¹⁴ Менде – приветственное обращение к младшему.

¹⁵ Чумбур – ремешок или веревка, которой привязывают лошадь.

– Все-таки сожгли, – Альма покачала головой. – Бакша проклинал отца?

Чагдар не ответил. Мать поняла и без ответа.

– Отца к шаману вези. Проклятие снимать. У Маныча на грязях сильный шаман живет.

– До Маныча далеко, – возразил Чагдар. – Сейчас его хоть бы до Куберле довезти. На станции Кануков, он скажет, что делать. Там, наверное, и доктор есть. Эй, Дордже! – позвал он младшего. – Пособить надо!

Но Дордже не шелохнулся.

Чагдар подошел к нему, потряс за плечо. Ничего не изменилось ни в посадке, ни в дыхании Дордже. Чагдар слышал, что с монахами такое бывает, когда они долго начитывают мантры, будить их тогда нельзя, а можно только позвенеть над ухом колокольчиком. Но колокольчика в доме не было. Альма поняла, что с младшим что-то не так, бросилась к нему – Чагдар жестом остановил:

– Утром поспрашивайте у соседней колокольчик, мама. А сейчас не трогайте его. Душа может не вернуться, если начать тормошить тело.

Мать послушно отступила, зашептала молитву.

– Надо отца на одеяле до лошади донести, – предложил Чагдар. – Берите с ног.

Альма взялась за одеяло. Чагдар вдруг осознал, что он командует матерью, а мать ему подчиняется. В свои неполные восемнадцать он принял на себя роль старшего мужчины при живом отце и старшем брате – так распорядилась судьба. И удивился, что не чувствует ни страха, ни сомнений. Теперь он точно знал, на чьей стороне: на стороне тех, кто воевал против врагов отца, а главные враги отца – бывший атаман и бакша. И злость на них не отпускала, а только разгоралась. Она питала его и двигала им, когда он затаскивал отца на коня, привязывал за пояс свивальником к луке седла, проверял подпруги и приторачивал сзади тюк с буркой и кошмой, когда выкапывал из золы под печкой найденный прошлой осенью в придорожном бурьяне наган.

– Мама, когда сюда придут старики, напомните им, что Очир добровольно ушел к генералу Попову. И что дядя Бембе погиб за царя. Будут про нас спрашивать – скажите, повез отца на Маныч.

– Что же теперь будет?

– Теперь будет так: или мы бакшу и всех, кто с ним, или они нас.

Альма охнула.

– Дордже два года назад правду сказал: крови и войны на всех хватит. Видящий он. Берегите его, мама!

Чагдар вскочил в седло, взялся за повод отцовской кобылы. Альма подошла к мужу, погладила по сапогу. Баатр приподнял было голову, но распрямиться не смог. Нашарил рукой макушку жены, провел пальцами по непокрытым волосам.

– Домбру спрячь подальше, – прошептал он. – А то и эту сломают.

– Спрячу, – пообещала Альма. – Белой дороги! Да даруют бурханы вам здоровья!

– Чу-чу! – тихо тронул лошадей Чагдар, направляя к задней калитке, чтобы уехать с хутора незамеченными.

Начинало светать, туман истончался. Хотелось подхлестнуть лошадей, но приходилось ехать шагом, чтобы лишний раз не тревожить отца.

Ехать решил вдоль речки – и расстояние сократить, и не попасться на дороге ни красным, ни белым. В нагане было всего-то три патрона, много не постреляешь. Разве что в лоб себе пулю пустить, чтобы избежать издевательств.

Красива степь в начале мая. Трава зеленая, яркая, тугая. Небо – как бирюза на священном барабане-кюрде. Воздух дрожит от испаряющейся влаги, и все пространство наполнено звуками до краев. Насекомые, птицы, мелкая живность жужжат, трещат, пищат, свистят, поют,

кричат – громче, чем хурульный оркестр в большой праздник. Если не всматриваться, сердце начинает биться бойко и радостно. Но приглядишься, и пасмурно становится на душе. Невспаханые поля проросли осотом, ни одного конского табуна, ни одного овечьего стада на пастбищах, а в небе парят хищники: стервятники, грифы, сипы – им теперь еды вдоволь: среди травы полно неубранных трупов – и скота, и человеческих. И не всматриваться нельзя: никогда степь не была так опасна, как теперь, и главная опасность исходила не от волков, которые тоже вольготно расплодились, – опасность исходила от людей.

Когда солнце стало припекать, Чагдар завернул в балку – лошадям поспастись, а самим поспать. В Куберле приехали лишь к вечеру. Чагдар достал из-под седла два лоскутка кумача, повязал на правую руку себе и отцу – опасался, чтоб часовые не подстрелили.

На путях, словно бусины на длинных четках, теснились эшелоны. Закопченные цистерны, замурзанные теплушки, низкобокие платформы с курганами угля, благородные вагоны с застекленными окнами, из которых уютно лился в сгущающихся сумерках желтый электрический свет. Вдоль вагонов мельтешили люди, жгли костры, слышались крики, брань, хохот, пахло едой, дымом, шпалами и отхожим местом.

На входе в вокзал стоял часовой в побелевшей от высолов гимнастерке. Вскинул ружье.

– Стой! Из каких будете? – И, взглядевшись, подозрительно добавил: – Калмыки, че ль?

– Свои мы! – поспешно откликнулся Чагдар. – Депутат Иловайского станичного совета Баатр Чолункин и сын.

– Депута-а-ат? Он, че ль? – недоверчиво протянул часовой, тыча штыком в сторону Баатра.

– Начальник Кануков – мой старый товарищ, – не очень внятно сказал Баатр, не поднимая головы.

– Да ну? А бумага у тебя про то имеется? – засмеялся часовой.

– Проводите нас к нему, он подтвердит, – предложил отец.

– Военнач сейчас занят. Мы вас сперва в кутузку поместим, а как к утру товарищ Кануков освободится – разберемся.

– Отцу нужен доктор, – вмешался в разговор старших Чагдар. – Его бакша Сарцынов избил, голову повредил.

– Дохтур? Дохтур тоже занят, они с товарищем Кануковым совещание проводить. А че ж депутат башку-то свою бакше подставлял? Че ж не вдарил по-депутатски с отлета, шоб бакша зараз усрался? Нескладно врете! – заключил часовой. – Петро! – громко позвал он.

Из приоткрывшейся створки двери высунулась лохматая голова.

– Чего надо, Вась?

– Да вот закрой етих в чулане до выяснения.

– Добро! – вслед за головой вылез и весь Петро, правой рукой держа берданку, а левой отчаянно почесывая рыжую шерсть, выпирающую из расстегнутого ворота косоворотки. – Оружие есть?

Чагдар вынул из-за пазухи наган.

– Кидай на землю. И с кляч слезайте.

– Отец сам не слезет, – торопливо пояснил Чагдар, спрыгивая с коня. – Привязанный он. Голову повредил.

– Вот морока! – Петро пригляделся к Баатру и досадливо сплюнул. – Ездют тут всякие с ушибленными мозгами! Ну, давай сам его развязывай! Чего дома не лежалось-то?

– Нам к товарищу Канукову срочно нужно с секретным докладом, – схитрил Чагдар.

Петро в задумчивости давил на груди вшей. Хохол-часовой, устав держать ружье наизготове, оперся на него как на посох, выражение лица с угрожающего сменилось на любопытствующее.

– Мы с ним одного хотона, – опять соврал Чагдар. – Он недоволен будет, если вы нас запрете. Товарищ Кануков отца уважает. Домбру недавно подарил.

– Домбру? – оживился Петро. – Ну, так бы сразу и сказал! Я ж эту домбру у одного убитого калмычка трофеем взял, да хотел в костер пустить, не звонкая ни черта, один нутряной бум-бум производит. А военнач сказал: знаю, кому она пригодится. Обождите тут, я про вас доклада. Как фамилие-то? Ой, да ладно! Все равно я ваших фамилиев не выговариваю. Про домбру ему скажу.

Петро спешно застегнул ворот, одернул подол рубахи, поднял с земли наган Чагдара, засунул себе за ремень и толкнул дверь.

– Ты напхни там, чтоб сменили меня, – крикнул вдогонку часовой. – Жрать дюже хоцца.

Петро не ответил, а может, и не слышал за скрипом давно не смазанных дверных петель.

Чагдар помог отцу слезть на землю, опустился рядом на корточки. Баатр сидеть не мог, заваливался на бок.

– Товарищ часовой! Пусть отец полежит – неможется ему, – попросил Чагдар и торопливо добавил: – У меня тут мяса немножко есть, я вас угощу.

– Ну че же он в пылюгу ляжит, – смилостивился часовой, – давай его вот сюды на лавку, – указал штыком на облупленную скамью с литыми чугунными бочками.

Чагдар подвел отца к скамье, Баатр со вздохом облегчения растянулся во весь рост и закрыл глаза. Чагдар достал из торбы вяленое мясо, из-за голенища нож, отрезал толстый шмат, передал часовому. Тот сел на лавку в ногах у Баатра и жадно впился в рубиновый пласт зубами. Откусить сразу не смог, потянул боковым прикусом, как раздирают мясо собаки. Наконец отгрыз, стал жевать, сильно двигая челюстями. Долго перекачивал кусок во рту, давась, проглотил... Вздохнул.

– Эх, жизнь-подлюка! От зубьев одни пеньки остались. Ладно, исмакую помаленьку. – Засунул остальное мясо за щеку и стал посасывать, как большой леденец. – Да ты тоже сидай, – предложил Чагдару. – В ногах правды нет. Когда еще Петро возвратится. Большой кильдим там у военнача. Маруську-анархистку потчует. Слыхал про Маруську?

Чагдар помотал головой, осторожно примасиваясь на краешке скамьи.

– Ну, ты темный! – протянул часовой. – Буйная краля! Чуть че не по ней – сразу за наган! И не разбирает – свои, чужие, палит напропалую и берет, че хочет.

– Женщина?! – изумился Чагдар.

– На обличье – дамочка. А по правде – черт его знает. Разное про нее брешут, – часовой хмыкнул и добавил: – Росточку небольшого, а пьет, как лошадь. И не пьянеет, веришь? Вот те крест! – мелко перекрестился и спросил, кивая на торбу: – А помякше у тебя там ничего нема?

– Масло топленое есть, – признался Чагдар.

– А хлебушко?

– Сухари. Но старые.

– Не пойдет, все десны расцарапаю! – вздохнул часовой. – Ладно, может, сменют вскорости, кулеш похлебаю.

Над головой со стуком распахнулось окно.

– Слышь, малой! – позвал Петро Чагдара. – Заходите до товарища военнача.

Чагдар взглянул на отца. Истомленный дорогой и болезнью, он заснул.

– Товарищ! – обратился к часовому Чагдар. – Разрешите отца тут у вас оставить до распоряжения товарища Канукова.

– Да пушай отдыхает. Лавка казенная. Чай, до дыры не изотрет.

Чагдар поднялся, проверил, как сидит на нем казачья фуражка – соблюден ли наклон, не зализан ли чуб, поправил пояс, отряхнул штаны и быстрым шагом направился к вокзальному крыльцу.

Впервые попал Чагдар внутрь такого большого здания. Может, ощущение огромности создавалось пустотой помещения и белизной стен, да еще и люстра под потолком была в глаза десятком электрических ламп – Чагдар поневоле зажмурился. Дверь за ним захлопнулась, и пустая зала откликнулась многоголосым эхом.

Сбоку от окошка с надписью «Касса» стоял Петро и махал рукой.

– Давай сюды! Ты чего один-то? Батя совсем занемог?

– Занемог.

– Беда! А дохтур-то того... лыка не вяжет. Ну, заходи, не робей!

Петро потянул на себя тяжелую деревянную дверь с надписью «Начальник станции» и толкнул за порог Чагдара.

Света в кабинете было меньше, чем в зале: одна лампочка горела под потолочным абажуром, да зеленая лампа на большом, покрытом сукном столе плавала в плотном облаке табачного дыма.

Эх, яблочко,
разлюли-люлю,
подходи ко мне, буржуй,
глазик выколю! —

выводил чей-то разухабистый, размазанный, похожий на собачий брех голос под звуки поскуливающей балалайки.

Глазик выколю,
другой останется,
чтобы знал, дерьмо,
кому кланяться!

Табак тут курили хороший, фабричный. А еще пробивался запах казенной водки, жареной свинины и каких-то дурмящих цветов. На месте начальника станции сидел Харти Кануков в расстегнутом казачьем мундире с красными погонами, возил вилкой по тарелке, целясь в кружок колбасы.

Я на Волге делов
понаделаю,
не забудет матроса
сволочь белая!

Справа от Канукова, положив кудрявую голову на руку, уткнулся лицом в сукно человек в полосатом штатском пиджаке. Другая рука держала пустой тонкостенный стакан с золотыми вензелями. Слева двое матросов в тельняшках подпирали широкими спинами подоконник зарешеченного окна. У одного в руках была балалайка. Он-то и потешал собравшихся частушками.

Эх, яблочко
огородное,
прижимай казаков —
все народное!

А напротив начальственного кресла к столу был придвинут узенький диванчик на высоких гнутых ножках, и на нем полулежала женщина – это судя по вздымающейся под белой черкесской груди и задравшейся выше колен черной юбке женщина. Но вот жесткое лицо с заостренным носом и втянутыми щеками, да и волосы, стриженные по-крестьянски скобкой, говорили за мужчину. Видно, это и была Маруська. Держа на отлете папиросу и откинув голову на спинку диванчика, она задумчиво смотрела в потолок. Грязные тарелки на столе были полны окурков, у массивной ножки выстроилась батарея пустых бутылок. На вошедшего Чагдара никто внимания не обратил, и он стоял у двери, переминаясь с ноги на ногу и не решаясь обнаружить свое присутствие.

Эх, яблочко,
да неспелое,
а я девку хочу,
да чтоб дебелую!

Матрос резко оборвал частушку и пошатываясь, встал.

– Пройдусь до кухни, еще жратвы принесу.

Кануков поднял на него глаза, погрозил вилкой:

– К кухарке не приставай. Она моя жена!

Матрос ухмыльнулся:

– Вам, товарищ военнач, надо работать над собственническими инстинктами. При коммунизме все жены будут общие, читали? По билетам будут нас обслуживать.

– Нет, не так! – возразил Кануков. – Женщина будет свободно выбирать, с кем ей жить.

– Ну вот, может, кухарка на сегодня выберет меня, а? – захохотал матрос.

Вилка со звоном упала на пол. В руке Канукова появился виляющий рыльцем пистолет.

– Ты не забывайся! – прицеливаясь матросу в пах, процедил Кануков. – Кто ты, и кто я!

– А я анархист! И должностей не признаю! – Матрос потянулся рукой к кобуре.

– Козубенко, кончай в бутылку лезть, – резко сказала женщина и вдавила окурков в середину тарелки. Голос был нервный, летающий: вверх-вниз, вверх-вниз.

Козубенко делано вздохнул и потянулся:

– А жалко. Кухарочка тут аппетитная.

То, что увидел и услышал Чагдар за несколько минут, перечеркивало все его представления о том, что такое хорошо и что такое плохо, что позволено делать и что не позволено. Он понимал, что матрос унижил Канукова, и ему, Чагдару, не стоило быть тому свидетелем. Он нашарил за спиной дверную ручку и попытался тихо выскользнуть. Дверь предательски заскрипела. Кануков, матросы, женщина – все повернули головы и уставились на него.

– Кто такой? – набычившись, спросил Кануков, опуская пистолет. – Кто пропустил?

– Чагдар я. Сын Баатра Чолункина. Вы к нам на хутор приезжали отца в Совет выбирать...

– А-а-а! А сам он где?

– Тут, на лавке под окном лежит. Избил его сильно бакша. За сожженный хурул...

– Вот! – Кануков снова вскинул пистолет и стал тыкать им в Козубенко. – Вы жжете, а страдают невинные люди!

– Лес рубят, щепки летят, – лениво отозвался Козубенко. – Покладите пистолетик, а то вдруг в кого-нибудь невинного ненароком выстрелит.

– Нам бы доктора, – попросил Чагдар.

– Доктора? – переспросил Кануков и посмотрел на спину уткнувшегося головой в стол штатского. – Он спит. Устал очень.

– Сейчас разбудим! – заверила Маруська.

Она протянула короткопалую, цепкую пятерню, потормошила спящего за плечо:

– Товарищ Лазарь, просыпайтесь, золото партии без вас делят!

Штатский тут же вскинул голову, близоруко щурясь и подтягивая к себе зажатый в руке стакан.

– Что? Где?

Все радостно загоготали. Даже Чагдару стало немного смешно.

– Вот зачем нам нужны жида, – отметил Козубенко. – Чтобы между собой не перестреляться.

– И чтобы лечить вас, идиотов, после того как перестреляетесь, – снова укладывая голову на стол, пробормотал товарищ Лазарь. – Целиться метко не научились, лапотники.

– А вот это уже хамство! – оценила Маруська. – А ну-ка, хлопцы, возьмите его под локотки и к водокачке. Накажем холодным душем! А потом пусть осмотрит больного.

Матросы откровенно обрадовалась предстоящей экзекуции. Лазарь вскочил, замахал стаканом, отбиваясь, но не удержался на ногах и повис на руках у матросов.

– Мария Григорьевна! У меня слабые легкие! Мне нельзя переохладиться! – запричитал он. – Умру – кто вас лечить будет?

– Не умрешь – не зима, – отрезала Маруська. – Ведите! – приказала она матросам.

Упирившегося Лазаря потащили к выходу. Чагдар отскочил и вжался в стену, чтобы не получить тычка от резко распахнувшейся двери. Маруська закурила новую папиросу, в упор, беззастенчиво разглядывая Чагдара. Ему хотелось сбежать, но не мог он выйти без позволения старшего. А Кануков сосредоточенно засовывал револьвер в кобуру, что давалось ему нелегко.

– Эй, молоденький, ты что там стенку подпираешь? Выпей с нами за революцию!

Чагдар не двинулся с места. Кануков поднял глаза от кобуры.

– Мальчику надо пойти присмотреть за отцом, – попытался вмешаться он.

– За отцом сейчас доктор присмотрит. А мальчик пусть выпьет! – настаивала Маруська.

– У нас таким молодым пить нельзя! – объяснил Кануков.

– За победу революции имеет право выпить каждый, кто может держать в руках оружие! – возразила Маруська. – Ты умеешь стрелять? – обратилась она к Чагдару.

– Как всякий казак, – с гордостью ответил Чагдар. – Мне уже скоро восемнадцать.

Маруська налила в свой стакан из пузатого графина, подошла к Чагдару, протянула пахучее пойло. Чагдар на всякий случай убрал руки за спину.

– Ты что, не уважишь революцию? – наступала Маруська; ее белая черкеска с пустыми газырями была уже не дальше сжатого кулака от груди Чагдара. Казалось, еще немного – и женщина навалится на него и задушит.

– Пей! – выдохнула она в лицо Чагдару.

Чагдар выхватил из Марушкиной руки стакан и, стараясь не стучать зубами о тонкий стеклянный край, выглотал до дна. Пламя пожара полыхнуло внутри, обожгло рот, глотку и рвануло ниже, в желудок. Чагдар закашлялся, хватая ртом остужающий воздух.

– Ну вот и принял боевое крещение! – Маруська постучала ладонью по его груди.

Чагдару было невыносимо стыдно. Женщина, и при том еще посторонняя женщина, трогала его на глазах у старшего мужчины. Чагдар сполз по стенке, спасаясь от этой выпирающей, как горбы верблюда, груди и этих паучьих лап, опустил голову, чтобы не смотреть на Марушкины коленки в шелковых чулках.

– А калмыки все такие застенчивые, товарищ Кануков? – промурлыкала Маруська.

– Маруся, оставь его, у него нет опыта, – попытался выгородить Чагдара Кануков.

– Девственник?!

Открытие взбудоражило Маруську окончательно. Она подняла ногу в лакированном сапожке и поставила на плечо Чагдара. Запах женской плоти и дурманящих цветов шибанул

Чагдару прямо в нос. Он резко дернулся и ударился затылком о стену. Голова закружилась, перед глазами поплыли алые круги...

– Девственник? – повторила вопрос Маруська. И, не дождавшись ответа, постановила: – Это хорошо, что девственник. Значит, не сифилитик. Товарищ Кануков, уступи мне на ночь кабинет. У меня в вагоне неудобно: места мало и переборки тонкие. А тут такой стол роскошный...

Глава 9

Март 1920 года

Чвак-чвак, чвак-чвак – гнедой под Чагдаром с трудом продвигался по жирной пашне, с чмоканием вытягивая из раскисшей земли жилистые ноги. Рядом по дороге, такой же вязкой и угрюмо-черной, тянулась бесконечная вереница вконец измученных, истрепанных, оголодавших беженцев-калмыков: верхом на истощенных лошадях, на телегах, на волах, на верблюдах. Были и пешие, совсем доходяги. Колыхались по мартовской хляби, скрипели-стонали подводы, полные стылых мертвецов, – невозможно остановиться похоронить, – живые, нет, полуживые, брели на своих двоих. Иные отходили к обочине, падали и замирали, а толпа тянулась дальше, не поднимая глаз, не протягивая рук, двигалась обреченно к непонятному морю, куда под страхом смерти велели им идти атаманы...

За два года Гражданской войны на Дону пашкой и веревкой истребили казаки немало безземельных крестьян, и калмыки в стороне не стояли. Ловили бывших своих арендаторов, надевших теперь буденовки и красноармейские шинели, и перед тем, как порешить, заставляли есть землю. «Земли тебе казацкой захотелось? Ешь досыта!» В отместку заживо сжигали красноармейцы захваченных в плен калмыков-деникинцев. Каждая сторона стремилась уничтожить врага под корень.

В конце января, когда Сводный конный корпус, тогда еще с Думенко во главе, вышел к реке Сал, Чагдар попал в родной хутор. Ни дымка, ни коровьего мыка, ни овечьего бляения, ни конского ржания... Значит, не будет расстрелов и не устроит командир судилище, решая, кого казнить, кого миловать. Больше смерти боялся этого Чагдар.

Теперь нужно уберечь хутор от поджога. Всем своим товарищам и командиру взвода Червоненко загодя рассказал Чагдар, что Васильевский – его родина, что богатым хутор никогда не был и что многие хуторяне сражаются под началом Буденного в дивизии у Оки Городовикова.

Передовой их разъезд беспрепятственно доскакал до хуторской площади и спешил к раскрытым настежь дверям правления. Рядом с крыльцом на истоптанном снегу чернело свежее пепелище большого костра. Тонкие серые хлопья разлетелись далеко окрест, несколько недогоревших листов застряло в кроне старого карагача.

– Чевой-то твои хуторяне всю писанину спалили? – вихрастый Шпонько привстал в стремених и цапнул один лист с ветки. – Про че тут? – Шпонько сунул листок Чагдару. – Почитай-ка нам, ты же шибко грамотный.

Чагдар пробежал листок глазами: «...поведения очень хорошего и антибольшевистского настроения. По неграмотству податель бумаги ставит крест после оглашения ему написанного». Повезло, что имя отгорело.

– Вот тебе и красный хутор! – процедил Шпонько. – Точно фамилии там не написано?

– Да понятно, что наш калмычок своих выгораживает, – вторил Шпонько его дружок Коваль. – Были бы сознательные, не ушли бы за беляками. Твои-то вот, к примеру, где?

Чагдар пожал плечами. До своего база он еще не добрался. Когда лежал прошлой осенью в тифозном бараке в Царицыне, попался ему один иловайский станичник из перебежчиков, который шепнул, что брат его старший Очир за усердное истребление большевиков еще два Георгия заработал и стал полным кавалером. Тогда пожелал Чагдар, чтобы тот станичник из болезни не выкарабкался. Перебежчик помер на третьем приступе.

А Чагдара после тифа откомандировали к оставшемуся без корпуса Думенко: пока тот с тяжелым ранением по госпиталям валялся, Буденный прибрал к рукам командование корпусом, и теперь «батька крестьянской конницы» набирал себе новых бойцов. Неважнецки чув-

ствовал себя Чагдар среди пришлых хохлов и великороссов, только-только севших в седла и с завистью глядевших на то, как он управляется с конем.

– А вот поехали к твоему базу! – предложил неумный Шпонько.

– Да что, ты, Шпонёк, к Чалунку причепился, – урезонил вихрастого старший разъезда Морозов. – Ты про своих-то родичей все знаешь?

– А мне, дядя, про своих знать нечего. Сирота я! Все перемерли.

– Теперь сиротой быть-то со всех сторон выгодно, – под нос себе пробурчал Морозов. – Теперь без семьи, без имущества самая жизнь.

Шпонько довольно расхохотался:

– Завидуешь, дядя?

– Фисилису твоему, что ли? Была б охота дурной болезни завидовать. А уж сиротству – упаси боже и товарищ комиссар! Тьфу-тьфу-тьфу! – Морозов поплевал через левое плечо. – Скачи-ка ты, неугомонный, к нашим, рапортуй, что хутор чист, можно занимать. Глядишь, тебе товарищ Червоненко за хорошую весть табачку из своего кисету отсыплет.

До чего же благодарен был тогда Чагдар Морозову!

Бойцы разъезда, пользуясь правом первоприбывших, с шутками-прибаутками стали высматривать себе для постоя дома получше, шныряя туда-сюда вокруг площади, где за прочными заборами стояли солидные пустые пятистенки, а Чагдар под шумок отъехал к родному базу.

Издали увидел еще, что ворота и калитка затворены. За два последних года научился Чагдар стучать в закрытую дверь. Хоть и запрещает обычай калмыку бить по дереву, но не стучать бывает себе дороже. Тот беззвучный вход в кабинет начальника станции Куберле в мае 1918-го Чагдар будет помнить всю жизнь. И жутко было, и стыдно, и... сладко. Совестно сказать, но он даже про отца на время забыл. Полный курс по женской части за одну ночь прошел, Маруська ему к утру со смехом на все места синих печатей понаставила. А утром Куберле атаковали белые. И метался Чагдар по станции в поисках отца, пока не встретил вчерашнего разводящего Петра. Увез отца анархический поезд, в санитарный вагон которого разместил его протрезвевший от холодного душа доктор Лазарь. А Маруська оказалась в бронепоезде Канукова и еще не раз на пути отступления к Царицыну вызывала к себе «на беседу» Чагдара.

– Кто в Красную армию через парадное крыльцо пришел, кто – черным партизанским ходом, а ты, Чагдарка, через анархическую постель запрыгнул! – подшучивал Кануков.

Шутка была так себе. По счастью и несчастью одновременно, Маруську по прибытии в Царицын председатель Военного совета товарищ Сталин срочно отправил под присмотром в Москву, пока буйная неукротимая баба, которой любая власть была как кость в горле, не устроила в Царицыне грабежей, как в Таганроге, за что большевики ее судили, но оправдали. А Чагдара приняли тогда бойцом в Отдельную кавалерийскую бригаду под командованием калмыка Оки Городовикова...

Чагдар снял рукавицу и легонько побарабанил костяшками пальцев по оконному стеклу мазанки. Но никто не выглянул в маленькое подслеповатое оконце. Чагдар перемахнул через забор, толкнул дверь в дом – от резкого толчка она распахнулась настежь, в нос ударил запах гнили и запустения...

Внутри было холодно. На кровати, стоявшей под алтарем, навалено несколько кошм. Не сразу различил Чагдар под грудой шырдыков человеческую фигуру. Не помня себя, рванулся к кровати, ожидая худшего, откинул одну полость, другую... Живой! Отец дышал ровно, он просто спал. Рядом с ним лежала домбра.

Чагдар тронул отца за плечо. Баатр встрепенулся, заморгал, поднял голову.

– Ты мне снишься? – спросил он Чагдара.

– Нет, отец, я – в теле.

Баатр порывисто сел, обхватил стоящего Чагдара за пояс, притянул к себе, зарылся лицом в шинель...

– Дождался, – глухо сказал он.

Чагдар опустил на колени и обнял отца. Хотел спросить про мать и Дордже, но язык не поворачивался.

– Они ушли, – отвечая на незаданный вопрос, тихо пробормотал Баатр. – Очир сказал, что всех, кто служил в хуруле, красные поджарят на медленном огне. Я велел Дордже уходить с Очиром. Но Дордже только пятнадцать зим, а по виду – двенадцать. Вояка из него никакой. Я решил так: мать должна присмотреть за ним.

– А ты?

Отец отстранился, потер небритые щеки.

– А что я? Я через советскую власть пострадавший. Да и с тобой надеялся свидеться. Кривой Адык уходил, сказал мне: «Хитрый ты, Батырка. По обе стороны фронта защитников имеешь».

Чагдара переполняла радость. И оттого, что все живы и в безопасности, и от встречи с отцом, и еще оттого, что может теперь, прямо глядя в глаза, сказать Шпонько: «Отец мой дома!»

Недолго стояли они в хуторе – есть там было нечего, рванули дальше, благо белые и не думали обороняться. Очень надеялся Чагдар, что не догонят они калмыцкие обозы, что как-нибудь закрепятся деникинцы в районе Екатеринодара, дадут уйти обозам в ставропольские степи, а оттуда повернут беженцы на астраханские пески и растворятся среди дербетских калмыков. Но белые драпали, как ошпаренные, бросив обозников на волю немилосердной судьбы, кубанские казаки воевать больше не желали и держали нейтралитет, и калмыцким беженцам, как и всем донцам, оставалась одна дорога – вслед за войсками к Черному морю.

Когда в феврале Думенко вдруг арестовали и бойцы корпуса заволновались, забузили, Чагдар ожидал, что наступление красных приостановится, но заместитель Думенко Жлоба жестко взял власть в свои руки и повел корпус вперед.

И вот случилось худшее: за Екатеринодаром они нагнали беззащитный обоз Белой армии. Бесконечной змеей тянулись беженцы, спутались и перемешались казацкие брички, городские фаэтоны – и тут же коровы, лошади, верблюды... Калмыки старались держаться кучно, красные и желтые одежды женщин были видны издали.

Чагдар namного оторвался от своих, неистово рубивших беженцев в самом хвосте, выцеливая «буржуев и кадетов»; к последним добавились и «калмыцкие хари», подчистую угнавшие из своих станиц скот и обрекшие красноармейцев на постную похлебку. Чагдар рвался вперед и вперед, подстегивая гнедого, вглядываясь в почуявшую опасность толпу, надеясь увидеть хуторян, а с ними мать и Дордже.

Уже за полдень, отчаявшись найти родных, Чагдар повернул назад, пока его не хватились и не обвинили в дезертирстве. Обрато ехал медленно, и снова всматривался, и снова надеялся. Навстречу ему неслись выстрелы, крики, стоны, конское ржание... Народ начал в страхе оборачиваться, соскакивать с подвод и разбегаться с дороги в разные стороны; калмыки резали постромки упряжек, бросали свой скарб в телегах и, посадив детей и женщин на неоседланных лошадей, уходили в сторону ближайших балок.

Начинало смеркаться, когда Чагдар увидел своих товарищей по взводу. Забрызганные кровью с ног до головы, опьяненные безнаказанной рубкой, они уже плохо держались в седлах, пошатывались от усталости, а может, и от кавказской водки, три бурдюка которой с утра реквизировали у армянского торговца. Никого живого не осталось вокруг конников, а они в азарте охоты всё вертели головами в поисках движущейся цели и, не находя, секли шашками брошенные в телегах окоченевшие тела покойников.

«Эти казни будут оправданы историей, потому что их совершает новый прогрессивный класс, сметающий со своего пути пережитки капитализма и народного невежества», – всплыли в голове Чагдара слова комиссара Громова.

– Где тебя носило, калмычок? – окликнул Чагдара Коваль. – От работы отлыниваешь? Мы тут много ваших посекали, так, Шпонёк?

– Так точно, – откликнулся Шпонько. – Посрать и то было некогда.

Он сполз с лошади, отстегнул ремень с кобурой и ножами, передал Ковалю:

– Подержи пока, я до ветру отлучусь.

Поковылял, перешагивая через мертвые тела вдоль обочины, к перевернувшейся на бок телеге. Вернулся чуть не бегом, на ходу застегивая штаны:

– Там за телегой хтой-то хоронится! Дай-ка сюды мой клинок! – Выхватил из ножен шашку и побежал обратно.

Чагдар, сжав зубы, отвернулся... и вдруг услышал полужнакомый, ломающийся подростковый голос:

– Пощадите! Пощадите!

Чагдар резко обернулся на крик. По вспаханному полю в разные стороны от перевернутой телеги бежали две фигурки в калмыцком платье – женская и мальчишеская. Женщина припадала на правую ногу. Кричал мальчишка, кричал и мчался, не оглядываясь, по пашне, вопил отчаянно, думая, что преследователь настигает его. Но Шпонько выбрал женщину и гнался за ней, тоже прихрамывая после целого дня в седле.

– Стой! – Чагдар сам не узнал свой голос, больше похожий на свист пули. – Стой!

Но никто из троих и не думал останавливаться. Чагдар дал шенкелей гнедому и бросился догонять Шпонько.

– Шпонёк! Не руби-и-и! – истошно завопил он.

Но на голос его обернулся не Шпонько – обернулась женщина. На губах появилась улыбка узнавания, она уже приоткрыла рот, чтобы что-то произнести... и тут мелькнула в руке Шпонька шашка, и Альма запрокинулась, на мгновение повиснув на клинке. Шпонько выдернул шашку, и тело рухнуло навзничь, беспомощно раскинув руки.

Шпонько уже наклонился над жертвой, примеряясь нанести последний удар в грудь, когда Чагдар прыгнул на него сзади, рванул на себя, и они упали в борозду. Не поняв, что произошло, Шпонько матюкнулся и тут же захрипел: Чагдар сдавил ему горло...

Товарищи помешали ему удушить Шпонько. Навалились, разжали руки, скрутили Чагдара.

– Мальчишку, мальчишку не убивайте! – орал Чагдар, не чувствуя боли и пытаясь вырваться. – Братишка мой младший!

Могилу для матери они с Дордже копали уже в темноте. Место выбрали на меже, чтобы не пахал землю плуг над ее костями. Земля была мягкая, как копченое сало, липкая только. Чагдар резал пласты шашкой, Дордже отгребал руками, непрерывно бормоча слова молитвы дребезжащим голосом – у парня от пережитого стучали зубы. Тело матери лежало рядом, завернутое в расшитую синими цветами скатерть, которую пожертвовал из своих трофеев Морозов.

Взводный Червоненко подходил, спрашивал, не помочь ли чем.

– Ты смотри, зла на Шпонько не держи, он все делал по указаниям, – предупредил Червоненко. – У кого перед советской властью вины нет, тот от нее не бежит, тот к ней тянется. Так нам товарищ комиссар разъяснял, помнишь?

Чагдар промолчал.

Положив на могилу согласно обычаю ветку прошлогодней полыни, братья вернулись к костру, разведенному из собранных на дороге оглобель и дуг. Бойцы подтянули к костру брошенные телеги, поставили кругом.

– Вам с братишкой... это... отдельную телегу нонче выделили, – показал Коваль Чагдару на одну из повозок. – Как баре ночевать будете, просторно.

Остальные сидели у костра, не глядя на подошедших, потягивали из кружек кипяток.

– Товарищ командир, – обратился Чагдар к Червоненко. – Разрешите мне брата на хутор какой пристроить, а как мы беляков победим, я его до дома свезу.

– Разрешаю, – позволил Червоненко. – Утром отвезешь.

– Зачем утра ждать? – возразил Чагдар. – Разрешите сейчас отбыть. Завтра я взвод догоню.

Червоненко обвел глазами своих бойцов.

– Езжай, коль невтерпеж. Вот тут клячу живую нашли, бери для брата...

– Ладно.

Чагдар помог Дордже сесть охлюпкой на лошадь, подстелив ватник. Подошел Морозов, принес бурдюк.

– Пригодится, – кратко сказал он.

Чагдар кивнул. Говорить по русскому обычаю «спасибо» он так и не научился.

Чагдар догнал свой взвод только к вечеру следующего дня. Найти неразграбленный и не забитый разбежавшимися беженцами хутор оказалось непросто. Пришлось на много верст уехать в сторону от дороги. Хмурый и настороженный кубанец принимать Дордже не хотел. Отговаривался тем, что кормить лишний рот ему нечем, сами голодают. Но бурдюк водки внес поправку в его настроение, а обещание оставить в хозяйстве лошадь, на которой прибыл Дордже, изменило отношение к неожиданному нахлебнику. Уезжая, Чагдар еще на всякий случай пообещал спалить хутор, если, вернувшись, не найдет брата живым и здоровым.

Прощаясь, Дордже шепнул Чагдару, что будет теперь каждый день читать мантру раскаяния за себя и за него. Не совладал он с собою вчера и совершил большой грех – прочитал мантру черной богине Кали, обрек убийцу матери на смерть. Не положено было по возрасту знать ему эту мантру – подсмотрел ее в книге бакши, и вчера, когда копали могилу, мантра всплыла в его голове и вырвалась наружу. Горько усмехнулся Чагдар, слушая это признание.

Первый, кто встретил Чагдара по возвращении, был Червоненко. Долго и участливо выспрашивал, где пристроил братишку. Чагдар отвечал односложно и неопределенно.

– А Шпонько сегодня шальную пулю поймал, – пристально глядя в лицо Чагдара, сказал взводный. – Стрелка мы так и не нашли...

Чагдар спокойно выдержал взгляд.

– Это был не я. Одно хорошо: патроны сберег. Я бы не утерпел, всю обойму в него высидил.

Про то, что старший брат воюет за белых, Чагдар никому из взвода не рассказывал. В дивизии Городовикова про Очира знали многие, у каждого городовиковца, почитай, кто-то из родственников сражался на другой стороне, и Чагдар в дивизии был такой же, как и все. Но в своем взводе он слишком выделялся: лицом, происхождением, владением шашкой и конем, а еще грамотностью. Не желая того, Чагдар как бы возвышался над товарищами, а то, что при этом он был узкоглазым инородцем, было для них особенно обидно. Единственным человеком во взводе, чье доброе расположение чувствовал Чагдар, был мобилизованный Морозов из астраханских жидовствующих – бойцы за глаза называли его христопродавцем и комиссарским прихвостнем. Может быть, расположение это исходило оттого, что Чагдар не пил, не сквернословил и выказывал Морозову, как самому старшему по возрасту, свое почтение – словом, вел себя так, как принято в морозовской общине.

Теперь Чагдар думал об одном: только бы не встретиться в бою с Очиром. Нет страшнее преступления, чем убить старшего по роду. Наоборот – не возбраняется: старший имеет

полное право покарать младшего или лишить жизни из сострадания. Когда их корпус вошел в Екатеринодар, Чагдар видел беженцев-калмыков, не успевших перейти через Кубань, которые собственноручно резали своих детей, боясь, что их будут мучить красные, а потом сами бросались в половодье с обломков моста и тонули в обнимку с мертвыми детскими телами...

Докатившиеся до предгорий деникинцы наконец опомнились, закрепились и стали отстреливаться, давая уцелевшим обозам и беженцам уйти в Новороссийск. Не должен был Чагдар переживать за врагов, а все-таки переживал. Может быть, потому, что на той стороне воевал старший брат. Может быть, потому, что не мог понять, как умная, обученная, хорошо вооруженная казачья армия во главе с настоящим генералом так постыдно драпает от бывших батраков, которыми руководят командиры-самоучки. Так не должно было быть, но жизнь убеждала в обратном. Значит, судьба привела Чагдара на правильную сторону, и эта мысль примиряла его с тем, что происходило вокруг.

В прошлом году, до тифа, когда Чагдар служил еще у Городовикова, зачитывали им на общем сборе статью главкома Красной армии товарища Вацетиса, призывавшую уничтожить старое казачество. Сначала все слушали спокойно. Но когда главком сравнил казака с собакой, слушатели заволновались. Они ведь тоже считали себя казаками, только красными. А когда было сказано, что у казачества нет заслуг перед русским народом и государством, бойцы повскакали с мест, засвистели... Едва до бунта не дошло.

Вацетиса летом арестовали, обвинив в контрреволюционном заговоре, но хохлы и матросы продолжали уничтожать казаков беспощадно, оттого многие донцы и ушли к белым. Потому и беженцев столько за деникинцами потянулось. И позор то был для казаков – бросить свои семьи врагу на растерзание. А вот бросили...

Между тем красноармейцы уже вползли на перевал Волчьих ворот. Чагдар впервые в жизни видел горы. Словно земля вдруг взбунтовалась и встала на попа, пытаясь достигнуть неба. Боязно было идти по узким тропам, где с одной стороны отвес, с другой – обрыв, а вокруг сумрачные кряжистые деревья. Во взводе все с лошадей слезли, вели в поводу. Сердце колотилось от непривычной нагрузки, дыхания не хватало, колени болели. Не понравились Чагдару горы.

И море Чагдару не понравилось. Безбрежное, темное, неустойчивое, изменчивое, волнистое. Город у кромки залива казался потерянной на берегу подковой, а стоявшие на рейде суда – колыхавшимися на поверхности воды мертвыми муравьями.

Ходили слухи, что трудно будет взять окруженный горами Новороссийск, что белых с моря прикрывают английские и французские боевые корабли, что нарочно заманивают красноармейцев в ловушку, и как начнут они спускаться с гор, тут-то все и полягут. Но слухи не оправдались. Хотя с горы было видно, что город набит войсками, как мешок, под завязку, но войска бездействовали. Иногда только раздавались с причаливших к пристаням кораблей выворачивающие нутро звуки сирен да одиночные выстрелы сухо щелкали, отражаясь от гор хмыкающим эхом.

А когда одной ясной ночью повалил над городом густой черный дым и взметнулись багровые языки пламени, Червоненко довольно рассмеялся.

– Ну, усё, ребя! Тикают белопузые, нефть запалили!

Утром вошел их взвод в город без единого выстрела, и продвинулись конники до самого моря, не встречая сопротивления, а навстречу им из города гнали черкесы и чеченцы расседланных коней. Ни до, ни после не видел Чагдар столько брошенного оружия, пулеметов и пушек, столько валявшихся на земле погонов и кокард, такой огромной беспомощной толпы, сплошь из нестарых мужчин, из которых, казалось, вынули всю смелость и самоуважение. Стаи белых птиц с черными оторочками на крыльях реяли над ними в ожидании поживы, предвещая гибель.

При виде безоружного противника в товарищей Чагдара как бес безнаказанности вселился. Давя народ лошаадьми и стегая нагайками, они бросились выбирать себе жертв. Сжатые теснотой бетонных заборов, люди уворачивались от карателей, умоляли о пощаде.

– Свой я, братишки, свой!

– Помилосердствуйте, братцы! Батрак я безземельный!

Замешкались было конники, закрутили головами. Но тут Коваль нашелся:

– Секи калмычков, ребя! Они точно виноватые! И бог за них не накажет!

В толпе стали озиаться, выискивая узкоглазые, скуластые лица, выталкивали вперед, к карателям. Чагдар увидел, как пытались спастись калмыки, присаживаясь, хоронясь между ног, заползая в самую гущу, а толпа выпихивала их, и красные конники секли несчастных молча, споро, спешно. Всего несколько минут продолжалась эта дикая охота, а уже сотня трупов валялась на набережной.

Отжатога разбегающейся толпой к самому парапету Чагдара обуревала одна мысль: как прекратить несправедливое истребление, может, где-то здесь остался и старший брат... Шарил глазами по лицам, поглядывал вокруг... Водоросли, мусор, щепки окаймляли бетонную набережную. Вдруг у выхода на пристань увидел брошенный рупор. Чагдар протиснулся к опустевшему причалу, свесился, не сходя с коня, и подобрал бесхозную игрушку. Дунул – рупор издал резкий металлический свист, люди встревоженно замерли.

– Калмыки! Земляки! – закричал Чагдар по-русски. – Все, кто готов перейти на сторону Красной армии, ко мне!

Толпа всколыхнулась. Чагдар и глазом моргнуть не успел, как пристань заполнилась перебежчиками. Здесь было не меньше трехсот человек, в основном молодых казаков. Знакомых лиц не находилось, и брата, по счастью, Чагдар тоже не увидел.

Он встал на коне у выхода на пристань и выхватил из кобуры револьвер, готовый охранять сбежавших от самосуда.

– Ай да Чалунок, доброе дело сделал, – разгоряченный Коваль подскочил к Чагдару. – Тут мы на них и силы тратить не будем, просто потопим! Они же плавать-то не умеют.

– Стоять! Не дам! Я за них отвечаю! – Чагдар выстрелил в воздух. – Позовите сюда комиссара Громова! – прокричал он в рупор.

Ва-ва-ва – пронеслось по набережной.

– Всем отойти! – рявкнул Чагдар, и преследователи отступили. – В шеренгу по пять становись! – скомандовал он сбившимся в кучу калмыкам.

Когда комиссар Громов на своем соловом мерине добрался до пристани, спасенные от расправы уже выстроились в полусотни, беспогонные, безоружные, но сохранившие воинскую выправку и военную дисциплину. В единой форме, они производили более выгодное впечатление по сравнению с кое-как обмундированными красноармейцами.

– Товарищ комиссар! – отрапортовал Чагдар, отдавая честь. – Эти калмыцкие конники готовы воевать за Красную армию!

Громов растерялся.

– Единолично я такой вопрос решить не могу. Нужно отвести их в штаб фронта.

– Так ведите! – И прежде чем Громов успел открыть рот, Чагдар скомандовал: – За товарищем комиссаром вперед шагом марш!

И первая шеренга шагнула вперед, за ней вторая, третья... С одного взгляда было видно, что перебежчики хорошо отмуштрованы, шли четко, с шага не сбивались, строй держали. Громов сразу оценил возраст, выправку и дисциплину бойцов, приободрился и крикнул замыкающему колонну Чагдару:

– А ты молодец, Чолункин! Зачем такой материал без толка закапывать? Мы их перекуем. Послужат твои земляки рабоче-крестьянскому государству!

Чагдар радостно кивнул. Спас, спас в память о матери столько молодых жизней!

Но на выходе с набережной путь им преградил конный разъезд. Огромный рыжий детина в кожанке с комиссарской повязкой на рукаве окликнул Громова:

– Эй, старшой! Не в ту сторону ведешь! Расстреливать приказано за цементным заводом!

– Это перебежчики! В штаб веду для дальнейших распоряжений, – возразил Громов.

– Чего их бестолково туда-сюда гонять! Направляй сразу в каменоломни, там их ждут.

– А ну-ка, дай дорогу! – потребовал Громов.

– А я тебе приказываю – поворачивай к цементному! – загудел детина и рванул из кобуры револьвер. Конопушки на одутловатом лице побелели.

– Убери оружие и освободи проход! – рявкнул Громов и тоже выхватил наган. – Под ревтрибунал за превышение полномочий захотел?

Детина сунул револьвер обратно в кобуру, пожал плечами:

– Да я что? От бесполезной работы хотел тебя освободить. Все равно не доведешь. Выше по горке казачки лютуют.

...В штаб они сумели доставить чуть более двухсот человек, и то по дороге раздетых до белья красноармейцами. По приказу начальника штаба перебежчиков заперли в подвал до особого распоряжения. Громов потом наводил для Чагдара справки. Всех отправили в Новочеркасск «на перековку», а оттуда на советско-польский фронт. А Чагдара Громов перевел к Городовикову.

Глава 10

Февраль 1923 года

Бруф-бруф! – ветер ломился в стену белой войлочной юрты, испытывая ее на прочность. Подрагивали красные решетки, скрипели жерди, колебалась деревянная дверь. Чагдар – да нет же, в целях конспирации его зовут теперь Улан Уланов – примостился у очага, подстелив под себя толстую овчинную доху. Харти Кануков – нет, забыть это имя, он перевернул его и зовется теперь Итрах Вокунаев – разместился на складном деревянном кресле с кожаным сиденьем у тлеющих кизяков, вытянув к теплу ноги в гутулах из собачьей шкуры с загнутыми носами. Монгольские командиры Дугэр-бейсе и Нанзад-батор уже спали, накрывшись кошмами; и сам Чагдар несколько раз ронял голову, а у Канукова сна не было ни в одном глазу. Он придвинул к себе сальный светильник и что-то увлеченно писал в маленьком блокноте.

Неделю шла их полусотня от Улясутая – крохотного городка у подножия невысоких гор на берегу мелководной, но многопротоковой, перекрученной, как нечесаный конский хвост, реки Борх. Шла среди бескрайних монгольских степей, и чем дальше шла, тем более диким становилось все вокруг – ни огонька, ни дымка, ни деревца, и даже дорогу дорогой назвать было трудно – так, давно нехоженная тропа. Пустынная, сглаженная ветрами местность простиралась от горизонта до горизонта, и только стада диких верблюдов, завидев их растянувшийся караван, пускались в бега, возмущенно потряхивая сдувшимися, завалившимися набок горбами.

Снега, несмотря на мороз, не было вовсе, и лишь промерзшие до дна речушки и озера свидетельствовали о глубокой зиме. Днем яркое солнце подплавляло ледяной панцирь, и лошади, разбегаясь копытами, слизывали воду словно со стекла.

Отряд двигался медленно – задерживал обоз: продовольствие, кибитки, оружие и боеприпасы, а с позавчерашнего дня даже прикрытый кошмами нарубленный лед – для питья людям и животным: предстояло пересечь Черную Гоби, где на пять переходов воды нет вообще. Обоз то и дело застревал в песчаных наносах, и приходилось спешиваться и, навалившись, выталкивать телеги из сыпучего плена.

Далеко забрался этот бандит Джа-лама. Монголы – простые солдаты-цэрики даже не знают, кого они идут убивать. Узнали бы – разбежались, побросав оружие. Джа-лама для них – воплощенный бог Махгал, злой, но справедливый защитник желтой веры. Чагдар в детстве всегда боялся смотреть на статуэтку Махгала: весь синий, с высунутым языком, в бусах из черепов. Теперь этот Махгал кажется не страшнее закопченного камня из очага. Все хурулы в России пожгли-порушили, и куда же этот защитник веры смотрел? И не защитник веры спас своего служителя Дордже от смерти – он, потерявший веру Чагдар, спас. А Дордже после возвращения домой первым делом достал из-под печки бурханов, расставил на алтаре и стал благодарить за спасение. Чагдара тогда даже злость взяла – вот до чего его брату в хуруле мозги вывернули! Но отец велел оставить Дордже в покое – Чагдар и оставил. Что ему теперь заморочки младшего брата, когда на кону – мировая революция?

Ведь именно им, красным донским калмыкам, доверили товарищ Ленин и советское правительство утвердить революцию на панмонгольском пространстве. Пусть обошли донских калмыков астраханские на общекалмыцком съезде и не получилось объединения, а только драчка и скандал, но помочь в великой борьбе монгольского народа против белого барона Унгерна послали именно их, донцев. И в посольство к Далай-ламе послали донца Василия Хомутникова; то есть не Хомутников он теперь, а Санжи Кикеев. И ликвидировать грабителя караванов Джа-ламу, который, по слухам, был из астраханских калмыков и звался Амуром Санаевым, тоже поручили донцу, а именно Канукову-Вокунаеву. А Чагдар-Улан у него теперь правая рука, и миссия у него в этом походе особая.

Кануков достал уголек из очага, раскурил потухшую трубку. Едкий дым китайской дунзы сизой полосой потянулся вверх к полуоткрытому отверстию в центре крыши. Чай в чашке, стоявшей на крохотном складном столике, остыл и покрылся жирной корочкой. Кануков подковырнул пластинку бараньего жира и отправил в рот.

– Видишь, какое уважение! – Кануков обвел рукой юрту. – Кибитка из белой кошмы, кресло с резными подлокотниками, джомба жирная... Да за такое уважение и жизнь отдать не жалко! Тут, в Монголии, ты понимаешь, что делаешь великое дело и что вклад твой оценен по достоинству!

Чагдар понял, что опять придется выслушать старые обиды Харти Бадиевича на астраханских калмыков.

– А эти наши братья-камышатники? – Кануков оседлал любимого конька. – Вообразили себя важными шишками. Да они при царе даже в армию не допускались. А в Чилгире охранять их съезд от бандитов позвали нас, донских бузавов¹⁶! Мы сняли эскадрон с боевых позиций и к ним с Кавказа рысью. И как они нас встретили? Поставили десяток драных кибиток, звезды сквозь дыры считать можно. А чем накормили? Я и сказал их предисполкома Буданову: «Что, жидовские военкомы научили тебя мучной болтанкой братьев встречать?»

– Я всю жизнь корить себя буду, что тогда не сдержался! – вставил уже привычное сожаление Чагдар.

– Да правильно ты военкому Аврорскому морду поправил! Фамилию взял от революционного крейсера, а поведение как у гнилого эконома, который батракам харч выдавал.

– Мне за ребят наших стало обидно. Так они рвались на съезд, «Интернационал» на калмыцком выучили, чтобы на параде спеть...

– И спели! Молодцы, дисциплина – прежде всего! Посадили эти жлобы меня в кутузку, думали, без меня эскадрон не организуется, а вот и ошиблись!

– Мы всей делегацией ходатайствовали, чтобы вас хоть на время съезда освободили!

– Да боялись астраханцы, что меня в головку выберут!

– А все-таки досадно, что объединения не получилось, – в который раз пожалел Чагдар.

– А ничего! – отмахнулся Кануков. – Еще, может, все калмыки в Монголию переселятся – есть такая идея. У нас там голод, разруха, народ трупы ест – а тут, смотри, одного только дикого скота сколько по степи бродит!

– С провиантом тут хорошо, – согласился Чагдар. – Но диковато.

– Да нельзя тут большие города строить, пока они землю рыть не осмелятся. Ведь ни покойников, ни говно не зарывают, чтобы землю не оскорбить, на одних собак рассчитывают. В Урге какая вонь стоит!

И правда, у собак тут особая задача. В Монголии они не столько охранники, сколько санитары. За их отрядом тоже два пса увязались. Присядешь за юртой по нужде – они уже тут как тут, караулят...

– Не потерпят наши, чтобы мертвецов кидали собакам на растерзание.

– Так мы зачем мировую революцию делаем? – вскинулся Кануков. – Чтобы нести культуру отсталым народам. Мы, бузавы, привыкли уже землю копать и в баню ходить. И их научим. И наших камышатников тоже от грязи отмоем!

Кануков ткнул карандашом в лист – грифель с хрустом сломался. Чагдар промолчал. Как и младшего брата с его упорным поклонением идолам, так Чагдар не понимал и Канукова с его желанием обособить донских калмыков, которых после Гражданской осталось-то всего 15 тысяч. Теперь, когда Советское государство дало им возможность создать свою автономную область, не время считаться и помнить обиды, надо сплотиться и бок о бок строить новую

¹⁶ Бузавы – донские казаки-калмыки.

жизнь. Сколь бы ни отличались донские бузавы от астраханских торгутов, но они все равно ближе, чем монгольские халхи¹⁷.

– Вам бы поспать, Харти Бадиевич! Каждый вечер допоздна пишите!

– Как всех врагов уничтожим, так и выплюсь! Ты ложись, я скоро.

– Есть ложиться! – с радостью повиновался Чагдар, накрылся шубой и смежил веки.

Но странное дело: пока сидел – боролся со сном, а глаза закрыл – сон улетучился, перед взором замелькали немые картинки. Морды мохнатых коней, скрюченные от ветра фигуры товарищей и рыжая матерая глина пустыни, посыпанная сверху черным щебнем, – такая она оказалась, Черная Гоби. И всплывали в памяти фотографии Джа-ламы, которые показал ему накануне Кануков. Одутловатое лицо Джа-ламы было почти квадратным, лобные бугры с широкими бровями сходились у узкой переносицы, нос длинный и прямой, выпуклые набрякшие веки совсем не монгольские, а красиво вылепленный женский рот со вздернутыми вверх уголками улыбался без улыбки...

Джа-лама – большой хитрец и фокусник, может подставить вместо себя кого угодно, если почувствует опасность. Его уже пытались выманить в Засагтхан-аймак, да не вышло. Потребовал для начала прислать ему утвержденную в Урге печать и грамоту. И вот в Улясутае изготовили подложную грамоту от Верховного ламы, которую теперь и везут в специальном запечатанном ларце вместе с двумя пистолетами. Если ларец откроют раньше, чем удастся добраться до Джа-ламы, скажут, что пистолеты – подарок, а если удастся внести ларец в его ставку нескрытым, то из этих пистолетов Дугэр-бейсе и Нанзад-батор должны его убить. А он, Чагдар, пойдет с ними как переносчик шкатулки.

– Нужно засвидетельствовать ликвидацию для отчета, а то монголы такие сказочники – выдумают что угодно и тут же сами поверят, – объяснил Кануков.

А еще важно отсечь Джа-ламе голову. Местные – слабые рубаки, совсем забыли мастерство великих предков. Если не вынесут они из дворца голову Джа-ламы, монголы не поверят в его смерть: считается, что пуля Джа-ламу не берет.

Шашку внести не получится, охрана Джа-ламы их всех прощупает, но известно, что приемная сплошь завешана холодным оружием, которое этот изверг регулярно пускает в дело.

За годы Гражданской войны Чагдар шашкой намахался. Рубил офицерье из Добровольческой армии, белых казаков-деникинцев, а потом на Кавказе – горцев-тавлинов¹⁸. Но всегда только в бою, безоружных не убивал, в казнях никогда не участвовал. А вот теперь настал его черед. И рука не должна дрогнуть. Если не удастся в Джа-ламу выстрелить, вся надежда только на шашку.

Сон совсем слетел, живот закрутило. Чагдар сел, натянул доху и, осторожно обойдя спящих, открыл дверь юрты. Ветер стих, в безоблачном черном небе яркими желтыми светляками мигали тумены звезд – казалось, протяни руку и наберешь пригоршню. Это было завораживающе красиво, и Чагдару захотелось взлететь и раствориться среди этой красоты, поверить в сказки, уйти туда, в светлую страну, где нет злодеев, нет ненависти и никому не надо рубить голову.

Но то была лишь секундная слабость. Рай придется строить на этой суровой, жесткой, пропитанной кровью и потом земле. И только советская власть может обеспечить построение коммунистического рая; и если ради этого нужно убить всех злодеев, их придется убить – таких, как Джа-лама, уже не перевоспитаешь. А если надо будет пожертвовать жизнью – Чагдар готов. Пусть не успел он дать потомство, дети Очира будут им гордиться. Если Очир выжил. А не выжил – отец велит Дордже уйти из монахов и жениться.

¹⁷ Торгуты – один из монгольских народов, халхи – основное население Монголии.

¹⁸ Тавлин (тавлу) – житель горной местности, овцепас (*презр.*). Современное название – аварец.

Рядом появилась собака, твякнула и села в отдалении. Потом подтянулась и вторая. Собаки вернули мысли с жертвенных высот на грубую землю. Прихватив с собой нагайку, Чагдар зашагал подалее от юрта. К ночи все покрылось инеем, черный щебень под ногами побелел, и казалось, Чагдар шел по хрустящему мелу. Отогнав псов, он оправился и почти бегом поспешил назад – мороз кусал нешуточно, хотелось быстрее в тепло.

Вдруг нога Чагдара за что-то зацепилась: из земли торчал конец обломанного бревна. Чагдар потянул обломок на себя – бревно поддалось не сразу, пришлось пораскачивать туда-сюда, прежде чем удалось выдернуть его из песчаного наноса. Это была удачная находка: утром вскипятят чай, не надо будет возиться с кизяками. Чагдар занес бревно в юрту, положил у очага сушить, свернулся рядом калачиком и наконец заснул.

Проснулся он от дикого, нечеловеческого крика. Спросонья выхватил из кобуры револьвер, решив, что на отряд напали бандиты, и вскочил, ударившись головой о низкий потолок юрты. В полумраке увидел монгольского солдата-цэрика. Трясущейся рукой тот указывал на бревно и орал благим матом.

– Кость смертоносного дракона! Кость смертоносного дракона!

Дугэр-бейсе и Нанзад-батор подскочили к очагу, взглянули на бревно, побросали пистолеты, кинулись на колени, сложили ладони и принялись шептать молитвы, время от времени prostираясь в поклонах. Несмотря на утреннюю стылость, по их лицам тек пот. Чагдар непонимающе взглянул на Канукова, тот пожал плечами. Спрашивать они не решались.

Цэрик выбежал из юрты и вернулся с кошмой. За ним вбежали еще два солдата-монгола. Они боязливо уложили бревно на кошму и принялись кропить водкой-хорзой из кожного сосуда, который Нанзад-батор достал из-за пазухи.

– А вчера уверял, что вся водка кончилась, – пробормотал Кануков, втягивая воздух.

С явной опаской монголы взяли кошму за углы и вынесли бревно из юрты, непрерывно читая молитвы. У песчаной насыпи они благоговейно опустили свой груз на землю, и в утреннем свете стало видно, что на кошме лежит обломок огромной кости, которую Чагдар в темноте принял за бревно.

– Это, наверное, от динозавра, – прошептал Кануков на ухо Чагдару. – Слышал про таких? Чагдар оторопело помотал головой.

– Вымерли еще до того, как люди на Земле появились.

– А чего тогда они так боятся? – кивнул Чагдар на монголов.

– А чего калмык орет от ужаса, когда к нему в кибитку крот лаз пророеет? – вопросом на вопрос ответил Кануков. – Всё дремучие предрассудки, и ничего больше. Не пойму только, откуда эта кость в юрте появилась. Подбросил, что ли, кто, чтобы запугать...

– Это я вчера ночью принес. Думал – бревно, – признался Чагдар.

– Вот тебе и бревно! Вся операция под угрозой! Они, – Кануков кивнул на монголов, – теперь скажут, что плохой знак, что это Джа-лама их предостерегает или вообще боги...

– Давайте, я им все объясню, – предложил Чагдар.

– Не поверят. Скажем, что ты сильный шаман из древнего рода и умеешь усмирять смертоносных драконов.

– Какой из меня шаман?

– Такой же, как из Джа-ламы бог Махгал. Ты чичердык хорошо танцуешь, вот и давай! Сейчас, как только они отойдут, подсакивай к кости и ори: «Хядрис! Хядрис!» Без музыки чичердык – натурально как шаман в лихоманке бьется.

Никогда еще не плясал Чагдар так самозабвенно. Все мышцы в теле тряслись, казалось, сами по себе, суставы ходили туда-сюда. Он прыгал на колени, прогибался назад и вскакивал, словно ужаленный. Шуба мешала, но лохматый мех колыхался в такт тряске и усиливал впечатление – монголы начали что-то выкрикивать и prostирать к нему руки. Когда дыхание сби-

лось, а тело стало мокрым от пота, Чагдар остановился, поднял руки, троекратно хлопнул в ладоши и крикнул: «Баста!» Потом нагнулся, набрал горсть щебня и кинул на кошму, в которую была завернута кость, а Кануков водрузил сверху здоровенный булыжник.

Чагдар обернулся к монголам и повелительно махнул рукой, приказав приблизиться. Жестом указал на камни: бросайте! Кануков следил, чтобы каждый бросил на кошму горсть камней – как бросали в могилу горсть земли в России, прощаясь с покойником. Монголы дрожали, но бросали.

– Вот мы и сочинили новый ритуал, – негромко заметил Кануков. – Погребли дух смертоносного дракона.

– Если честно, то в меня какой-то поток влился, – признался Чагдар. – Как будто меня в железный панцирь одели, словно я и впрямь Хошун Улан из «Джангра».

– В поклонении большая мощь, – помолчав, кивнул Кануков.

Отрядный песенник-тульчи в тот же день сочинил песню про славного Улана-Батора – Красного богатыря, укротителя смертоносного дракона – и горланил ее во всю глотку, несмотря на мороз. Про то, что несдобровать бандитам барона Унгерна, что, попадись они им на пути, искрошит их Улан-Батор своей острой саблей в пух – цэрики по-прежнему верили, что отряд ищет остатки унгерновских войск.

К вечеру полусотня достигла укромного распадка между двумя окаменевшими дюнами. Далеко на горизонте лиловела горная гряда. Там, по уверениям монгола-проводника, находилось логово Джа-ламы. Проводник всю прошлую зиму был у него пленником. Первая попытка бежать закончилась двумястами ударами бамбуковой палкой от Джа-ламы лично. Но, украв молодую верблюдицу, монгол решил на второй побег, едва не погиб, пересекая зимнюю пустыню без еды, и теперь вел в город Джа-ламы людей, которые должны уничтожить его мучителя.

Завтра утром они вшестером: проводник, Дугэр, Нанзад, Чагдар и двое доверенных оруженосцев тайно от всех отправятся к Джа-ламе. После их ухода Кануков отправит двух лазутчиков, чтобы те следили за крепостью. В случае провала лазутчики разожгут костер из сухой полыни – это будет сигнал к общей атаке. А пока соглядатаи Джа-ламы не должны узнать, что на расстоянии звука выстрела хоронится пять десятков солдат. Джа-лама теперь – злейший из врагов новой власти Монголии. Только он об этом еще не знает. Или знает? В Урге об этом объявили публично. Урга далеко, но слухи летят быстрее коней. Если операция по ликвидации пойдет неудачно и их группа погибнет, солдаты ворвутся в крепость, чтобы захватить Джа-ламу силой.

– А как они поймут, убили мы Джа-ламу или нет? – спросил Чагдар. – Ведь мы можем прикончить его и тут же погибнуть сами.

– Может, кто-то из вас в таком случае и умрет, но не все. Как только его люди увидят отрубленную голову, сразу разбегутся! Те, кто считает его бессмертным, подумают, что вы обладаете большей силой, чем он. Те, кого держат там на страхе, будут только рады его смерти. Говорят, у него пятьдесят палок для личных экзекуций. Пятьдесят!

Жуткие рассказы ходили про Джа-ламу. Как он сердца вырывал и писал кровью этих сердец на голубых знаменах, как он кожу с киргиза содрал, посчитав его злым демоном-мангусом, и возил с собой эту копчено-соленую кожу повсюду для тайных обрядов, как устроил массовую порку лам, не желавших работать руками...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.